

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**СЕНТЯБРЬ
2000**

**ЭЛУЛ
5760**

№ 9 (101)

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Не за горами еврейский Новый год, Рош а-Шона. Символично, что он почти всегда совпадает с началом учебного года. В связи с этим в предновогодние дни представляется уместным поговорить о еврейском образовании.

В этом году 1 сентября в странах бывшего СССР открыли свои двери 50 школ «Ор Авнер», из них 22 новые. Больше десяти тысяч еврейских мальчиков и девочек смогут не только получить прекрасное общее образование, но и познать мир традиции, истории, культуры своего народа, изучить иврит.

Еще 10 лет назад кто бы мог мечтать о подобном? Но это, так сказать, одна, лицевая сторона медали. А если взглянуть на другую, обратную ее сторону? Сколько еще еврейских детей не имеют даже представления об иудаизме, об идишкэйт? Сколько еще детей не переступили порога еврейской школы? Сколько еще не знают своей истории, уникальной культуры? Если задуматься над этим — не такими уж значительными покажутся нам наши успехи.

Еврейский народ часто называют народом Книги. Книги именно с большой буквы, потому что Книга эта — Тора, плод творчества не человеческого, а Б-жественного разума. Вот почему изучение Торы для евреев никогда не было просто интеллектуальным времяпрепровождением — в ней была их жизнь, полная смысла.

Если спросить еврейских родителей, чего бы они желали для своих детей — практически всегда ответ будет содержать мечту о высшем образовании и, естественно, хорошей профессии. В Америке по этому поводу была популярна шутка о якобы появившемся в еврейской газете объявлении: «Мистер и миссис Розенталь рады сообщить о том, что у них родился сын доктор Розенталь». Еврейские родители готовы на любые лишения, только бы их чадо получило хорошее образование. Корни такого отношения к знаниям следует искать в нашей традиции: ведь в еврейских семьях не было мальчиков, которые не умели бы читать и писать, тогда как у соседей-неевреев грамотный ребенок, даже великовозрастный, был большой редкостью. Еврейский закон предписывает религиозной общине нанимать учителя для детей из бедных семей. Так что сегодняшней высокий уровень образованности среди евреев можно считать «последствием» обязательного изучения Талмуда нашими дедами и прадедами.

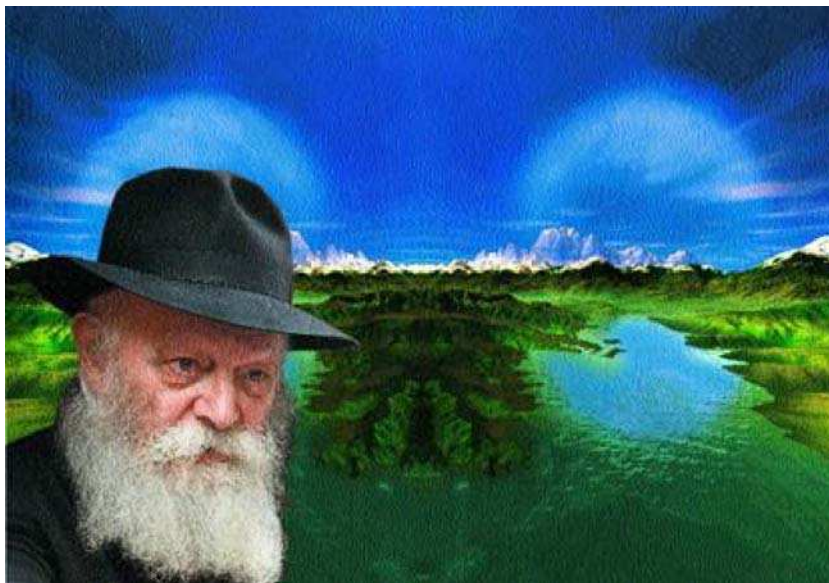
Однако ценности, увы, претерпели значительные изменения. 100 лет назад «а идише маме» объяснила бы, почему для нее так важно, чтобы и муж ее, и сыновья изучали Тору, познавали великие мысли мудрецов Талмуда: только так в этом огромном мире можно остаться евреем. Это было главным. Знаток Торы на социальной лестнице еврейской общины стоял значительно выше богача. Очевидно, что этот подход оправдал себя — еврейский народ жив, его стойкость стала легендарной.

Я искренне желаю всем нам возвращения к истинным еврейским ценностям, чтобы каждый еврейский ребенок прикоснулся к источнику жизни своего народа, чтобы и мы, и наши дети были достойны своих великих предков, своего драгоценного наследия.

Áëááí úé ðáááéí Ðíññè Ááðè Èáçàð

ОБРЕТЕНИЕ НЕБА НА ЗЕМЛЕ

365 размышлений Ребе

СВЯЗЬ С ЦАДИКОМ

Каждому, кто занят поиском, требуется проводник, никто никогда не поднимал себя за волосы.

Ребе — это нечто гораздо большее, он — проводник, который становится частью вас. Ваш поиск — это его поиск, ваша борьба — его борьба. Вы смотрите в труды Ребе и находите там себя.

Подобно тому как душа Адама вмещала все души, которые должны были появиться на свет, душа Ребе, согласно хасидской традиции, содержит душу каждого из его хасидов.

334

Когда Авраам «...близко подошел к Египту», он попросил свою жену Сару: «Скажи, что ты мне сестра».

Союз мужчины и женщины в браке не столь прочен, как союз брата и сестры. В первом случае две части связаны воедино огнем страсти, но эти две части могут быть по-прежнему разорваны. С угасанием страсти ослабевает и брачный союз. Единство же брата и сестры остается неразрывным.

Авраам, вышедший из Святой Земли во мрак Египта, знал, что единственная надежда выдержать погружение в эту нечистоту — связать себя как можно крепче со светлой, совершенно прозрачной душой, которая останется вдали от всего этого. Он и попросил Сару назваться его сестрой.

***

Предыдущий Ребе рабби Йосеф-Ицхок Шнеерсон оставил после себя большую бесценную библиотеку. Несколько наследников Ребе объявили, что книги были его личной собственностью и, следовательно, принадлежат им, наследникам.

После 35 лет споров дело рассматривалось в суде, дочь покойного ребецн Хая-Мушка заявила:

– Мой отец и его библиотека принадлежат хасидам.

Ребе, ее супруг, затем повторил слова ребецн публично и отметил, что эти слова решили исход дела.

335

Когда Ребе после года постоянных просьб и требований согласился стать главой Любавичского Движения, он предупредил своих учеников и последователей:

– Не думайте, что вы будете держаться за мой талес. Я помогу в случае необходимости. Но каждый должен будет выполнять свою работу.

336

Цадик соединяет вас с Б-гом и сам отходит в сторону.

337

Студент колледжа как-то спросил Ребе, в чем состоит его работа.

– Чем занимается раввин, я понимаю – он учит нас осознать свою вину, – сказал студент. – Но что делает Ребе?

Ребе поднял палец вверх и стал объяснять:

– Ты видишь эту лампочку? Провода соединяют ее с электростанцией, которая освещает весь Бруклин. Сама станция соединена с Ниагарой, снабжающей энергией весь штат Нью-Йорк и даже больше того. Каждый из нас – это лампочка, связанная с мощным генератором. Работа Ребе состоит в том, чтобы взять тебя за руку в темной комнате и положить эту руку на выключатель, который установит связь с генератором.

338

О его отношениях с Ребе:

Ощущения хасида таковы. Точно так же, как говорит Зогар, едины мы, Тора и наш Б-г, едины хасид, его Ребе и его Б-г. Я не видел, чтобы это было где-то написано, так что можно возражать против этого сколько угодно. Но я чувствую и верю, что это так.

339

Ребе знает своих хасидов, как знает человек собственные глаза, уши, пальцы рук и ног. Хасид ощущает своего Ребе, как биение собственного сердца.

340

Любавичские Рабеим выделяют специальное время, чтобы думать о своих хасидах, каждом в отдельности, сосредоточившись на любви и доброте, которую они испытывали к ним.

Как вода отражает лицо глядящего на нее, так сердце человека отвечает на мысли того, кто о нем думает. Ребе и его хасиды связаны между собой вечными узами любви.

***

В ряде случаев мысль о Ребе приходит, попадая в самую точку, неся с собой огонь, который переполняет всего тебя.

Это происходит потому, что я думаю о Ребе? Или потому, что он думает обо мне?

341

Цадик не испытывает нужды ни в чем и молится за свой народ.

Но если он ни в чем не нуждается, у него не возникает сомнений в том, что и они не испытывают нужды в чем-либо. Тогда зачем он молится?

Он молится, чтобы они открыли свои глаза и сердца, почувствовали, что на самом деле ни в чем не нуждаются.

Но все-таки, как может, как может не испытывающий ни в чем нужды молиться? Дело в том, что в глубине себя он не нуждается ни в чем, но еще глубже, в самой сущности, он и его народ – одно целое.

342

Когда вы видите, как в изгнании сгущается тьма и достигают предела испытания, единственный способ пробить тьму – усилить связь с цадиком своего поколения.

343

Если вы совершаете его работу, цадик дает вам силы. Значительно больше сил, чем вы можете себе представить. На самом деле вы становитесь с ним единым целым. Его решения становятся вашими, а ваши – его решениями. Не может быть большего единства между личностями.

Для того, чье «я» заключено в его теле, смерть тела означает смерть его «я». Для цадика же, чье «я» в его любви, благоговении и вере, это не смерть, а лишь переход заточения тела к освобождению. Он продолжает трудиться в мире и даже больше, чем до этого.

В Талмуде сказано, что наш праотец Яков никогда не умирал, как и Моисей, и рабби Иегуда. У них были очень высокие души, связанные с Истиной, и поскольку Истина никогда не может умереть, они тоже не умирали.

Да, глазами мы видим смерть. Тело зарывают в землю, и мы оплакиваем потерю. Но это лишь часть обмана материального мира. А в мире Истины они остаются, как и раньше.

Доказательством этого служит то, что мы еще здесь. Если бы высокие души не были с нами в нашем мире, все, что мы знаем, перестало бы существовать.

Цадики никогда не оставляют этот мир – они проходят через него, но все еще пребывают в нем. Они остаются, чтобы помогать тем, кто связан с миром, благословениями и советами, как и прежде, даже в еще большей степени. И те, кто удостоился знать их в телесной жизни, все еще могут создавать узы с ними. Все зависит от нас. Мы должны упорно трудиться для установления этой связи.

***

Во время своего руководства Любавичским Движением, отвечая на просьбы о благословении, Ребе неизменно говорил:

– Я обращаю на это внимание Ребе, моего тестя, на его могиле.

Под «Ребе» он подразумевал предыдущего Ребе, Ребе Раяца, который для него никогда не умирал.

ДНИ НАСТУПАЮТ

Существует древняя традиция, по которой цадик стоит выше остальных, в центре всех живущих на земле. Покинувшего этот мир цадика сменяет другой.

Цадик представляет собой канал, через который жизнь течет к Творцу и всем Его созданиям. Он или она – место сверхсознания всех умов и всех душ. Цадик – это мы, а мы – это цадик, и с цадиком мы едины.

Я глубоко убежден, что Ребе был сердцем первопроходцев и всех, кто родился в их кильватере.

Всматриваясь в лицо Ребе, я спрашиваю: «Его мир – мой мир... Но мы так далеки! Я – это он, а он – это я? Если его сердце – это мое сердце, то почему я не чувствую его биения?»

Но разве можно чувствовать, как бьется в тебе сердце? Большинство людей не чувствуют этого, если не пощупают свой пульс. Разве это не абсурдно? Все тело беспрестанно пульсирует, каждый орган без усталости качает кровь в сердце, а вы говорите «не чувствую». Оно так близко к вам, так много в нем вашего, что вы не можете чувствовать, как не можете видеть собственный нос.

Все происходящее с телом и умом отражает биение сердца и проходящей сквозь него крови, дающей жизнь.

Все наши поиски высших свершений, отрицание установленного порядка, наше ожидание Нового Века или как бы вы его ни назвали – все это выражение потока жизни, который поступает к нам через Цадика. Цадик, однако, символизирует ту самую эру Мошиаха, которую ждали еще наши праотцы.

И продолжает символизировать, ибо он до сих пор с нами.

346

1951 год. Мы – последнее поколение изгнания и первое – Нового Века.

1967 год. Дует мощный ветер возвращения. Я слышу звук рога великого Овна. Души юных готовятся к приходу Мошиаха.

1990 год. Время человечества, согласно традиции, разделено на шесть тысячелетий по шести дням творения. Седьмое тысячелетие – вне времени.

По этой парадигме, 5751 год (октябрь 1990 – сентябрь 1991) соответствует полдню шестого дня, открывает совершенно новую эру. В полдень в пятницу мы начинаем готовиться к Седьмому дню, все чудеса, которые предстоит увидеть в этом году, – лихорадочная подготовка природы ко времени вне времени. Мы войдем в то, что мудрецы назвали эрой Мошиаха.

347

Свыше 1800 лет назад автор Зогира предсказал, что примерно в 1840 году совершится революция в науке. Он описал, как раскроются шлюзы неба наверху и источники мудрости внизу, как потоки наводнят землю всем необходимым для новой эры и мир наполнится знанием Единства его Творца.

Мудростью, поступившей сверху, явились тайны Торы, переданные хасидским учителям. Мудростью снизу – новое понимание единства создания, представленное современной наукой.

И теперь все готово.

348

Сказано Исией: «Весь мир будет наполнен признанием Б-га, как воды закрывают дно океана».

Это – Воды Жизни для Всего.

Сейчас мы живем как существа сухой земли, будто отделенные от источника нашей жизни. Тогда мы будем как морские создания, поглощенные своим источником жизни. Окажемся в единении с Источником Всей Жизни, пока ничего нельзя будет различить между творением и Творцом.

349

Кое-кто боится Нового Века. Его беспокоит: «Что будет с моей карьерой? Должен будет измениться весь стиль моей жизни! Как же знакомства и связи, которые я приобрел в течение всей жизни? Мои владения, мои вклады, планы на пенсию? Наконец, мой автомобиль?»

Бояться нечего. Эра Мошиаха не отделена от нашей. Она включает все, что мы делаем теперь, все, что мы знаем, останется с нами. Исчезнет только отрицание, и мы увидим Б-жественность в каждой вещи.

Некоторые твердили: «Мошиах на пути к нам! Продавайте ваши дома и уходите в Святую Землю!»

Ребе же говорил: «Мошиах в пути! Стройте дома, организации! Делайте все, что можете, чтобы взять это с собой!»

350

Материальный мир – это место, где каждая вещь как бы заявляет, словно нет у нее источника: «Я здесь и всегда была здесь».

По сути нет источника только у Сущности Всех Вещей. Он был, есть и всегда будет. Есть истина, которую этот мир пытается нам сообщить.

Во времена Мошиаха исчезнет всякое искажение, и мы ясно убедимся, что есть только Сущность.

351

Все имеет свои границы, даже тьма. Как говорит Зогар: «При создании мира был положен предел даже тревоге, волнению».

352

Мы не ждем, чтобы откровение свыше спасло нас от незнания, как сохранить этот мир и установить в нем порядок. Мы, скорее, ждем увидеть, как солнце поднимается надо всем, что сделано нами, увидеть, как результаты нашей работы цветут в вечной весне.

***

Новый Век приходит в мир, как весенний дождь на вспаханное и засеянное поле. Пашите и сейте, пока еще есть время.

353

Это случится с вами или без вас, верите вы в это или нет. Да, вы можете ускорить это. Но суть в том, что это произойдет в наше время, станете вы в этом участвовать или нет. И будет для вас все хорошо, независимо от того, как это осуществится.

Но спросите себя: «Где я окажусь, когда это произойдет? Стану ли частью этого или мне не придется в нем участвовать?»

354

У скептиков возникает вопрос: «Как вы можете видеть так много хорошего в будущем, если в мире преобладает зло, и оно возрастает с каждым днем?» Но таков порядок вещей. Тьма помещена в мир как вызов свету. Когда свет усиливается, тьма сгущается, бросая ему вызов.

355

Говорят, что самая глубокая тьма приходит перед самым рассветом. До своего освобождения из Египта наши праотцы испытывали жесточайшие притеснения.

Тогда грубая тьма рабства распространялась на тела. Сегодня тьма пребывает в наших душах, воплощаясь в глубокий сон духа. Искры света, отблески солнца, которых прежде не было, пробиваются сквозь тьму ночи, но тьма пока сильнее.

Готовьтесь же к рассвету!

356

Притча

Отец отвечает на вопросы ребенка, и оба счастливы в происходящем диалоге. Но вот после очередного вопроса отец вынужден задуматься – как ответить на этот вопрос, чтобы сущность того, что он хотел бы вложить в ответ, вошла в мир ребенка. Он долго молчит, и ребенок начинает беспокоиться:

– Отец, где ты? Почему так долго не отвечаешь мне? Не забыл ты обо мне, погружившись в собственные мысли?

Отец начинает говорить, но теперь глубочайшая суть его мыслей проникает в ум и сердце ребенка. Вторгается таким потоком, что ребенок становится подобным отцу.

Дети – это мы. Сейчас время молчания.

Когда дух человека обьят тьмой, когда ворота для потока кажутся запечатанными, готовьтесь к освобождению.

357

Не сомневаясь в том, что мир создан Творцом, вы должны признать, что Он руководствовался целью.

Но оглянитесь вокруг, и вы убедитесь, что она не достигнута. Она во времени, еще не пришедшем. Это просто путь к ней.

358

Вы построили дом своей мечты. Мечта была планом. План стал массой грязной работы, работа – домом.

Если вам сопутствовала удача, сооружение явилось домом вашей мечты.

Мечта, план, грязная работа, успех. Почему это основная стратегия всех человеческих усилий? Потому что это история вселенной.

Тех, кто проникся мечтой, кто умеет читать план, мы уже видим за последними мазками.

359

Еще до того как я начал учиться, в моей голове уже формировалась картина освобождения. Такого освобождения и таким образом, чтобы оно придало смысл страданиям и преследованиям, которым мы подвергались.

Я не предполагал, что не будет тьмы, не будет страданий, что эти вещи перестанут существовать. Мне представлялось, что сама тьма станет светом – **даже тьма и страдания прошлого.**

360

В день Рош а-Шона, Нового, 5507 (1746) года, Баал-Шем-Тов, находясь в состоянии глубокой задумчивости, вошел в связь с Мошиахом и спросил его:

– Господин мой, когда ты придешь?

– Когда твои ручьи распространятся повсюду, – услышал он в ответ.

Мошиах имел в виду ручьи человеческой мудрости. Когда не только **вода** ручья, но и сами **ручьи** распространяются, когда наиболее отдаленные и темные уголки материального мира станут ручьями внутренней мудрости, тогда придет Мошиах.

Это теперь наказ нам.

361

Нынешнее положение мира называется «гола». В ближайшем будущем положение изменится и будет называться «геула».

Буква «алеф» в слове «геула» означает «хозяин», а также «один».

Чтобы превратить «голу» в «геулу», нужно лишь явить «алеф» – Одного Хозяина Вселенной, скрытого искусственными фактами этого мира.

362

Дело не в том, что мы должны быть освобождены, а в том, что изгнание следует из нас извлечь.

363

Поздняя весна 1991 года. Живите теперь в Новом Веке. Изучайте его. Говорите о нем. Внимательно смотрите на каждую деталь нашего мира и представляйте себе, какова она будет в эти времена. Будьте здесь. Не только ускоряйте его прибытие, но и готовьтесь принять его добро.

364

Осень 1991 года, за несколько месяцев до рокового удара. После 3307 лет все необходимое сделано. Стол для трапезы Мошиаха сервирован, старое вино, Левиафан и бык на столе – и мы ждем.

Осталось только открыть глаза и увидеть.

Последние слова я записал, но не понял. Если бы понял, вероятно, не нужно было бы говорить «открой глаза».

ПЕРЕДАЧА

365

После того как жена Ребе ребецн Хая-Мушка вернула Создателю свою душу, Ребе стал проводить все больше времени в Оэля, где похоронен предыдущий Ребе, отец ребецн. Он оставался там много часов, читал письма, адресованные ему, говорил псалмы.

28 Нисана 5751 (1991) года Ребе вернулся из Оэля, прочел вечернюю молитву и начал беседовать с хасидами. В середине беседы он неожиданно сказал:

– Мы так много говорим о геуле, и возникает тревожащий вопрос, как же это возможно, что мы еще не дождались прихода Мошиаха? Совершенно непонятно.

И другой вопрос. Много евреев собирались вместе и в подходящее время для геулы, тем не менее они не штурмуют двери, не требуют Мошиаха незамедлительно!

Они, не дай Б-г, допускают, что Мошиах может и не прийти сегодня... или завтра... или послезавтра. Кричат, поют и даже плачут «Доколе!», но делают это потому, что им сказали: так надо! Если бы они искренне плакали, Мошиах уже пришел бы!

Как я мог добиться того, чтобы все евреи плакали искренне и тем самым сделали бы Мошиаха реальностью? Все сделанное мной не помогло. Доказательство тому – мы всё еще в изгнании. Более того, в изгнании внутреннем, духовном.

Единственное, что я могу, – это передать дело вам. Делайте все, что можете, – берите «свет Тоху», но в «сосуды Тикун», чтобы немедленно привести Мошиаха в нашу реальность. (Тоху и Тикун – духовные миры, обсуждавшиеся в иудейском мистицизме. У Тоху большой свет и энергия, но он не может удержать их. У Тикун – правильные, гармонические сосуды для света, но этого света не так много.)

Пусть по воле Всевышнего будет десять евреев, которые решат бороться и требовать от Него – и, конечно, они преуспеют – привести немедленное освобождение, как написано: «Даже если народ и жестоковыйный он, прости нашу вину, наш грех и возьми нас Себе в удел».

Итак, свою долю я внес. Отныне делайте вы, что можете, и пусть по Его воле один из вас или двое, или трое придут с предложением, что и как делать. И главное – завершить это и принести настоящую, совершенную геулу немедленно, прямо сейчас, радостно, с чистым сердцем.

Слова Ребе вызвали огромное воодушевление у хасидов. Следующие одиннадцать месяцев он каждую неделю говорил о Мошиахе и советовал каждому изучать все о геуле и всеми средствами ее пропагандировать.

По окончании одиннадцати месяцев, 29 Адара I, Ребе привел в порядок свой рабочий стол и поехал в Оэль, где у него случился инсульт. В дальнейшем он мог произносить только несколько слов, но в постели и кресле продолжал работать, осуществлять руководство, советовать. Через два года в тот же день с ним случился еще один приступ. Три месяца и несколько дней спустя он скончался.

***

Ребе верил в наше осиротевшее постхолокостное поколение. Мы не подведем его.

Возможность свободно дышать, которую дают эти правила, восхищают. Они подобны указаниям великого музыканта или художника. Твердые, надежные, понятные, на их основе каждый народ, каждый человек может строить свою жизнь.

Наши мудрецы говорят, что внутри огромной семьи человечества имеется семьдесят семей с семьюдесятью дорогами, и у каждого индивидуума – своя тропинка внутри дороги. Но основа для всех одна.

Тот, кто живет по этим правилам, признавая, что выполняет указания Б-га, Его волю, считается по нашей традиции праведным. Этот человек – строитель, выполняющий свое предназначение в этом мире.

Эти семь правил, согласно древней традиции, коротко прокомментированные, представлены ниже:

1. Признание того, что есть лишь один Б-г, который Бесконечен и Выше всего. Не заменяй высшее Существо конечными идолами. В эту заповедь включены такие действия, как молитва, изучение традиции, размышления.

2. Почитай своего Создателя. Как бы ты ни был раздражен, не проклинай Творца.

3. Не убивай. Каждое человеческое существо, как и Адам с Евой, понимается как целый мир. Спасти одну жизнь значит спасти целый мир, уничтожить жизнь – уничтожить мир. Из этого правила естественно следует заповедь о помощи ближнему.

4. Почитай институт брака. Брак является наиболее Б-жественным актом. Брачный союз мужчины и женщины отражает единство Б-га и Его творения. Нечестность в браке разрушает это единство.

5. Не укради. Действуй в своем бизнесе честно. Рассчитывая больше на Б-га, чем на свою хитрость, ты выражаешь доверие к Нему как обеспечивающему жизнь.

6. Почитай Б-жи творения. В начале своего создания человек был садовником в Саду Эдена, «чтобы возделывать его и хранить его». Человеку было запрещено причинять вред любому животному. После Потопа ему разрешили есть мясо, но предупредили: не причиняй никому ненужных страданий.

7. Поддерживай справедливость. Справедливость – дело Г-спода, и нам поручено устанавливать необходимые законы и проводить их, насколько возможно, в жизнь. Устраняя несправедливость в обществе, мы действуем как партнеры в поддержании Творения.

ДОПОЛНЕНИЯ

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ НОЯ

На заре создания мира Б-г передал людям шесть правил, чтобы поддерживать этот мир. Позднее, после Всемирного потопа, Он вооружил Ноя еще одним правилом.

В течение большей еврейской истории обстоятельства позволяли нашему народу распространять эти законы разве что косвенно. Предложив опубликовать их как подготовку новой эры, Ребе воскресил практически утерянную традицию.

МОЙ НАРОД

Если вы встретите еврея, который любит Б-га, но недостаточно любит свой народ и Тору, скажите ему, что его любовь не может длиться долго.

Если же на вашем пути окажется еврей, который любит свой народ, но ему не хватает любви к Б-гу и к Торе, работайте с ним, культивируйте его любовь, пока она не распространится и на Б-га, и на Тору, и все это образует крепкий узел, который никогда не развяжется.

***

Гормоны, витамины, хромосомы и т. д. составляют очень небольшую часть организма, но они – самые существенные элементы жизни. Евреев крошечное меньшинство на земле, но они – самый живой элемент истории.

***

Еврейский народ – сердце мира. Если он здоров, здоров и мир.

***

Раввину, который писал о «мирских» евреях: Вы разделяете евреев на религиозных и мирских! Кто дал вам на это право? Нет никаких «мирских» евреев. Все евреи святы.

***

Из четырех сыновей, задающих вопросы отцу в ночь пасхального Сейдера, один мудрец, один грешник, один простак и один не умеет задавать вопросы. Общее у них – «один», как в «Слушай, Израиль! Б-г наш Г-сподь, Б-г один!»

Это «один» – сущность каждого еврея, даже того, кого называют грешником.

***

В наше время нет еретиков. Чтобы им быть, надо слишком много знать.

***

В разгаре кризиса в Персидском заливе один из известных раввинов утверждал, что евреи будут наказаны, так как среди них есть грешники. Разгневанный Ребе тогда сказал:

– Мудрецы говорят, что наш праотец Яков никогда не умирал. «Раз его дети живы, жив и он».

Каждый еврей – персонификация своего праотца Якова, и сердце каждого еврея живет, бьется. Сказать об одном из них, что он духовно мертв, значит признать, что наш праотец умер.

Если вам так кажется, вина ваша, а не еврея, которого вы наблюдаете. Б-г видит в евреях только хорошее. Он творит для них чудеса, и они будут спасены.

***

Еврейский народ един. Еврей, надевающий в Америке тфилин, обеспечивает безопасность еврею-солдату в Израиле.

***

Каждый еврей выбирает мицву, которая кажется ему наиболее привлекательной. Не спорьте с ним. Поощряйте в нем эту мицву.

***

Мы считаем невозможным для себя сознательное отделение от Б-га.

***

Следуя указаниям Ребе, некоторые соблюдающие традиции евреи стали общаться с теми, кто этого не делает. Они называли это «приблизить тех, кто далеки». Но Ребе, не одобряя этого термина, написал: «Вы говорите – приблизить тех, кто далеки?! Что дает вам право называть их далекими и считать себя близким? Вы должны подходить к каждому, будто посланы Царем для разговора с его единственным сыном, принцем!»

Многие хотят знать, как Ребе удалось привлечь такое большое количество последователей. На самом деле это очень просто.

Есть такие, что стали лидерами, заставив народ поверить в них. Ребе стал великим лидером, потому что верил в свой народ.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕ РАЯЦА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА

Запиши меня на память в своей книге

12 I eñi à 5653 ãã, 8 é ÷ àñ óò ðà

Сегодня я должен убрать свою комнату перед праздником Пейсах. Реб Мендл разбудил меня в шесть утра, мне очень не хотелось вставать в такой ранний час, но я все же доволен. Сейчас только восемь, а я уже помолился в первом миньяне, позавтракал и готовлюсь записывать продолжение рассказов и историй, которые услышал на вечерней трапезе в прошлый понедельник, 10 Нисана, у хасида реб Ханоха-Генделя.

Поскольку в нашем доме и доме бабушки ребецн Ривки занимались предпраздничной уборкой, я расположился в большой комнате – «зале» дедушки Ребе Шмуэля.

Я и не думал, мне казалось, что в этой комнате у меня в памяти возникнет все из увиденного мной здесь с раннего детства, с трех с половиной лет, до сегодняшнего дня. Признаюсь, я вовсе не ожидал, что мои воспоминания произведут на меня такое сильное впечатление, каждое из них всплывало передо мной и стояло, как живое, в моих глазах, не двигалось и будто просило: «Запиши меня на память в своей книге».

Я проверял каждое воспоминание в отдельности, осмысливал его и хотел понять, какую пользу принесет оно мне или тем, кто прочтет мои записи в будущем, и пришел к выводу, что несмотря на возможную путаницу (ведь я уже обратился к рассказам и беседам хасидов на упомянутой выше трапезе) я должен все записать. Предметы, стоящие в этом доме на своих местах с времен дедушки Ребе Шмуэля, таят в себе большой смысл.

Реб Аба-Довид Искарся

13 Í èñàí à 5653 ãää, 10 ÷ àññ à óò òà,

í à ì ìãëä Dááá Óàì àòà Óáááëà è Dááá Óì óyëy

С 5650 года я ежегодно сопровождаю своего отца Ребе Шмуэля на святой Оэль, чтобы посетить Ребе Цемаха Цедека и Ребе Шмуэля. Вот и сегодня я поехал с ним, но у меня оставалось некоторое время, и я решил использовать его для своих записей.

Реб Шмуэль Гуревич продолжает рассказ о старых хасидах Денберга и Гривы.

Реб Аба-Довид Искарся родился в Полоцке. Его отец реб Нафтоли, владелец небольшого магазина, с трудом добывал средства для существования. Был он человеком спокойным, не очень ученым, но и не совсем простым, детей своих он обучал у хороших меламедов. По совету своих друзей он решил послать Абу-Довида, обладавшего хорошими способностями, в одну из крупнейших ешив города Минска.

Мальчику было около пятнадцати лет, но он уже приобрел глубокие знания в разделах «Праздники» и «Ущербь», некоторые сложнейшие темы из них были изучены им очень подробно, с комментариями и открытиями мудрецов постталмудического времени. Благодаря его уникальной памяти и высокому интеллекту каждая изучаемая им тема была упорядочена, изложена ясным и доступным языком.

В течение лета 5540 года он посещал занятия в трех минских ешивах высочайшего уровня, но не получил удовлетворения, что его весьма расстроило, и в начале месяца Элул он отправился в Слуцк, о котором был наслышан с лучшей стороны.

В Слуцке Аба-Довид задержался на всю зиму, но и здесь ему не удалось утолить жажду глубоких познаний, и он решил попытать счастья в Вильно, у знаменитого Виленского Гаона.

Два года, с 5541 до 5543, Аба-Довид был погружен в учебу в великом средоточении знаний в синагоге в Шнипишк, затем до 5643 года он удостоился представлять перед лицом Гаона и слушать его два раза в неделю, от чего получал безграничное удовольствие.

За четыре года учебы Аба-Довид достиг больших успехов и поднялся над всеми сверстниками, многими учеными юношами.

Реб Борух-Мордехай из Бобруйска

Гаон рабби Шмуэль, председатель раввинского суда города Вильно, выдал замуж свою дочь за уже известного своей ученостью молодого человека из Бобруйска Боруха-Мордехая (Эйтингге). Рабби Шмуэль согласился взять к себе зятя на полное

содержание в течение 15 лет, чтобы тот мог спокойно продолжать изучение Торы, всем разумом погрузившись в учебу.

Свадьба состоялась в 5533 году в большой величии и присутствии избранных гаонов Вильно. Все присутствующие были потрясены познаниями жениха, силой его интеллекта.

Гаон рабби Шмуэль выполнил свое обещание, снял молодым дом, купил зятю большое количество книг, и реб Борух-Мордехай сосредоточился на учебе методом углубления в суть вещей, к чему стремился всем сердцем и всем своим существом.

За пять лет учебы реб Борух-Мордехай достиг великих успехов и в происходящих время от времени собраниях гаонов Вильно занимал одно из первых мест среди знатоков Торы.

В 5549 году гаоны Шклова пригласили гаонов Вильно, Бриска и Слуцка на «Стол Торы», чтобы решить вопросы, накопившиеся при изучении различных разделов Торы со времени последнего собрания, состоявшегося в 5534 году в Бриске. Среди гаонов Вильно на этом собрании присутствовал и реб Борух-Мордехай.

Тщательность исследования, способность проникать и погружаться в идею, логически мыслить были очень развиты у реб Боруха-Мордехая. Человек по природе спокойный и деликатный, он говорил всем приятные вещи. Своей мудростью и содержательностью речей Борух-Мордехай завоевал сердца многих молодых знатоков Торы и уважение известных виленских гаонов. Один из мудрецов рабби Йосеф «Кольбо» оценил его блестящие способности и увидел в нем драгоценный камень. Приблизив молодого человека к себе, мудрец раскрыл ему сокровищницы собственных знаний и объяснил наиболее сложные места особым методом, который вызвал у реб Боруха-Мордехая восхищение.

Реб Борух-Мордехай становится хасидом

В тот период рабби Йосеф «Кольбо» проводил встречи с молодыми знатоками Торы, выступал перед ними два раза в неделю с уроками по Талмуду логическим методом. Среди его юных слушателей выделился своими способностями реб Пинхас, сын великого гаона рабби Ханоха-Генеха Шика, ради которого реб Борух-Мордехай задержался в Шклове примерно на три месяца.

В один из дней по окончании занятий, когда юноши разошлись, остались только реб Борух-Мордехай со своим другом реб Пинхасом. Воспользовавшись хорошим расположением духа рабби Йосефа «Кольбо», молодые люди решились спросить у рабби, чем определяется его положительное отношение к учению Баал-Шем-Това, не получившему поддержки у гаонов Литвы. При упоминании реб Борухом-Мордехаем имени Алтер Ребе, названного магидом из Лиозно, глаза рабби сверкнули искрами:

— Мой учитель и раввин гаон из Лиозно — величайший гаон, я вот уже восемь лет как удостоился познакомиться с ним и не встретил подобного ему.

К тому времени, когда реб Борух-Мордехай уехал из Шклова, в его сердце закрепились основы учения Бешта и некоторые идеи Алтер Ребе, его новые пути в хасидизме. Вернувшись домой, он установил для себя постоянные занятия по изучению

книг по еврейской философии и каббале с учетом указаний рабби Йосефа «Кольбо» из Шклова.

В начале 5543 года рабби Йосеф «Кольбо» снова посетил Вильно, задержался там на две недели и познакомил реб Боруха-Мордехая с реб Шлоймо-Йосефом и реб Рефоэлем-Борухом, тайно примкнувшими к хасидскому движению. С того времени реб Борух-Мордехай вступил в новый период своей учебы. Около года реб Борух-Мордехай со своими сверстниками реб Шлоймо-Йосефом и реб Рефоэлем-Борухом изучал хасидизм, после чего у него возникло большое желание встретиться с Алтер Ребе, и он стал думать, как реализовать это желание. Молодой человек заявил своему тестю, что хочет на год или два уйти в «изгнание» в место Торы (тогда существовал такой обычай — на несколько лет уходить в добровольное изгнание). Тесть не возражал. Его предложение было принято, и с благословения жены он отправился в Шклов, а оттуда в Лиозно. Там он на два года погрузился в изучение хасидизма и в 5544 году вернулся домой убежденным хасидом. Однако эти свои убеждения, как и деятельность по распространению идей хасидизма, он скрывал почти четыре года. К тому времени на территории Литвы уже были созданы центры по распространению учения Баал-Шем-Това. Во главе этих центров стояли люди, обладающие обширными и глубокими познаниями как в открытой Торе, так и в Торе хасидизма. Реб Борух-Мордехай стал руководителем хасидской общины города Вильно.

Центры Хабада в Вильно

В 5548 году, по завершении срока, о котором была договоренность у реб Боруха-Мордехая с его тестем, молодой хасид занялся наставлением старших учеников. Из 24 человек, собранных им, он организовал две группы и установил занятия таким образом, чтобы каждая группа в день прослушивала по два урока. Учеба заключалась в основном в изучении Талмуда с комментариями, введен урок и по изучению «Мусара», «Хакиры» — разновидности еврейской философии типа «Ховойс левовойс», «Рейшис хохмо», «Шело», отрывков из книг «Авойдас а-койдеш» и «Пардес» рабби Мойше Кордовера. Форма учебы была углубленной, основанной на логическом методе реб Боруха-Мордехая, и завоевала сердца учеников, пробудила в наиболее способных из них великое стремление к познанию, что привело к зависти «книжников», изучающих Тору, и увеличению числа стремящихся попасть в хедер реб Боруха-Мордехая. К сожалению, из-за отсутствия достаточного количества мест это удавалось не всем.

Реб Борух-Мордехай приучал своих учеников развивать красноречие — каждую тему они повторяли на память в строгом порядке и ясным языком, как если бы это были выступления в синагоге перед публикой, и очень скоро ученики стали прекрасными ораторами.

Учеников реб Боруха-Мордехая заинтересовали книги по еврейской философии, из которых они черпали большой материал для выступлений. Трое из них, Шломо Рефоэлс, Зискинд из Лидса и Мойше из Дрибина были наиболее способными ораторами.

Учитывая большое желание молодых людей слушать его лекции, реб Борух-Мордехай организовал «Встречи изучающих Тору». Занятия происходили следующим образом. Выбрав тему, реб Борух-Мордехай давал своим ученикам некоторые пояснения, после чего они должны были изучить материал, сформулировать вопросы по нему, выявить трудности или противоречия и выступить перед собравшимися. На встречах, проводимых два раза в неделю, реб Борух-Мордехай обсуждал с ними тему и отвечал на

возникшие вопросы. Так продолжалось в течение года, встречи с учителем пользовались большой популярностью у молодых знатоков Торы.

В 5549 году раскрылось, что в Вильно существует обширная хасидская община — «кас» (на языке миснагим, противников хасидизма – секта), и возглавляет «крамольное» движение реб Борух-Мордехай, что с каждым днем число членов «кас» растет. Реб Борух-Мордехай и некоторые другие руководители хасидской общины были вызваны в суд, на них были наложены огромные штрафы. Однако гений реб Боруха-Мордехая помог ему и тут, при поддержке многих евреев, изучающих Тору, после длительных споров община хасидов Хабада Вильно была узаконена. И реб Борух-Мордехай со своими товарищами организовали отдельную синагогу и дом учения, чтобы исключить какие бы то ни было раздоры.

Реб Аба-Довид в Лиозно и в Лядах

Среди заинтересовавшихся движением Хабад был и обладатель уникальных способностей реб Аба-Довид из Полоцка, который с большим энтузиазмом сосредоточился на изучении хасидизма. После учебы у реб Боруха-Мордехая в течение двух лет он в 5551 году в возрасте 27 лет отправился к Алтер Ребе в Лиозно.

В письме гаону рабби Мордехая, своему брату, Алтер Ребе описывает реб Абу-Довида возвышенными эпитетами, прославляет его прекрасные качества, глубокую логику, любовь к познанию.

Несколько месяцев провел реб Аба-Довид в Лиозно, пока реб Нафтоли, также ставший к тому времени сторонником Алтер Ребе, даже встречавшийся с ним однажды, не предложил сыну начать семейную жизнь. С согласия Алтер Ребе он женился на дочери реб Авроома-Шломо, владельца магазина из Невеля. Десять лет реб Аба-Довид находился на содержании тестя и в великом сосредоточении учился, а «спустившись со стола», отказался от предложенной ему несколькими городами должности раввина и выбрал для себя профессию меламеда. Однако отсутствие опыта, неумение приводить примеры при объяснении материала ученикам, манера говорить очень кратко и глубоко, вникая в предмет, привели к тому, что ученики не могли его понять и к завершению первого же учебного года у него их не осталось совсем. Отец и тесть помогали ему, как могли, тем не менее он жил тяжело, с трудом сводил концы с концами.

В Элул 5562 года реб Аба-Довид отправился в Ляды и оставался там до конца праздника Суккос. Зимой следующего года Ребе Алтер предложил ему учиться вместе с его внуком, будущим Ребе Цемахом Цедеком у реб Нехемьи, сына Гаона Авроома-Боруха из Смилиана и реб Иегуды-Лейба, называемого реб Иегудой-батланом. Аба-Довид, конечно, согласился и провел в Лядах два года.

На пути привлечения

Хасиды Минска попросили Алтер Ребе помочь им выбрать руководителя их общины, который заменил бы старого хасида реб Носана-Довида Бакранпака. Мителер Ребе и гаон рабби Иегуда-Лейб, брат Алтер Ребе, предложили на эту должность реб Абу-Довида. Так во главе минской общины оказался реб Аба-Довид. Он прожил со своей семьей в Минске пять лет, после чего в 5570 году переехал в Витебск. Там на деньги отца и свекра его жена открыла небольшой магазин, который в течение четырех лет приносил им средства на скудное пропитание.

После женитьбы их сына Исроэла-Довида на дочери хасида реб Элиягу-Йосефа, рыбака из села Забелье, что поблизости от Невеля, там поселились также реб Аба-Довид с женой. Она по-прежнему занималась торговлей, а он – изучением Торы и других священных книг.

Жизнь в Забелье пришлась реб Аба-Довиду по душе: здесь он мог удовлетворить свою любовь к уединению и сосредоточиться на приятных ему занятиях. В городе же его тяготило общество и знакомых, и друзей, это было для него тяжелой ношей. Собственно, по этой причине он и оставил руководство хасидской общины Минска. В Забелье реб Аба-Довид прожил тридцать с лишним лет, время от времени посещая Любавич. Его методом служения была скромность, скрытность, поэтому его и прозвали Аба-Довид Искарся (скрытый).

Но поселившись в 5607 году в городе Гриве, где сын его Зорах был раввином, реб Аба-Довид отказался от уединения, увлекся хасидскими застольями. Он говорил, что в его поколении было достаточно легкого движения, чтобы наставить юношу на путь Торы и истинное служение, а в этом поколении для этого уже требуются значительные усилия. Приходится пробуждать, говорить, рассказывать, учить, пока не укрепится молодой человек в правде Торы и службы.

Скончался он в глубокой старости в месяце Хешване 5616 года с хорошим именем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Празднование бар-мицвы

Укрепись и станешь мужчиной

Надевать тфилин я начал задолго до дня «введения в заповедь». В первый день чтения недельной главы Ахарей-Кдошим, 11 Ияра 5653 года, отец сказал мне маймор хасидизма на стих «Укрепись и станешь мужчиной».

Маймор содержал четыре определения человека: «одом» («адам»), «енош», «иш», «гевер». Отец объяснил мне сущность прекрасного человека — «одом», показал, что такое приятный человек — «иш», подчеркнул, что аспекты «енош» и «гевер» зависят от самого человека.

«Одом» и «иш» — это сущностные определения человека, интеллектуальное и эмоциональное. А «енош» и «гевер» — ступени, на которых находятся «одом» и «иш», причем «енош» указывает на слабость, а «гевер» на силу. Это значит, если «одом» и «иш» слабые, они находятся в аспекте «енош», а если «одом» и «иш» осуществляют непоколебимо то, что на них возложено, они пребывают в аспекте «гевер». Собственно, в этом и заключается смысл высказывания, что «енош» и «гевер» зависят от самого человека.

Это был первый маймор хасидизма, в котором я почувствовал частный, относящийся непосредственно ко мне смысл. В этом майморе я ощутил «Ребе» в моем тогдашнем понимании, почувствовал, что такое «отец».

Мне помнится беседа хасидов реб Нисана, реб Генделя и реб Меира-Мордехая после этого маймора. Каждый из них объяснял мне маймор в соответствии со своим путем в служении. Реб Меир-Мордехай говорил о ступени «одом», реб Гендель — с позиции «иш», а мой учитель реб Нисан подробно объяснил мне аспекты «енош» и «гевер», сказал, что их слабость и сила зависят только от формы реального служения.

Не обманывать

От трех вещей предостерег меня отец в преддверии моей бар-мицвы: не обманывать себя, не обманывать других, не позволять другим обманывать тебя.

И все это должно происходить без выпячивания, без подчеркивания.

Когда Ребе Раяц рассказал об этом в праздник Симхас Тойра 5704 года, он добавил:

— Вот уже пятьдесят лет, как я выполняю эти указания из месяца в месяц, из недели в неделю, изо дня в день. И поэтому меня невозможно обмануть. Я не хочу говорить здесь в отношении себя, но это касается не только меня, это касается всех. Тем, кто думают, что обманывают тебя, пусть даже на очень тонком уровне, надо сказать, что они заблуждаются. Я хорошо знаю таких. Случается, что они не понимают этого, но есть и такие, кому это объясняют.

Три маймора

К моей бар-мицве, 12 Тамуза 5653 года, я должен был выучить наизусть три толкования хасидизма — один короткий маймор и два длинных. Короткий маймор отец велел мне произнести на публичном праздновании моего совершеннолетия после молитвы.

Один длинный маймор я должен был сказать в этот же день при посещении святого Оэля прадедушки Ребе Цемаха Цедека и дедушки Ребе Шмуэля.

О третьем майморе не должен был знать никто, в том возрасте это было для меня большим испытанием, но я его выдержал.

Возлюби ближнего своего, как самого себя

В 5640 году 12 Тамуза, день, когда я родился, оказался понедельником. День моей бар-мицвы, 12 Тамуза 5653 года, также пришелся на понедельник.

В этот день отец начал говорить маймор «Тфилин Г-сподина мира» и говорил его до субботы главы «Балак».

Ежедневно после произнесения маймора следовало хасидское застолье, трапеза радости заповеди совершеннолетия. Празднование началось еще 8 Тамуза, в четверг. На субботу главы «Хукас» в Любавич приехало много гостей-хасидов, некоторые даже с Украины, все собрались на праздничный фарбрэнген. Главное же празднование, в день самой бар-мицвы, трудно описать. В моем дневнике подробно записаны все беседы, все рассказы отца.

В день моей бар-мицвы, по возвращении со святого Оэля и после произнесения хасидского маймора, состоялось возвышенное хасидское застолье, длившееся несколько часов.

Отец был в приподнятом состоянии духа. Он рассказал, что со времен бар-мицвы Митлер Ребе в «доме Ребе» установлен порядок, по которому отец (тогда это был Алтер Ребе) на бар-мицве сына просит его:

— Спроси что-нибудь.

Так же обратился ко мне отец на трапезе бар-мицвы:

— Йосеф-Ицхок, спроси что-нибудь.

И я спросил отца:

— В Сидуре написано, что правильно сказать перед молитвой: «Вот я принимаю на себя позитивную заповедь ”возлюби ближнего своего, как самого себя”.» Почему постановили сказать это именно перед молитвой? Если любовь к ближнему должна проявляться с самого утра, не лучше ли было бы сказать это в утренних благословениях?

Отец ответил мне:

— Если у отца много детей, основное наслаждение он испытывает от их единства, любви друг к другу. Молитва — это ведь обращение человека к Б-гу с просьбой об удовлетворении его нужд материальных и духовных, и перед просьбой надо доставить удовольствие Отцу в небесах. Вот почему постановили принимать на себя заповедь любви к ближнему именно перед молитвой.

Идея любви к ближнему, как к себе самому, выражается не только в том, что ему дают возможность поеть, помогают милосердием или предоставляют ночлег, но и в том, что эта идея выражается всей сущностью человека, что проблемы ближнего занимают его больше, чем свои. Известно выражение старых хасидов: «Надо любить себя так, как ты любишь ближнего».

Раскрытие

Перед моей бар-мицвой отец дал мне на несколько дней маймор «Приводится в Мидраше теилим», отметив, что этот маймор Ребе Цемах Цедек дал своему сыну Шмуэлю на его бар-мицву, а он — своему сыну, моему отцу, на его бар-мицву.

В один из дней, предшествовавших бар-мицве, отец попросил меня повторить перед ним наизусть маймор, который он указал. Закончив чтение, я хотел кое-что сказать отцу, но кто-то вошел, и беседа прервалась. Отец почувствовал, что мне хотелось ее продолжить, и спросил меня, когда освободился:

— Ты хотел мне что-то сказать?

Я тогда начал читать маймор «Спускающиеся в море на кораблях», губы отца задрожали, и он спросил, когда я видел дедушку, Ребе Шмуэля? Я ответил, что в канун субботы, а до этого — летом, и закончил повтор маймора.

Потом мы вместе пошли на Оэль, о чем я говорил выше. По дороге домой отец произнес слова из благословения праотца Якова внукам своим Эфраиму и Менаше:

— Ангел, избавивший меня от всякого зла, да благословит этих отроков и да наречется на них имя мое и имя отцов моих.

Я спросил отца, как же праотец Яаков, человек очень скромный, в благословении на первое место ставит имя свое, а потом уже «отцов моих»?

— Человек должен начать с того, что ближе к нему самому, — объяснил мне отец.

Самоуверенность в вынесении решения

На праздновании моей бар-мицвы отец говорил в майморе хасидизма:

— Самоуверенный в вынесении судебного решения — глупец, злодей, высокомерен. Какая в этом идея?

Он объяснил это, изложив идею света и тьмы. В темноте невозможно обнаружить какие-либо препятствия, при свете же, особенно сильном свете, можно увидеть все, даже различить «белое пятно». Тора — это свет, в Торе есть и внутренняя Тора, по отношению к которой то, что до этого называлось светом, та же тьма.

Хасид реб Яаков-Мордехай из Полтавы попросил уточнить:

— Отсюда следует, что темнота — это отдельное творение.

— Это мнение Алтер Ребе, — подтвердил отец. — У того, кто самоуверен, груб сердцем, при вынесении судебного решения сердце грубо также к «свету», он «глуп» в разуме, «злодей» в эмоциях и «груб духом» в одеяниях души.

В конце маймора отец добавил:

— Кто-то понимает идею во всех ее деталях, с логическими выкладками, что соответствует понятию «мудрец в понимании», о чем сказано: «Мудрость оживляет ее обладателя». Ее обладатель — хозяин мудрости, как это объясняется — у мудрости и понимания свой отдельный источник, в силе разума и еще выше — в силе души, которая выше даже «тайного распространения».

У понимания есть свой источник, более того, источник понимания еще выше источника мудрости по причине того, что мудрость находится в аспекте «точки», а понимание — в аспекте сущностной широты. И если человек понимает идею во всех ее нюансах, у него есть еще и аспект осязаемого видения идеи, не только в постижении, но и в служении в молитве, идеи единства Всевышнего, когда он пробуждается в любви и трепете, что свидетельствует — идея пронизала его насквозь до реального служения. И если после молитвы он становится «проулком, выходящим на пустырь», т.е. «самоуверен при вынесении судебного решения», то он глупец, злодей и высокомерен, что показывает — и его постижение вовсе не постижение.

Что такое хасидизм

В четверг, 15 Тамуза, в доме у моего дяди Залмана-Аарона состоялся фарбрэнген, на котором обсуждался вопрос, что такое хасидизм. Большинство присутствующих признало наиболее правильным мнение на этот счет реб Гершона-Дова.

Все согласились с тем, что хасидизм — это исследование Б-жественности, однако необходимо было выяснить, какие преимущества, что нового содержит хасидизм по сравнению с каббалой и принятой ранее еврейской философией.

Хасид реб Гершон-Дов заявил, что Тора каббалы называет по имени каждое Б-жественное качество (сфиру) и каждую структуру, образованную из них (парцуф), еврейская философия вывела отрицательное постижение: «Если бы познал Его — был бы Им». Тора хасидизма вывела абстрактное постижение: «Познаю Его — буду Им»; когда в постижении Б-жественной души посредством труда души и тела в служении всем сердцем наступает полное понимание, приходишь к ощущению «Познаю Его — буду Им».

Хасид реб Яков-Мордехай Безпалов поддержал мнение реб Гершона-Дова, горячо его одобрил:

— Обладатель способности так глубоко мыслить, который провел десятки лет в истинном труде душой и телом, коронованный благословениями рабеим, является и обладателем этих обеих вещей — «познал Его» и «был Им». И оба аспекта у него заключены в форму великого разума.

В 5761 году я часто встречался с реб Яковом-Мордехаем. Мы гуляли с ним, пили чай под сенью деревьев во время одного из его посещений нашего дома я напомнил ему о том, что написано в моих записях о праздновании моей бар-мицвы.

Пока мы разговариваем, появился мой святой отец, сел с нами и спросил, чем мы занимаемся.

Я вспомнил о фарбренген на трапезе моей бар-мицвы в доме дяди Залмана-Аарона, показал мои записи, где были изложены мнения всех присутствовавших на ней.

Отец стал просматривать мои записи, почитал несколько страниц о бар-мицве, о том, что было во время трапезы (не про посещение Оэля святых отцов и не про легкую трапезу после молитвы, а именно про трапезу бар-мицвы), затем стал читать о фарбренгене.

Реб Яков-Мордехай, как уже отмечалось, был убежден, что мнение реб Гершона-Дова о новшестве Торы хасидизма — только для обладателей высочайшей ступени в постижении и в служении, но не для таких как мы, — сказал он о себе.

— Это не так, — возразил ему отец, — каждый хасид занимается изучением хасидизма и служением всем сердцем, оба они, учеба и молитва, по сути, одно целое. Если учатся и не занимаются истинным служением, учеба не учеба, если же служат и не учатся — служение не служение. И только когда эти две вещи существуют вместе, ощущают «был Им», приходящее от «познал Его», что в душе.

Долго еще отец объяснял эту идею, приводя убедительные примеры, вспоминая чудеса (в постижении), происшедшие с несколькими хасидами, связанными с его отцом Ребе Шмуэлем, одного возраста с реб Яковом-Мордехаем, которых знал и я.

Особые майморы

Со времени моей бар-мицвы отец стал говорить передо мной на аудиенции особые майморы хасидизма, отличающиеся от тех, которые говорили публично по субботам. Иногда небольшая часть была из тех, что произносили по субботам.

В большинстве своем это были майморы короткие, майморы, объясняющие идеи служения, сопровождаемые подробными примерами. В каждом примере отец обращал мое внимание на какую-либо деталь, объяснял ее мне и ее отношение к тому, на что был направлен пример. Кроме того, что он учил со мной маймор и объяснял мне каждую идею досконально на уровне моего понимания, он показывал мне, как надо учиться.

Мудрец тот, кто учится у всех

В первый день недельной главы «Пинхас» отец сказал мне:

— Несмотря на то, что пост 17 Тамуза «отодвинутый», тот, который выпадает на субботу и переносится на воскресенье, это первый пост у тебя в новом состоянии: «укрепись и станешь мужчиной». В первый пост необходимо поститься, а не худеть. Просто не есть и не пить называется «небольшое похудение», и только когда трудятся над постижением Торы и вместе с тем не едят и не пьют — это пост.

— Сегодня, — продолжал отец, — повтори мысленно три маймора хасидизма на твою бар-мицву и несколько глав Мишны (в дополнение к ежедневному уроку по изучению Мишны наизусть), а в четыре часа зайди ко мне.

В назначенный час он попросил меня рассказать ему эти три маймора, что заняло несколько часов. Между майморами я немного отдыхал.

Та великая близость, которая установилась между нами, была для меня таким счастьем, что я даже не почувствовал тяжести поста. Отец предупредил меня никому не говорить, что я постился.

Когда я пришел на миньян к молитве Минха — в Любавиче было принято молиться Минху в пост поздно, — мне очень хотелось, чтобы все знали, что я уже взрослый и пошусь, но никто этого не заметил. С понедельника главы «Пинхас» 19 Тамуза, до субботы главы «Ваэтхананан» я должен был ежедневно повторять один из трех майморим, последовательно один за другим.

Во вторник я от имени моего отца попросил учителя реб Нисана разрешить мне оставить хедер на несколько часов.

Когда я пришел к отцу, он сказал мне:

— Месяц Элул уже наступает и ощутим, это первый твой Элул с того момента, как ты стал мужчиной. Я скажу тебе маймор хасидизма и буду его повторять, пока ты не выучишь его. Потом обдумай его содержание. И никто не должен об этом знать.

Это был короткий маймор «И уберет Всевышний от тебя всякую болезнь». Я выучил его после полудня в комнате у отца. В субботу главы «Экев» отец говорил

публично маймор «И уберет...» более подробно. Передо мной он сказал его кратко, я должен был выучить его хорошо, и тогда он скажет мне второй маймор.

Так продолжалось некоторое время.

Летом 5654 года отец поехал на отдых на лиман, недалеко от Одессы, и разрешил мне проводить его до Смоленска. Там он должен был дожидаться поезда Орел – Одесса, и происходило это в абсолютной тайне.

В поездке из Рудни в Смоленск отец сказал мне короткий маймор «В три года познал Авраам своего Творца».

А перед тем как сесть в поезд, едущий в Орел, еще сказал:

— Кто такой мудрец — кто учится у всех, чтобы быть учащимся, не надо быть мудрецом. Поскольку учение — суть достоинство человека. Человек тот, кто учится, не учится — значит, не человек. И только тот, кто учится у каждого, — мудрец, т.е. мудрец — тот, кто ищет и находит в каждом хорошее, чему стоит научиться.

Учение — это разум, а разум — это степенность, рассудительность. Слово «человек» («иш») намекает на эмоции, но только на эмоции, руководимые разумом. Природные эмоции — пылающий огонь («эш»), человек же — это «эш» и «йуд» («иш»), т.е. огонь, в котором присутствует «йуд» — мудрость и разум.

Преимущество ступени человека только над ангелами, находящимися в аспекте огня «эш», поскольку души находятся в аспекте «иш», и тем не менее истинное преимущество человека выражается именно словом «одом», а не «иш».

Великим достоинством Моше было то, что он находился на ступени «иш», а человек («иш») Моше был очень скромный, более скромный, чем все люди на земле. На первый взгляд, определение «одом» относится к разуму, «иш» — определение эмоций, а ступень «одом» выше, чем «иш».

Святая Тора прославляет Моше: «Верный он во всем доме Моем», как «сын дома», «Из уст в уста говорю с ним...», без посредников, именно про него употребляется определение «иш», а не «одом».

Тора хасидизма объясняет это так: «одом» — аспект разума, и вместе с тем есть у него разум, но нет в нем цельности. «Иш» — аспект эмоций, а добрые качества (эмоции) находятся в полноте. Всевышний отмечает у Моше достоинство «одом», что он «сын дома» Его. Моше — это ступень «хохмы», мудрости мира Ацилус (наивысшего из миров), «Из уст в уста говорю с ним», без посредников, поскольку мудрость — это полное аннулирование себя перед Б-жественностью. И более высокая ступень в нем — то, что он «иш». Глубочайшая и великая мудрость, раскрывающаяся в полноте эмоций, соответствующих уровню мудрости.

Праздник 18 Элула

Во вторник, 17 Элула 5653 года, отец сказал мне:

— Завтра, в среду, рано утром, окунешься в микву и не говори Таханун (покаянную молитву).

Воспитание и наставления в те времена «вырезали» на сердце у воспитателя качество скромности. Не только в том, что отдалялись от чисто внешних проявлений, но еще с детства отвращали в сердце выпячивание и трудились по его искоренению, а вместо них «вырезали» добрые свойства и первое из них — скромность в поведении.

Когда отец сказал мне, чтобы я не говорил Таханун, я не спросил — почему. Подобных слов не существовало в нашем словаре. Мы, дети «дома Ребе», знали от рождения: «сделай свое ухо трубой». Вспоминая, что слышал я о детских годах Алтер Ребе, моего деда Ребе Шмуэля, отца и его братьев, о моем детстве, я вижу особенно ярко идею «сделай свое ухо трубой». Требовалось смотреть, слушать и вслушиваться, а не спрашивать почему. Не надо было даже приказывать, достаточно было только сказать, и дело было сделано.

В среду, 18 Элула, с разрешения учителя реб Нисана вернулся рано домой из хедера. Отца я застал в приподнятом настроении. Он встретил меня словами:

— Хаг sameax — радостного праздника нам! Сегодня день рождения двух наших великих светил: 18 Элула 5458 года родился Баал-Шем-Тов, а 18 Элула 5505 года — Алтер Ребе.

Я много слышал о дне 18 Элула, но первый «хаг sameax», связанный с «хай Элул», праздновал 18 Элула 5653 года.

Отец надел субботнюю одежду, закрыл дверь своей комнаты и сказал мне маймор хасидизма, начинающийся со слов: «Пятьдесят врат понимания созданы в мире».

Когда отец закончил произнесение маймора, он добавил:

– Распространение Моше в каждом поколении, общий хасидский Моше с пятьюдесятью вратами понимания, созданными в мире, – это Баал-Шем-Тов и его Тора хасидизма, наш хабадский Моше с теми же пятьюдесятью вратами понимания – это Алтер Ребе и его Тора хасидизма. Все врата были переданы Моше, кроме одного, и эти одни предназначены для Мошиаха, это и есть «Распространятся источники твои наружу».

«Куст горел, но не сгорал...»

18 сентября президент России Владимир Путин принял участие в торжественной церемонии открытия Московского еврейского общинного центра «Бейс Менахем». Президента Российской Федерации встречали главный раввин России Берл Лазар, президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, президент Федерации еврейских общин России Михаил Глуз и председатель Московского еврейского общинного центра Александр Борода. Хозяева стали рассказывать Владимиру Путину об устройстве, назначении, наконец, роли Центра, однако гость выразил желание сначала его осмотреть. На церемонии присутствовали также министр культуры РФ Михаил Швыдкой, первый заместитель премьера правительства Москвы Владимир Ресин, известный предприниматель Роман Абрамович, губернатор Самарской области Константин Титов, посол США в России Джеймс Коллинз, посол Израиля Натан Мирон, депутат кнессета Израиля, председатель израильской «русской» партии «Израэль ба-алия» Натан Щаранский, знаменитый правозащитник Михаил Иосифович Бегун, главный сефардский раввин Израиля Мордехай Элиягу.

В кулуарах российский президент шутя (а может быть, и серьезно) попросил Натана Щаранского «не нападать» на премьер-министра Израиля Эхуда Барака, на что политический и общественный деятель Израиля полусерьезно пообещал прекратить атаку на своего премьер-министра, когда тот сумеет гарантировать неделимость Иерусалима (естественно, в пользу Израиля).

В своем выступлении на открытии Центра главный раввин России Берл Лазар сказал:

Выступивший после р. Берла Лазара В.В. Путин обратил внимание присутствующих на то, что в церемонии открытия Центра участвует много женщин с детьми, даже очень маленькими. По мнению главы государства, это «очень хороший признак: значит, Центр уже состоялся, и у него большое будущее». Далее президент сказал: «Духовное возрождение нашей страны невозможно без понимания того, что культура России складывается из богатых традиций всех веками проживающих на этой территории людей. Без опоры на них, без этой животворной связи времен и культур мы не можем строить наше будущее, не можем понять настоящее». Открытие Центра президент назвал знаменательным событием. «Подъем, который переживает сейчас еврейская община России – органичная часть общего процесса возрождения в России, возрождения народных традиций и духовных ценностей», – отметил Владимир Путин. Между прочим, президент вспомнил, как в свое время он принимал участие в открытии первой еврейской школы для мальчиков в Петербурге. Говорил он и о том, что совсем недавно у нас, борясь с эмиграцией, «доводили дело до абсурда, загоняли людей в подполье для изучения родного языка». Говорил и о том, что «взаимопроникновение культур, переплетение и развитие национальных традиций обогащает нашу жизнь, делает нашу страну духовно сильной, уверенной и богатой». Владимир Путин заявил, что считает очень важной просветительскую деятельность еврейской общины, которая создает благоприятную нравственную атмосферу. Президент отметил особую роль Федерации еврейских общин России, подчеркнув, что основанная всего год назад она уже успела проявить себя как влиятельная организация, и «даже мы, сидящие в Кремле, чувствуем ее влияние на себе», – пошутил он. Президент убежден, что открытие Московского еврейского общинного

центра будет способствовать усилению связей российских евреев с соотечественниками в других странах, не только в Израиле.

Первый заместитель премьера правительства Москвы Владимир Ресин в своем выступлении поведал историю совместного русско-израильского строительства здания Центра. «Я думаю, что это только начало», – сказал Владимир Иосифович.

Г-н Мерон, сообщивший, что это его первое публичное выступление в качестве посла Израиля в России, чему он весьма рад, воспользовался «возможностью поблагодарить правительство РФ за помощь и поддержку в укреплении еврейской жизни в России».

Раввин Мордехай Элиягу, выступивший последним, трижды протрубил в шофар, напомнив, что кончается месяц Элул и близок новый еврейский год. По окончании церемонии открытия Центра шофар был торжественно передан в подарок Путину.

Владимир Путин и Берл Лазар перерезали символическую ленточку, открыв крупнейший в Восточной Европе Еврейский общинный центр.

А затем был большой концерт, который смотрели около 20 тысяч зрителей. Пели Филипп Киркоров, Иосиф Кобзон, Михаил Шуфутинский, Ефим Александров, Максим Леонидов было еще много интересных выступлений.

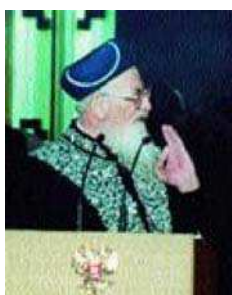
Президент рассказывает анекдот.

Выступает посол США г-н Коллинз.

Выступает президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев.

Выступает главный раввин Израиля Мордехай Элиягу.

Президент и раввин поздравляют друг друга с открытием Центра.

Выступает первый заместитель премьера правительства Москвы Владимир Ресин.

Выступает посол Израиля Натан Мирон.

Президент среди еврейских «аксакалов».

Главный раввин России устанавливает мезузу на двери Центра.

Поет Максим Леонидов.

Выступает хор екатеринбургской еврейской школы.

Поэт Михаил Шуфутинский.

В «зрительном зале».

Поэт Филипп Киркоров.

Ñàì áí ×àðí ùé

Сегодня, в этот великий для общины, для еврейской диаспоры в России, для всего нашего народа день, перед моими глазами стоит картина семилетней давности. Поздно ночью меня разбудил тогда телефонный звонок. Подняв трубку, я услышал голос одного из студентов нашей ешивы. Он так волновался, что я не мог разобрать его слов. Единственное, что я понял, надо бежать в синагогу, там произошло нечто страшное. И вот на этом месте, где мы сегодня стоим, я увидел огромный пожар – горела синагога, горела со всех сторон. Первое, что мне пришло в голову, – больше никогда не будет звучать молитва в этих дорогих моему сердцу стенах. Трудно было поверить в происходящее, понять его и принять. Как такое может быть – синагога, которая для сотен тысяч евреев во всем мире была символом стойкости, единственный еврейский молитвенный дом, построенный в Советском Союзе после революции, синагога, которую не могло победить ничто в те ужасные годы, сгорела в одну ночь?! Дело, ради которого евреи готовы были идти на смерть, ставили под угрозу жизнь свою и своих детей, может вот так, в огне, погибнуть? С нами здесь теперь сыновья тех, кто отдал жизнь за свою веру, за эту синагогу. Тогда я вспоминал тех людей. Что же будет теперь, думал я?

То же, наверное, чувствовали сотни людей, которые смотрели на произошедшее с их Домом, смотрели и плакали. У всех было ощущение катастрофы. Старейший прихожанин «Марьиной рощи» реб Ехил, к сожалению, ныне покойный, произнес тогда простые слова, ставшие главными в тот день: «Синагога в Марьиной роще – это не бревна, из которых она построена, она в сердце каждого из нас. Мы – здесь, наши сердца работают, значит, синагога продолжает жить». Слова реб Ехила стали главной идеей для общины в Марьиной роще. Сначала в холодном строительном вагончике, потом во временном здании синагоги продолжалась жизнь общины. Ни на один день она не прекратила своей деятельности, снова продемонстрировав свою непобедимость.

Сегодня – самый важный день для меня и моих друзей, для всей нашей общины. Я верю, что этот Центр станет вторым домом для сотен тысяч евреев.

Куст горел, но не сгорал. Этот куст обязательно станет маяком для любого человека, которому нужна наша помощь, нужны настоящие друзья.

Сегодня – особый день и потому, что нашу радость пришел разделить с нами президент России Владимир Владимирович Путин. Это еще один знак того внимания, которое новая Россия придает национальному и религиозному возрождению всех своих народов. Пусть Всевышний даст ему силы для процветания нашей страны, всех людей, живущих в ней.

Крупнейший в Восточной Европе Еврейский общинный центр возведен на месте деревянной синагоги, построенной в 1926 году и сгоревшей (не исключено, что сожженной) в 1991 году. До 80 % пожертвований на его строительство поступило от московских евреев-бизнесменов. Сооруженный 7-этажный Центр – это лишь часть большого проекта. В примыкающем к нему квартале (уже выкупленном) будет воздвигнут благотворительный центр «Хесед Авраам», а территория бывшего автобусного парка отведена под строительство образовательного комплекса, включающего детский сад, общеобразовательную школу, высшие учебные заведения для юношей и девушек – соответственно ешиву и махон.

Визит президента Украины в днепропетровскую синагогу «Золотая Роза»

13 сентября 2000 года президент Украины Леонид Данилович Кучма посетил хоральную синагогу «Золотая Роза» накануне ее официального открытия после реконструкции.

Президент встретился с лидерами общины и еврейской общественностью Днепропетровска.

Это первое посещение главой государства синагоги.

У входа в синагогу высокого гостя встречали дети, учащиеся еврейской школы «Ор Авнер» и педагогического училища «Бет Хана», официальные лица, члены попечительского совета общины.

В синагоге была произнесена молитва за процветание Государства Украина и здоровье президента Украины Кучмы на двух языках, еврейском и украинском.

В своем выступлении президент отметил, что возрождение хоральной синагоги является знаковым событием не только для Днепропетровска, но и для всей Украины, и он счастлив быть вместе со своими друзьями в такой торжественный и важный момент. Его мечта – видеть Украину страной, где все граждане, независимо от национальности и религии, будут чувствовать себя единой семьей.

Президент подчеркнул, что возрождение хоральной синагоги показывает, какое значение в демократической Украине придается развитию национальной культуры и религии. «Мне бы хотелось, – сказал Л. Д. Кучма, – чтобы мы все вместе построили такую страну, в которую пожелали бы вернуться все наши соотечественники, покинувшие ее в последние годы».

Главный раввин Днепропетровска и Днепропетровской области р. Шмуэль Каминецкий в своем выступлении поблагодарил президента Украины за внимание и заботу обо всех гражданах Украины, в том числе и евреях. «Мы получили возможность свободно молиться, соблюдать традиции и праздники, обучать наших детей и возрождать нашу культуру», – сказал р. Каминецкий.

Раввин преподнес президенту подарок – настольное изображение Десяти заповедей как основы и еврейской, и христианской этики. Президент подарил синагоге ритуальный светильник – Менору, поддерживаемую двумя львами.

Визит главы Украины в синагогу «Золотая Роза» продолжался 45 минут.

Здание синагоги «Золотая Роза», возвращенное еврейской общине Днепропетровска в декабре 1996 года, в дальнейшем подверглось реконструкции. Работы проводились более двух лет усилиями всей общины, в основном на пожертвования местных спонсоров. Архитектор А. Дольник предложил оригинальную концепцию решения внутреннего пространства синагоги. Здание украшено скульптором Ф. Мейзлером.

«Традиционный Волгоградский...»

За достаточно короткое время (чуть больше года) евреи практически всех возрастов в городе Волгограде узнали о работе волгоградской еврейской общины. Перед каждым праздником раввин Залман Иоффе по местному радио и телевидению поздравляет евреев с наступающим праздником и сообщает, где и когда он будет проводиться. Каждый еврей может прийти в общину в пятницу вечером и вместе с друзьями и знакомыми встретить Субботу. Благотворительный центр оказывает помощь малоимущим и пожилым людям, многодетным семьям. В молодежном клубе юноши и девушки приобщаются к своим корням. До последнего времени дети посещали только воскресную школу «Возрождение». Сегодня уже появилась возможность обеспечить ребенку более глубокое традиционное еврейское воспитание, высокий уровень образования. Начала работу общеобразовательная еврейская школа «Ор Авнер», набирающая детей с 1 по 11 классы.

Нельзя не вспомнить о летнем отдыхе детей. Загородный лагерь еще больше сплотил детей, позволил им приобщиться к миру еврейских традиций. Число детей, желающих учиться в еврейской школе, заметно увеличилось.

В конце августа был проведен ставший уже традиционным семинар для девушек «Восхождение». В одном из санаториев Волгоградской области, расположенном в живописной пойме реки Дон, нам был предоставлен отдельный корпус. Здесь мы занимались, танцевали и пели еврейские песни, общались, не нарушая ничьего покоя.

На семинаре я познакомилась с девушками из Израиля Нехамой и Шошаной Вильге, которые, являясь носителями традиции и культуры еврейского народа, старались привить нам уважение и трепетное отношение к нашему наследию. Повторяя с ними слова молитвы, изучая заповеди Торы, я испытывала духовную близость со Всевышним.

Образовательная и культурная программа семинара включала интересные и познавательные лекции, глубокое знакомство с еврейскими праздниками и обычаями. На многочисленные вопросы мы получили исчерпывающие ответы. В течение недели мы были погружены в мир духовной культуры и традиционных еврейских ценностей. Великолепное кошерное питание нам обеспечивали повар Ида Моисеевна, израильские девушки, а также участница прошлогоднего семинара Ципора Маргулис. Нас познакомили с особенностями кошерной кухни, показывали, как обрабатывать и готовить пищу. Мы присутствовали на шхите, которую проводил раввин Залман, а потом сами кошеровали кур.

К встрече Субботы готовились все вместе. Вначале нам рассказали все о субботе: почему и как ее отмечают, что в этот день можно делать, а чего нельзя. Мы записали и обсудили 39 работ, запрещенных в Субботу. Потом была собственно подготовка к Субботе. Готовили еду, пекли халы. Вечером мы надели праздничную одежду, в установленное время зажгли свечи (некоторые из нас делали это впервые), читали молитвы, затем была первая субботняя трапеза. Весь следующий день мы отдыхали, читали, беседовали. Все ощущали святость этого дня.

Я очень рада, что мне представилась такая прекрасная возможность побывать на семинаре «Восхождение». Эта неделя нас очень сплотила, у нас образовалась дружная семья, чему в большой степени способствовали раввин Залман и его жена Яэль, Нехама и Шошана.

Юношеский семинар, в работе которого участвовали шесть человек в возрасте от 14 до 22 лет, был также насыщенным и интересным. Беседы с р. Залманом и р. Довидом Карповым (специально прилетевшим из Москвы) лекции, игры, катания на лодках, сауна. Юноши молились в составе миньяна, вызов к Торе стал для некоторых из них откровением.

Заряд энергии, который мы получили на семинаре «Восхождение», – однозначно со знаком «плюс». Все участницы семинара решили посещать молодежный клуб, две девушки продолжают обучение в еврейской общеобразовательной школе «Ор Авнер», Юлия (хормейстер по профессии) прониклась идеей создать еврейский вокальный коллектив.

Двое молодых людей продолжают обучение в харьковской ешиве, один перейдет в еврейскую школу «Ор Авнер», один, Виталий, намерен работать в общинном центре.

Традиция проведения молодежных семинаров – это путь укрепления общины.

Аינעם נאכאלען

На корабле «Мечта» в Мир Знаний!

Праздник Первого звонка повторяется в школах из года в год. Но учителя и ученики школы «Ор Менахем» Николаева стараются сделать его действительно незабываемым, неповторимым для первоклассников. Первый звонок 2000/2001 учебного года раскрыл двери школы еще для двадцати четырех малышей.

В празднично украшенном зале на сцене – декорации, изображающие корабль с романтическим названием «Мечта».

Зал переполнен людьми и цветами. Как всегда, на почетных местах – люди, которые организовали работу школы, сделали и сделают все для того, чтобы обучение и воспитание в ней отвечали доброй и мудрой еврейской традиции, чтобы школа стала для ее питомцев вторым домом. Это учредитель школы – главный раввин Николаева и Николаевской области Шолом Готлиб и его жена, организатор воспитательной работы и преподаватель иврита Дина Готлиб.

Начинается праздник. Перед отплытием по бурному морю в Мир Знаний ведущие представляют гостям экипаж «Мечты» – коллектив учителей и работников школы. Капитан корабля, директор школы, читает вслух радиogramму от владельца судна – учредителя школы. В радиogramме – приказ: зачислить в состав экипажа 24 юнга с испытательным сроком один год во главе с их командиром – учительницей 1-го класса.

На борт корабля под звуки торжественного марша поднимаются гордые и важные первоклассники. Звучат поздравления, напутствия, стихи, песни...

И вдруг разносится тревожная весть: на «Мечту» напали пираты, похищена карта, без которой путешествие невозможно! Экипаж корабля держится стойко, в интеллектуальной схватке с пиратами побеждают школьники, они ответили на все вопросы из области еврейской традиции, Торы, иврита, общеобразовательных дисциплин, а пираты обнаружили полное невежество во всем! И карта возвращается на корабль.

Концерт продолжился выступлениями хора мальчиков, танцевального коллектива, юных музыкантов, декламаторов.

С теплыми словами к ученикам и гостям обратился раввин Шолом Готлиб. Учредитель школы и жена раввина Дина Готлиб вручили первоклассникам подарки, пригласили всех к праздничному столу. Закончился праздник исполнением гимна школы, который пели все присутствующие.

И в словах этой песни, рожденной в стенах школы, звучала надежда на то, что учеба детей в национальной школе поможет им не только получить глубокие и твердые знания в различных областях науки, но и, главное, обогатит их духовно!

Àäëëí à Í äëëí à

ДОМАШНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Мой младший сын отличается большой практичностью, и у нас дома сейчас две бейсболки и две майки с надписью «Ган-Исроэл».

А вот старший сын – тот стремится к справедливости, так что вот уже несколько дней упрекает брата в жадности...

Дело в том, что оба только что вернулись из лагеря «Ган-Исроэл», где они находились с 24 июля по 9 августа. Вернулись они оттуда очень довольные, переполненные впечатлениями, и я решила взять у них как бы интервью...

Старший: Лагерь проведен волгоградской еврейской общиной и Общинным центром благодаря спонсорской помощи фонда «Ор Авнер». Расходы по аренде оздоровительного центра «Волтайр» на 70 детей, содержанию детей, вожатых и воспитателей, организации питания и даже по изготовлению сувениров – маек и бейсболок, которые этот жадюга взял две штуки (имеется в виду младший брат), взял на себя фонд «Ор Авнер».

Младший: Я не жадюга! Я попросил – мне дали! Мам, а какая была вкусная еда! И вожатый наш, Даниэл, такой добрый и веселый! Мы его так любили!

Ст.: Это точно, они от своего Даниэла не отходили... Вообще, вожатых было шестеро. Две девушки из Израиля, Нехама, студентка педагогического училища, и Шушана, закончила 12-й класс, собирается поступать в педучилище. Два американца, Шнеур-Залман Лифшиц и Леви Стифел. И Довид с Даниэлом учатся в ешиве в Москве. Были и воспитатели, раввин Залман Иоффе с семьей жил с нами...

Мл.: Как это «чем занимались»? Мама, ты же прекрасно знаешь, что в городе открывается школа «Ор Авнер». Вот нас и готовили к школе. Изучали традицию, что такое быть евреем, какой наш народ, его историю и жизнь. Молитву, подготовку и встречу Субботы. Девочки выпекали халы, зажигали свечи. Знаешь, для многих это было впервые! День рождения отмечали, громко кричали «Мазл тов!»! Мам, а еда какая вкусная!

Ст.: Обжора!

Гашу конфликт и продолжаю интервью...

Ст.: Нехама вела занятия в группе «Субботние свечи» для старших девочек. Даниэл – для группы «Агавас Исроэл» для младших мальчиков. Было пять новобранцев в «Союз Авраама-Авину», младшему из них 6 лет, старшему – 16. Потом, конечно, была Сеудат мицва. А еще в Ган Исроэл была хупа, инсценировка еврейской свадьбы, как полагается по традиции...

Мл.: Интересно было и весело! Мы поделки готовили, знаешь, какие красивые! И в цирк нас возили. И купались, и играли. Спортзал, бассейн. Скучал по тебе, папе, бабушке немножко, но ведь ты помнишь родительский день, когда мы все катались на парходике по Волге... Когда бабушка пела, а мы с тобой яблоки ели?

Ст.: Перестанешь ли ты говорить о еде? Мам, а девочки взяли еврейские имена...

Мл.: По-моему, наши девочки очень чувствительные... Когда 8 августа было закрытие лагеря и прощальный костер, они плакали, расставаться не хотели! Я не плакал, я ведь мальчик. Во-первых, я со всеми увижусь в школе, во-вторых, была беспроигрышная лотерея, это очень хорошо, когда все что-нибудь выигрывают. И приятно и по-хозяйственному...

Ст.: Хозяйственный у меня брат!

На этом «интервью» закончилось. Я поняла, что дети провели время приятно и с пользой. Теперь мои сыновья с энтузиазмом готовятся: один – в пятый класс школы «Ор Авнер», другой – ехать в Москву продолжать учебу в ешиве. Летний лагерь «Ган Исроэл» явно удался, довольны и дети, и родители. Боюсь только, не смогу им так вкусно готовить, как в лагере.

Ст.: Мама! И ты о еде!

עֵינֵינוּ מְשַׁמְּחִים

В добрый путь!

Первое сентября 2000 года выдалось солнечным. Прекрасное настроение.

В небольшом уютном дворике волгоградской школы № 34 собралась новая школьная семья, многие знают друг друга по воскресной школе, по летнему лагерю «Ган Исроэл». Но есть и новички, с которыми общаются не менее радушно и доброжелательно, чем со старыми знакомыми и друзьями.

В этот день прозвенел первый звонок в негосударственной школе «Ор Авнер», в которой будут учиться еврейские дети с 1-го по 11-й классы.

С замиранием сердца все ждут начала линейки.

Открыли ее будущие выпускники, ученики 11-го класса. Звучали поздравления и пожелания, стихи.

Вот и сюрприз: ученик 8-го класса Леонид Ройзен прочитал на иврите стихотворение об открытии школы.

Всех присутствующих, детей и родителей, бабушек и дедушек, поздравляли раввин Залман Иоффе и председатель совета Еврейского общинного центра Яэль Иоффе. Они поблагодарили и ребят, и взрослых за смелость в новом чудесном начинании, а также выразили надежду на долгожительство школы «Ор Авнер».

А когда раввин Залман затрубил в шофар, у всех замерло сердце, на глаза навернулись слезы.

Под звуки шофара мы, взрослые, думали: «В добрый путь, дети, в добрый путь, новая школа!»

Аֵינִי אֶלֶּם עוֹדֵי אֵלֶּיךָ

ПЯТЬ ЛЕТ – ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

День праздника Первого звонка и знаний был еще и днем рождения школы. А исполнилось ей, донецкой еврейской национальной школе, ни много ни мало – целых пять лет!

В этой еще, кажется, недавно небольшой начальной школе самыми старшими были третьеклассники, где кабинетов – раз, два и обчелся, каждого школьника знали в лицо и по имени. Правда, и теперь здесь всех, от самого маленького первоклассника до серьезного девятиклассника, знают в лицо и по имени. Даже несмотря на то, что школа теперь – три этажа кабинетов и классов, почти триста учеников. Наша школа – наш дом, в котором должно быть, как в любом хорошем доме, в первую очередь – добро. Об этом сказал в своем выступлении главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий, напутствуя ребят перед новым учебным годом.

А праздник шел своим чередом, точно по сценарию. «Что такое цифра пять? Вам самим не отгадать!» – задорно пели третьеклассники, показывая растопыренные пальчики на руках, заветные оценки в дневниках (тогда они еще не догадывались о 12-балльной системе, с которой им придется столкнуться в дальнейшем), вспоминая пять книг Торы и оглядываясь на огромную юбилейную пятерку на стене.

Малыши-первоклассники, затаив дыхание, вслушивались в слова и изо всех сил пытались почувствовать себя на этом празднике своими. Но получалось так, что они пока только пришли в гости. Пока... пока вдруг на сцену не выскочили страшные разбойники! Все, конечно, поняли, что это в шутку нарядились старшеклассники. Но пугать-то малышей они стали всерьез! Заданиями и трудностями, уроками и оценками. Отважные первоклашки бойко продекламировали стихи о том, что им совсем не страшно, но полностью обстановку разрядили девятиклассницы. Они появились перед малышами с подарками, торжественно посвятив их в ученики. А уж потом, когда Миша Немировский совсем по-родственному подхватил на руки девочку с двумя огромными бантами и прозвучал наконец долгожданный звонок, стало ясно: теперь все — одна большая дружная семья. И семья эта с веселым смехом бросилась в родные классы, за парты, по которым, оказывается, соскучилась за лето.

Школа достойно подготовилась к этому дню. Кроме новых классов, появился и новый кабинет английского языка. В компьютерном классе каждый компьютер оказался подключенным к Интернету, так что теперь на уроках информатики учащиеся смогут общаться со всем миром. В спортивном зале – новые маты и отремонтированный конь, даже кожаная груша для занятий кикбоксингом.

Немало сюрпризов ожидало детей позднее. Например, новая школьная газета, которую каждый получит накануне Субботы, чтобы дома с родителями прочесть описание недельной главы Торы, чтобы свет Субботы пришел вместе с каждым ребенком в его семью.

Пять лет – это только начало большого пути донецкой национальной еврейской школы. Что ожидает нас в новом учебном году? К чему мы придем в итоге? На какие вершины поднимемся? Точно знаем одно: закон, по которому вот уже целое пятилетие живет наша школа, ставший ее девизом – «Агавас Исроэл» («возлюби ближнего своего») – и в этом году проявится наилучшим образом. Для этого есть все основания.

А завершился первый звонок пресс-конференцией, которую главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий дал представителям средств массовой информации региона. Раввин рассказал о нелегком пути становления, пройденном школой, о планах на будущее, ответил на многочисленные вопросы корреспондентов.

Ī adē Ōāiō ēī āē:

55 лет другой Победы

Ēāēāūē ī dāçī ēē Ī īāāū

B ī āāāēē īāīē āūīēī āp.

Çā īāēdūōūī nōīēīī

Dyāīī āūōdīīōīāīā

אֲדֹכִי.

יְיָ יִתְאוּזֵנוּ עַל אֲנֵינוּ,

אִינֵנוּ, עֹדֵי אֲשֶׁר עָלֵנוּ אֹיְבָאֵינוּ, יְיָ יִתְאוּזֵנוּ.

יְיָ יִתְאוּזֵנוּ, אִינֵנוּ,

עַל אֲנֵינוּ יְיָ יִתְאוּזֵנוּ.

Бесконечное множество материалов написано о второй мировой войне и ее ветеранах. Проходят десятилетия, из памяти стираются боль, ужасы военных лет. Уходят ветераны, с каждым годом их становится все меньше... А ведь они творили историю... И они уже при жизни стали Историей! Уделить больше внимания ветеранам, окружить их заботой, оказать им поддержку – такие задачи ставит перед собой Федерация еврейских общин России на Дальнем Востоке.

Федерацией была организована встреча ветеранов, посвященная 55-летию победы над Японией и окончанию второй мировой войны. Были приглашены ветераны из Благовещенска, Магадана, Сахалина, Владивостока, Биробиджана, всем оплачивались проезд, проживание и питание за счет Федерации.

Программа была расписана на два дня – 4 и 5 сентября.

В первый же день после молитвы состоялось собрание, на котором с докладом по японской части войны выступил Борис Моисеевич Маняк.

Ефим Моисеевич Гольдберг из Владивостока, командир разведгруппы, первой вошедшей в Берлин, прочитал собственные стихотворения о войне – «Неизвестный солдат» и «В день Победы», окончание которого вынесено нами в эпиграф.

После выступлений ветеранов раввин Дальнего Востока Яков Снетков поздравил всех присутствующих с юбилеем победы над Японией и окончанием второй мировой войны. От имени Федерации еврейских общин раввин вручил всем ветеранам подарки.

Затем была поездка на теплоходе по Амуру, на следующий день – экскурсии по Хабаровску, краеведческому, военно-историческому, художественному музеям и концерт в Доме офицеров с песнями военных лет и танцами ансамбля песни и пляски Дальневосточного военного округа. И конечно же, еврейские танцы в исполнении молодежных коллективов города.

Завершился праздник фотографией на память.

Наוֹת אֵיטָלִי

В Хабаровске открыта еврейская школа «Ор Авнер»

Первый звонок прозвенел в новой еврейской школе «Ор Авнер», открывшейся в Хабаровске. Бесплатное обучение в школе обеспечивает еврейский благотворительный фонд «Ор Авнер», учредителем которого, как известно, является израильский бизнесмен Леви Леваев, выходец из СССР, занимающийся возрождением еврейской жизни в России и других бывших советских республиках.

У школы многолюдно. Через крыльцо протянута красная ленточка. В руках у детей цветы, у всех светлые лица. На табличке на углу можно прочесть: Биробиджанская ул., д. 2. Это символично!

Здание школы представил генеральный директор ЗАО «Али» Новруз Алигасанович Мамедов – здание бывшего профтехучилища, затем швейного цеха было в кратчайшие сроки реконструировано и отремонтировано к первому сентября. Новруз Алигасанович с раввином Дальнего Востока Яковом Снетковым перерезают красную ленточку – и волнующиеся ученики вместе с не менее взволнованными родителями переступают порог новой школы. Раввин Яков Снетков по еврейскому обычаю прибавляет к дверному косяку мезузу, надевает мальчикам кипы. Собранных приветствует представитель Еврейского агентства в России Миха Шпигель, и наконец звучит первый звонок. 50 счастливых учеников отправляются на первый урок в новой школе.

С просьбой рассказать об особенностях обучения в школе «Ор Авнер» обращаюсь к директору школы Софье Семеновне Левинзон, опытному педагогу, преподававшей русский язык и литературу в школе № 30:

– Наша школа получила государственную лицензию на образование, это значит, что знания наших выпускников будут на уровне общеобразовательного стандарта. Кроме того, дети будут изучать еврейский язык (иврит) и культурные традиции нашего народа. Предусмотрено всестороннее развитие детей, при школе будут работать драматический и музыкальный кружки. Недостающие помещения и специализированные кабинеты школа будет арендовать. В ближайшее время поступят компьютеры для компьютерного класса.

Дети будут получать бесплатное двухразовое питание. Доставлять детишек в школу и отвозить их домой будут два школьных автобуса.

Много хлопот у директора школы, тем более что школа новая. До ста учеников могут принять ее стены.

Наוון ארעטאן

Еврейская школа

Уже второй год многие еврейские семьи Алматы 1 сентября ведут своих детей в национальную школу. В этом году за ее парты сели 115 учеников, год назад их здесь было чуть больше сорока. Увеличился и преподавательский коллектив – с 19 до 33 человек. Руководит школой директор Анна Григорьевна Щепкина.

По своей организации и методике преподавания еврейский учебно-воспитательный комплекс «Ор Авнер Гершуни» не имеет аналогов в республике. Не случайно на открытие нового учебного года поздравить учеников и преподавателей приехал посол Государства Израиль в Казахстане и Кыргызстане г-н Исраэль Мей-Ами, который здесь, кстати сказать, частый гость.

Обучение в школе полностью соответствует законодательству Республики Казахстан. Наряду с общеобразовательными предметами во всех 11 классах ведется преподавание таких дисциплин, как Тора, еврейские традиции, история, национальная культура. Кроме обязательных русского, казахского и английского языков, дети изучают родной язык – иврит.

Благодаря фонду «Хабад-Любавич – Ор Авнер» и организаторам учебно-воспитательного комплекса, школа располагает не только чистыми и светлыми аудиториями, но и прекрасной компьютерной техникой. Здесь разрабатываются и внедряются собственные программы, с нынешнего года в школе работает психолог.

Уже в этом году состоится первый выпуск, и все с нетерпением ждут, когда еврейским ребятам (пока их всего шесть человек) вручат аттестаты об окончании национальной еврейской школы.

Для полноценного питания учащихся и педагогов в комплекс включена кошерная столовая.

В новом учебном году при школе открылся интернат для еврейских детей из различных областей республики. К настоящему времени в нем уже поселились пятеро ребят – по одному из Алматинской, Атырауской, Жамбылской и Кустанайской областей. В ближайшее время в интернат приедут дети из других регионов республики.

13 сентября учебно-воспитательный комплекс «Ор-Авнер Гершуни» посетили депутаты израильского кнессета Юлий Эдельштейн, Софа Ландвер и Амнон Коэн, посол Государства Израиль в Казахстане Исраэль Мей-Ами, израильский консул Макс Ситковецкий, представитель МИДа Израиля Ярон Меир и депутат казахстанского парламента Владимир Дворецкий. Высокие гости заинтересовались системой образования еврейских детей в Казахстане. На уроках истории, иврита гости задавали детям разные вопросы, интересовались уровнем их знаний. В конечном итоге все остались довольны. Большое счастье – учиться в такой школе. В честь уважаемых гостей дети организовали небольшой концерт.

Первый еврейский детский сад

Благодаря активной деятельности учебно-воспитательного комплекса «Ор Авнер Гершуни», в одном из живописных мест Алматы открылся первый в Казахстане еврейский детский сад.

Сегодня здесь работают три группы – подготовительная, средняя и младшая. Каждую посещает почти равное количество детей. А всего их 35, от 2 до 7 лет. Уже с этого возраста им здесь преподают основы иврита, английского, с большим интересом ребята занимаются музыкой. Значительное внимание уделяется Торе, еврейским обычаям, традициям и культуре. Разумеется, все это помимо игр, развлечений.

С первых дней большая ответственность легла на плечи заведующей детским садом Марины Лапиной, троих воспитателей и их помощников, а также методиста Рахели Виноградовой, специально приехавшей для этой непростой работы из Израиля.

Помещение для садика, пока еще арендуемое (строительство собственного завершится к концу года), полностью оборудовано необходимой мебелью, игрушками и т. д. Есть бассейн, спортзал, кинозал, в котором ребятам показывают полнометражные мультфильмы, и многое другое. Решена и транспортная проблема: ежедневно, как и в школе, специальные автобусы доставляют и детей, и воспитателей в детсад и обратно, в каком бы отдаленном районе они ни жили.

Аאַאַ בי

Брис мила

В канун нового учебного года в союз Авраама Авину вступили шестеро еврейских мальчиков в возрасте от 7 до 16 лет. Для Алматы это событие неординарное. Возможно потому, что до сих пор в республике нет специалиста для исполнения этого обряда.

В честь этого события в школе был устроен большой и красивый праздник. Детей поздравляли их одноклассники, преподаватели, руководство школы, а также президент Ассоциации еврейских общин Казахстана профессор Лев Иоффе. От имени фонда «Хабад-Любавич – Ор Авнер» директор образовательных программ раввин Шевах Златопольский вручил виновникам торжества талес катаны и сборник «Из бесед Любавичского Ребе Йосефа-Иццока Шнеерсона». В тот же день еще несколько еврейских мальчиков изъявили желание пройти брис милу. За год существования школы моэл Ишай Шафит, приезжая в Алматы уже четвертый раз, помог сорока евреям вступить в союз Авраама Авину.

ОТДЫХАЛИ СЕМЬЯМИ

Две недели провели в предгорьях Заилийского Алатау близ Алматы несколько десятков еврейских семей. Под занавес уходящего лета учебно-воспитательный комплекс «Ор Авнер Гершуни» при Ассоциации еврейских общин Казахстана (АЕОК) обеспечил им все условия для полноценного отдыха.

Для организаторов летнего лагеря – это прежде всего забота о семьях и, конечно, о детях – будущем нации. Поэтому выбор, где отдыхать, пал на один из лучших санаториев Казахстана «Тау Самал». Современные корпуса, утопающие в вековых альпийских елях, чистый горный воздух, ухоженные дорожки, спортплощадки, бассейн – что еще нужно для отдыха!

Путевки на этот раз были платные, но для родителей это была чисто символическая плата. Основные расходы взял на себя фонд «Хабад-Любавич – Ор Авнер».

Уже с первых минут пребывания в лагере каждый отдыхающий, будь то ребенок или пожилой человек, ощутил теплоту и домашнюю заботу. А чуть позже уже весь лагерь дышал национальным колоритом: замелькали кипы, зазвучала молитва, запахло еврейской кухней.

Работа в лагере был настолько напряженной, что побеседовать с его организаторами было просто невозможно. Тем не менее в коротких перерывах мы сумели поговорить с начальником лагеря Аллой Алексеевной Бородиной, на чью долю выпала огромная ответственность за все происходящее. Удалось выяснить, что сюда приехали почти двести человек – это без гостей, обслуживающего персонала, охраны и т. д. Слава Б-гу, места хватило всем. Отдыхающие разместились в уютных корпусах. Никто не был обделен признаками цивилизации. Дети, отдохавшие без родителей, жили в четырехместных номерах. Разумеется, девочки и мальчики в отдельных корпусах. Двух- и трехместные номера занимали семьи.

Особое внимание уделялось организации питания. Еда была исключительно кошерная, специально даже завозили очищенную питьевую воду. За соблюдением требований кошерности постоянно следил машгиах. Национальная еврейская кухня во все времена изобиловала самыми разнообразными рецептами. И отдыхающие могли убедиться в профессионализме поваров из еврейской школы, получая вкусно приготовленные блюда из мяса, рыбы, свежих овощей и фруктов. На радость детям в полдник на столе появлялись сочные и сладкие арбузы, дыни, яблоки и груши, сливы, виноград.

Но жизнь еврейского лагеря – это не только прием пищи и солнечных ванн. Чувствовалось, что здесь собрались люди, неравнодушные к своим национальным корням. Планируя работу в лагере, его организаторы предусмотрели гармоничную связь ежедневных мероприятий с приобщением отдыхающих к национальным истокам. С основами еврейской культуры и традиций отдыхающих знакомил Бенцион Балыкбаев – преподаватель еврейской школы, специально приехавший в лагерь для этих целей. Периодически преподаванием Торы занимался директор образовательных программ раввин Шевах Златопольский.

День в лагере начинался с утренней молитвы. Ребята старшего возраста, их отцы и дедушки предавались священному ритуалу вместе с преподавателями и молодыми раввинами, приехавшими из Израиля.

Впрочем, проблем и забот у представителей АЕОК и школы «Ор Авнер Гершуни», особенно с детьми, всегда достаточно. Было бы наивно считать, что в летние лагеря едут только для изучения Торы и традиций. В большинстве своем родители выбирают еврейские лагеря, будучи уверенными, что в них созданы условия для интересного и безопасного отдыха. Но для организаторов лагеря одной из важнейших остается задача передать детям основы истинных знаний, прежде всего еврейских традиций, чтобы они задумались над определением своего будущего. Во всяком случае, полученные знания позволят им сделать правильный выбор.

Несколько подробнее хотелось бы рассказать о встрече Субботы. Весь лагерь с нетерпением ждал наступления этого дня. Для послеполуденной молитвы собирались в специально оборудованном для этого местном клубе. Женщины и девушки зажигали субботние свечи. Невозможно передать, с каким трепетом и волнением проходила

молитва. Те, кто не знал иврита, произносили фразы на русском языке и проникались добрым, вечным. Глаза евреев – зеркало их многострадальной души. В этом печальном разрезе уместилась и вековая скорбь великого народа, и неподдельная радость общения с Б-гом, и надежда на будущее. Какое оно будет?..

После субботней трапезы пели песни, разговаривали, вспоминали о прошлом. И мечтали. В такой день каждый из нас особенно чувствует себя евреем и осознает, как важно прикоснуться к своим корням. И когда каждый обретет еврейское начало, он приобретет свое будущее – Б-жественное будущее!

Лариса и Александр Мостовщиковы, родители. Мы думаем, что наша семья уже знает и чтит еврейские традиции. Может быть, не так хорошо, но стараемся. И укрепились эти знания, когда с ноября прошлого года наладились связи с АЕОК, а с февраля этого старшая дочь пошла в еврейскую школу. И этот летний лагерь – неотъемлемая часть добра, идущего от Ассоциации и еврейской школы.

Откровенно говоря, мы свои корни в значительной мере постигаем через нашего ребенка. Духовный вакуум наш постепенно заполняется. Кстати, вторая дочь пойдет по этому же пути. Как только откроется еврейский детский сад, мы намерены отдать ее туда.

А лагерь – это продолжение школы. Здесь уже вся семья чувствует себя превосходно. Удивительная природа, организация на высоком уровне, прекрасные вожатые, хорошее питание. Ребята заняты любимыми делами, работают в кружках, различных секциях, купаются в бассейне. Дети участвуют во всем: это и проведение концертов, и КВН и многое другое. Сегодня, например, проводится праздник «А идише маме». Это праздник женский. Будет концерт, выставка детских рисунков своих мам, сестер, бабушек. Наша семья очень довольна!

Мария Мостовщикова, дочь, 11 лет. В лагере мне очень нравится. Особенно то, что мы сами проводим концерты, посещаем кружки, играем в интересные игры, поем песни на иврите. Моя маленькая сестра постоянно слышит, как я пою еврейские песни, и, видимо, ей нравится, она повторяет за мной.

Учусь я в еврейской школе и очень этому рада. Перешла в шестой класс. Мне интересно изучать Тору, еврейские обычаи, традиции, родной язык. Хочется узнавать что-то новое. В школе у меня появилось много друзей. Надеюсь в этом году всем классом побывать в Израиле. Так что все в порядке!

Давид Ян

«Дважды помог, кто скоро помог»

«Милый доктор Элькис»

Слова, вынесенные в заголовок, – девиз жизни известного московского врача Игоря Семеновича Элькиса. В подзаголовке – слова Юрия Никулина, именно так он обращался к И.С.Элькису при встречах, так называл его за глаза.

Перечень всех должностей и званий И.С.Элькиса займет несколько строк нашего повествования. Он – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, почетный член Союза врачей-евреев Франции, главный врач и генеральный директор Станции скорой и неотложной помощи Москвы, автор многочисленных научных публикаций.

Станция скорой и неотложной помощи начала свою работу в Москве 15 октября 1919 года и с тех пор не прекращала ни на минуту своей деятельности, с готовностью и бескорыстно оказывала незамедлительную медицинскую помощь людям. За 81 год главных врачей на станции было не так уж много, последние семь лет ее возглавляет Игорь Семенович Элькис.

Можно ли представить себе сегодняшнюю Москву без этой службы скорой помощи? Бывает, что количество вызовов превышает десять тысяч в сутки. К сожалению, и диверсии в наше время не редкость. Напомним взрывы в метро на Тульской («скорая» туда прибыла через пять минут, что было замечено и высоко оценено правительством Москвы), только что прогремевший взрыв на Пушкинской («скорая» явилась на шестой минуте, значительно опередив все остальные службы). Все это стало возможным благодаря преобразованиям и новшествам, введенным на «скорой» совсем недавно.

Доктор Элькис много думал о модернизации штаба скорой помощи – оперативного отдела. Были и противники его идеи. «С ручкой и телефоном надежнее». Но не таков доктор Элькис. Он настоял на своем, и вместо бывшего оперативного отдела в 1998 году был создан большой компьютерный центр, уникальный, единственный в своем роде.

Есть у доктора Элькиса любимые выражения. Среди них: «Спешите помочь людям»; «Врач не может быть циником».

Как еврей, корни которого уходят к черте оседлости, стал главным врачом всей Скорой помощи Москвы, руководителем коллектива, насчитывающего почти одиннадцать тысяч человек? Вот как объясняет этот феномен сам Игорь Элькис: «Не знаю, нужно ли писать об этом, но складывалось так, что я всегда был любимцем главных врачей. Может быть, за работоспособность, за понимание и знание дела... Иногда думаю, что роль сыграло еще и мое происхождение: “Элькис – еврей, он никогда не будет главным врачом, его можно спокойно держать в заместителях”. Действительно, если бы не волна забастовок на нашей станции скорой помощи, я бы так и оставался вечным замом. Меня избрал коллектив, потребовав снятия предыдущего главного врача и назначения на эту должность Элькиса. Было это в 1994 году. А если говорить о карьере моей в Скорой помощи – она не так проста, как это может показаться. В Московскую скорую помощь я пришел, когда мне было 19 с небольшим. 29 августа исполнилось ровно 40 лет, как я здесь работаю. Что меня держит? Прежде всего я человек в этой службе не случайный. Пришел сюда сам, по доброй воле. Ни разу, никогда не пожалел об этом. Не искал себя больше нигде и ни в чем».

Быть врачом Игорь Элькис мечтал еще с детства. Сельским фельдшером был его дед с необычной фамилией Фельдшер. Он работал где-то под Гайвороном, на Украине. А фамилии евреям, как известно, часто давали по их профессии. Может быть, из уважения к памяти деда, медицину в доме чттили. После десятого класса Игорь попытался поступить в медицинский институт – не получилось. Его приняли в медицинское училище. Закончив училище, он снова не поступил в медицинский институт и был призван в армию. Служил в Красноярском крае три года, четыре месяца и семнадцать дней. После армии была еще одна безуспешная попытка поступить в медицинский. Женился. У жены был брат, который готовился поступать в технический вуз. Он авторитетно заявил Игорю: «В медицинский ты все равно не поступишь, у тебя блата нет, денег нет, к тому же, ты еврей». И молодой Элькис «за компанию» с родственником пошел в инженерно-экономический институт. Учился нормально, сдал начерталку, высшую математику. У него уже была дочь, нужно было содержать семью, и он работал на Скорой помощи в специализированной «инфарктной» бригаде. В 1965 году в СССР впервые отмечался День медицинского работника. Бригаду, в которой работал Элькис, пригласили на телевидение. Вели передачу министр здравоохранения В.В.Трофимов и президент Академии медицинских наук Н.Н.Блохин. После передачи министр спросил у членов бригады: «А вы хоть учитесь, ребята?» Один из них, Евгений Юрищев, ответил: «Я уже врач. Элькис Игорь – наш фельдшер. Он всех готовит к поступлению в медицинский институт, все поступают, а он не может. Четыре раза поступал, сдуру поступил в инженерно-экономический». Министр внимательно посмотрел на Игоря и сказал: «Подойдешь ко мне. Через две недели».

Через две недели Юрищев напомнил: «Надо идти». Элькис к тому времени даже думать перестал об этом. Не верил, что министр мог запомнить разговор с каким-то фельдшером из скорой помощи. Все же позвонил помощнику министра и услышал: «Министр вас ждет». Министр сделал невозможное – перевел молодого человека со второго курса инженерно-экономического института на второй курс медицинского, проявив при этом немалую настойчивость.

Говорит Игорь Элькис: «Моя мама родилась в украинском местечке Хоцевато. Дед по матери был купцом второй гильдии. Мама в Москву переехала до войны. Отец мой был гравером, ушел на фронт, когда мне было восемь месяцев, и вскоре погиб. Мое

послевоенное детство, такое же трудное, интересное, неповторимое, как и у многих моих сверстников, было отмечено своими, особыми трудностями. Маму, работавшую в еврейском издательстве «Дер эмес», во время гонения на космополитов вместе с другими сотрудниками редакции арестовали. Более двух лет я жил у бабушки. Когда мама вернулась из тюрьмы, она второй раз вышла замуж. Отчим относился ко мне доброжелательно.

В школьные годы я много занимался спортом, особенно увлекался футболом и большим теннисом. Занимал призовые места в чемпионатах по теннису в Москве».

...По роду своей деятельности Игорь Семенович Элькис побывал во многих странах мира. И где бы он ни был – в США ли, в Израиле, во Франции, – везде его интересовала система работы «скорой». Изучал он ее не как любитель, а как профессионал, и пришел к выводу, что та служба скорой помощи, к которой мы привыкли в России, которую воспринимаем как данность, – явление уникальное. В каком-то из интервью он заметил: «В большинстве стран мира другая концепция организации службы скорой помощи. Они везут больного к врачу. Мы – врача к больному».

***

Из рассказов доктора Элькиса: С Юрием Владимировичем Никулиным мы дружили давно. Это связано было еще и с тем, что его мать Лидия Ивановна Никулина работала диспетчером на «скорой» более тридцати лет. Когда у него возникали медицинские проблемы, он звонил и говорил: «Игорек, доктор милый, у меня там что-то такое, как ты считаешь?..» Когда он ложился в последний раз к Александру Семеновичу Бронштейну, я одобрил, потому что Александр Семенович создал очень достойную клинику. Ну а то, что произошло, это может случиться с каждым.

Я очень дружил с Гришей Гориным. Он ведь тоже врач Скорой помощи. Пять лет работал на двадцатой подстанции. Его смерть до сих пор камнем лежит на сердце. Я не сумел уговорить его лечь в больницу. Не могу простить себе, что не усыпил его и силой не увез в больницу в ту ночь...

Дружу с Калягиным. Он бывший фельдшер четвертой подстанции Скорой помощи. Недавно, перебирая архивы, я нашел любопытный документ: «Я, фельдшер Скорой помощи Александр Калягин, получил четыре пары шаровар для художественной самодеятельности, которые обязуюсь вернуть».

Ю.Лужков и И.Элькис на открытии оперативного центра скорой помощи.

***

Из беседы с Игорем Элькисом.

– Как вы относитесь к вопросу эмиграции евреев из России?

– Это дело каждого человека, отдельно взятого. Слава Б-гу, что возникла такая возможность. Я не считаю предателями тех, кто покидает страну и уезжает. Их могли вынудить сделать это разные обстоятельства. Я думаю, что никто от хорошей жизни не делает этого.

Для себя решил, что если я родился в России, то умереть должен тоже в России.

– А как же с теми евреями, которые занимали здесь весьма высокие, почти номенклатурные должности, а выезжают отсюда на «телеге антисемитизма?»

– Антисемитизм как таковой был, и даже «номенклатурные» евреи его ощущали. Так что их можно понять.

– А вы на себе, кроме многократных безуспешных поступлений в медицинский институт, его ощущали?

– Ко времени окончания медицинского института я написал большую работу по лечению инфаркта миокарда у мужчин молодого возраста. Эта работа заняла второе место на конкурсе студенческих работ в Москве. Профессор, заведующая кафедрой Вера Ивановна Бабкова предложила мне остаться на кафедре: «Вы многообещающий кардиолог, и вам хорошо бы заняться наукой». Я согласился, предложение было заманчивое. После этого разговора все как-то резко затихло. Через две недели Вера Ивановна сказала мне: «Игорь, мне стыдно перед вами. Мне стыдно за наше руководство. Они вам отказали».

Еще одна история. Я, как уже было сказано, долго не мог поступить в медицинский институт, пытался несколько раз и не поступал. Мне посоветовали устроиться в институт работать – своим сотрудникам они «помогают» при поступлении. Я стал искать работу в институте, ничего подходящего не было, и я устроился работать в морг. Работал, наверное, неплохо. Через какое-то время мне предложили стать заведующим моргом при Втором медицинском институте, пообещав, что тут уж поступление в институт мне гарантировано. Я согласился, но заведующим меня не поставили...

Сейчас, разумеется, антисемитизма я не ощущаю, да и еврейский вопрос сегодня не стоит так остро, как прежде.

Появилось много людей среди русской интеллигенции, далеких от антисемитизма. В частности, Юрий Михайлович Лужков, с которым я встречался по делам Скорой помощи. Этому человеку абсолютно чужд антисемитизм.

– Ваше жизненное кредо на еврейскую тему?

– Мое мнение, что в жизни выпячиваться не следует. Еврею в особенности. Как сказал один старый еврей: «Жить нужно, как в трамвае – не садиться вперед и не высывываться».

– Но ведь из вас получился очень «высунутый» человек.

– Сам не знаю, как это случилось. Если скажу, что никогда не хотел быть главным врачом – я слукавлю. Наверное, хотел. Но я никогда не предполагал, что им стану. Когда меня назначили главным врачом, я подумал, что это на год-полтора, и решил для любимой «скорой» постараться что-то существенное сделать. Семь лет уже прошло. До этого пятнадцать был заместителем. До этого пять – освобожденным председателем профкома. А еще до этого – заведующий подстанцией, старший врач, выездной врач, выездной фельдшер. Это моя карьера по нисходящей.

– Есть ли будущее у евреев в России?

– Россия – страна непредсказуемая. Но очень хочется верить, что будущее у России есть, а значит, есть будущее и у всех народов, ее населяющих.

Ἰ ἀδὲ Ἐὲ ὀ ἀέᾶ ὄᾶᾶᾶᾶᾶᾶ

Еврейский вернисаж в Центральном доме художника

Заметки с выставки художника НИКАНДРА

Сегодня выставкой художников на еврейскую тему, евреев-художников или израильских художников в Москве никого не удивишь. Но выставка работ художника Никандра (Николая Андреевича Колесникова), всего десять дней представленная в ЦДХ, произвела, что называется, фурор.

В зал номер восемь, где была открыта эта выставка, с каждым днем приходило все больше и больше людей, а в воскресенье, последний день ее работы, у картин Никандра было особенно много посетителей. Сам «именинник» стоял как бы в стороне, но посторонним созерцателем не оставался – он выслушал немало похвал, комплиментов в свой адрес. Правда, были и другие высказывания. Кто-то, глядя на Николая Андреевича, заметил: «Он же не еврей, зачем же так много их рисует?» С этого вопроса мы и начали беседу с художником Никандром. Но вначале немного о нем самом.

Родился Николай Колесников в городе Артемовске Красноярского края. Интерес к рисованию обнаружил с раннего детства, участвовал во всесоюзном конкурсе детского рисунка. Занимался в изостудиях. Над выбором профессии художника задумался во время службы в армии (1975–1977).

В 1979 – 1983 годах закончил педагогическое отделение Брянского художественного училища, затем, в 1987–1993 годах, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, факультет теории и истории искусства, в Петербурге.

В настоящее время Никандр живет и работает в Брянске, преподает рисунок, живопись, скульптуру и композицию в Государственном университете им. И. Г. Петровского, а также руководит народной студией изобразительного искусства им. Д. Н. Медведева.

А теперь вернемся к вопросу, как и почему пришел Николай Колесников к еврейской теме? Послушаем «объяснение» художника.

«До армии национальный вопрос для меня не существовал вообще. И только там я впервые с ним столкнулся. Над одним моим сослуживцем, отличающимся интеллигентной внешностью, постоянно издевались, его даже избивали. Я вступился за него, отлупили и меня. Это, естественно, сблизило нас, мы стали друзьями. Нам вслед не раз кричали: “Жидовствующий с жидом пошли!..”

Так я совершенно неожиданно, как корабль на айсберг, натолкнулся на еврейскую тему. С Александрой Менес мы познакомились случайно 18 лет назад. “Случилось” это в брянской картинной галерее, на выставке художников-импрессионистов. Там же проводились занятия. На лекции нас было трое: лектор, моя будущая жена и я. Оказалось, что мне вовсе не до лекции. Я чувствовал, что происходит что-то неотвратимое. Мы еще два месяца продолжали ходить на эти занятия, делали вид, что не замечаем друг друга. Наконец познакомились и стали встречаться. Кто моя новая знакомая по национальности, меня, естественно, не интересовало. Инициативу проявила Саша. Она принесла мне “Испанскую балладу” Фейхтвангера: “Чтобы ты знал, во что ввязался...” Книгой я был буквально потрясен. Мне казалось, что написана она специально для меня. Итак, встреча с Александрой Менес и благодаря ей «Испанская баллада» ввергли меня в еврейскую тему, сделали эту тему неотъемлемой частью моей жизни, моего сердца. Через год мы с Сашей поженились. До сих пор я утверждаю: моя жена – ангел, подарок судьбы. Пусть это высокие слова, но в них ответ на ваш вопрос».

После «Испанской баллады» Никандр читал Генриха Гейне, Томаса Манна, затем Шолом-Алейхема, Кановича...

Священное писание вошло в его жизнь несколько позже. К изучению Книги Книг приступил уже не юноша, а человек взрослый, образованный, и воспринималась она совсем по-иному, по-особому. Свидетельство тому – его работы на библейскую тему.

Начнем с картины «Пророк». Мудрец, потерявший зрение, одинокий, бродит с посохом по иудейской пустыне. Вглядываясь в картину, приходишь к мысли, что у этого странника зрение физическое заменено зрением души. Это ему ниспослано Б-гом. Сам автор сказал об этой картине: «Пророком может быть лишь тот, чья душа обращена к Всевышнему, с Кем беседует он повседневно».

Картина «Осень» появилась под влиянием юбилейного вечера Зиновия Гердта. «Я тогда увидел крупным планом его глаза, – говорит художник, – глаза, в которых воплотилась вселенская грусть. Это впечатление уже не покидало меня. Обычно я пишу, когда не могу больше носить в себе переполняющее меня чувство. Идея картины возникла сразу. Многие считают, что этот человек даже похож на Гердта. Меня спрашивали,

Работа над картиной продолжалась более четырех лет. Рядом – картина «Расстрел». Вот что рассказывает о ней автор: «Композиция картины пришла ко мне во сне, но не случайно. О Холокосте я много читал, изучал материалы. Приснилось мне, что эсэсовец, которому при расстреле евреев показалось, что он стреляет в мадонну с младенцем. Он был человек верующий. Мадонна – она ведь тоже еврейка. Еврейская мать с ребенком. Перед ним стоял страшный выбор: если не выстрелит он, расстреляют его самого. Это не совесть в нем проснулась. Скорее, страх перед Б-гом».

И душераздирающие картины: «Гетто», «Путь в никуда», «Восстание в гетто», «Холокост», «Катастрофа». Описать эти картины невозможно. Об одной из них автор сказал: «Когда я закончил работу над картиной “Путь в никуда” я в полном смысле слова заболел. Повысилась температура, мне казалось, что я сам был в этом поезде, едущем в Освенцим».

Из разговора, услышанного на выставке. Интеллигентствующий еврей, рассматривая картину «Холокост», с уверенностью заявляет: «Что может знать этот нееврей о еврейской Катастрофе?» Стоящий рядом скромный человек, не похожий на еврея, тихо произносит: «То же, что Левитан о русской природе. Картины создаются не головой, а сердцем».

Вернемся к картинам на библейскую тему. Их много на выставке.

Есть у Никандра картина «Святое семейство». Кто из великих художников Возрождения не обращался к этой теме? Никандру, как нам кажется, удалось вложить в эту картину ветхозаветную истину. Для еврея отец и мать – символы святости. И это угадывается в картине. Художник рассказал, что рисовал ее под песню «Ди идише маме» («Еврейская мама»). Вообще, его отношение к музыке особое. Многие картины еврейского цикла он писал под народную еврейскую музыку. Художник убежден, что музыка и живопись неразделимы. А еще поэзия. Это три вершины треугольника Искусства, без любой из них треугольник существовать не может.

Эти рассуждения живо приходят на память, когда смотришь картину «Лот и его жена». Сказано в Торе: «Жена же его (Лота) оглянулась позади его и стала соляным столбом». И вспоминаются строки Анны Ахматовой:

Àçæÿí óèà è ñéíááí ú ñ áðò í íþ áíèÿþ,

Áèàçà áá áíèÿþ á ñ í ò ðáò ú í á í íæè;

È ñáææéí ñí ò áéí í ðíçðà: í íþ ñèÿþ,

È áúñò ðúá í íæ è çáí èá í ðèðíñèè.

È ò í æáí ù è í ó ÿ ò ó í í è à è è á à ò ú á ú á à ò?

Í á í áí ù ð á è è è í í è ò ñÿ í í à è ç ó ò ðáò?

È è ò ú ñ á ð á à í í á í è é í ñ á í á ç á á á á à ò

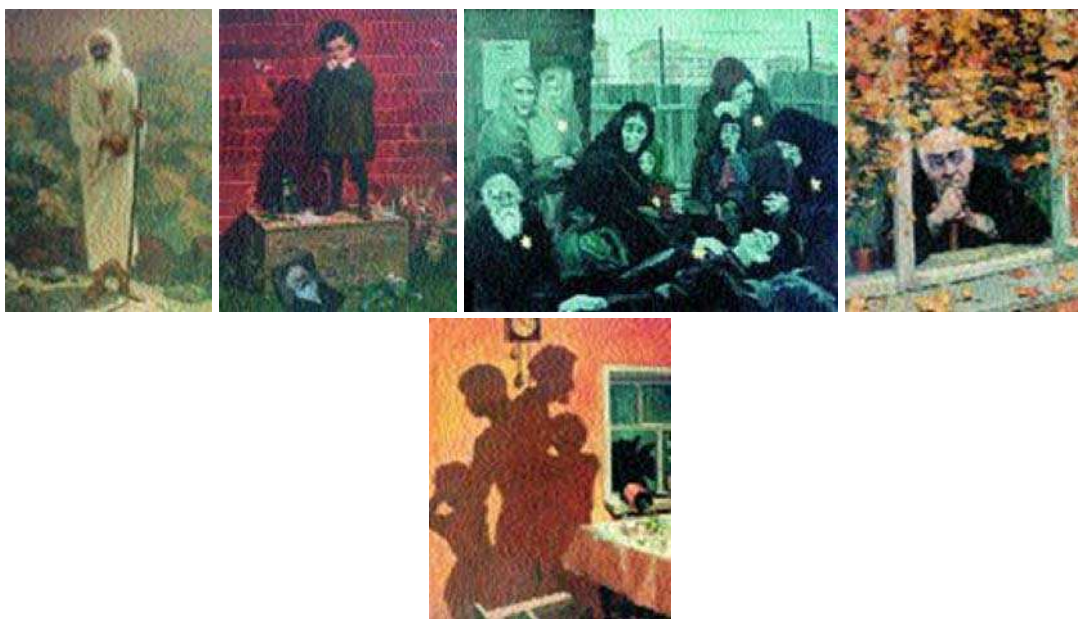
Í ò á á á á ð þ æ è ç í ú ç à á à è í ñ ò á á í í ú é á ç æ ÿ á

В цикле «Библейские парадоксы» перед нами уже художник, не просто читающий Тору, а чувствующий ее, умеющий внести свою интерпретацию. Иллюстрация к сказанному – картина «Мессия». Как известно, Мессия (Мошиах) войдет в Иерусалим через Золотые ворота. В пору владычества Османской империи в Иерусалиме ворота эти были замурованы. Но в картине Никандра путь Мессии преградить невозможно.

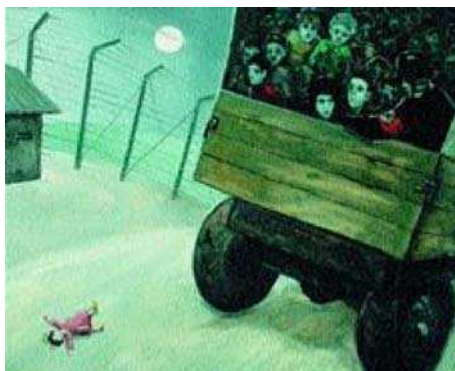
По-разному воспринимаются картины художника «Юдифь», «Моисей», «Царь Соломон». У автора свое видение, восприятие этих выдающихся личностей. Возможно, не все согласны с его толкованием, но это свидетельствует о том, что Никандр – истинный художник, картины которого вызывают полемику, споры. Так, «Моисей» в его изображении предстает в несколько двойственной ситуации: неясно, то ли получил он заповеди от Б-га на горе Синай, то ли сочинил их сам. Но безразличным к образу Моисея, созданного художником, остаться невозможно.

По всему судя, основой творчества Никандра является интеллектуально-логическое обоснование темы, идеи, сюжета, и только это позволяет ему создавать полотна, которые останутся надолго. По его же высказываниям, идеи картин приходят к нему внезапно, случайно, нередко во сне. Он их записывает в виде рисунков и фраз в записную книжку, которые затем воплощаются в полотна. Одну такую мысль из его записной книжки мы приводим с позволения автора: «Всевышнее Начало – Едино. Оно творит действительность такой, какой мы ее видим, понимаем, чувствуем, и необоснованные искажения или разрушения форм – не что иное, как надругательство над сотворенным, способствующее разрушительному началу».

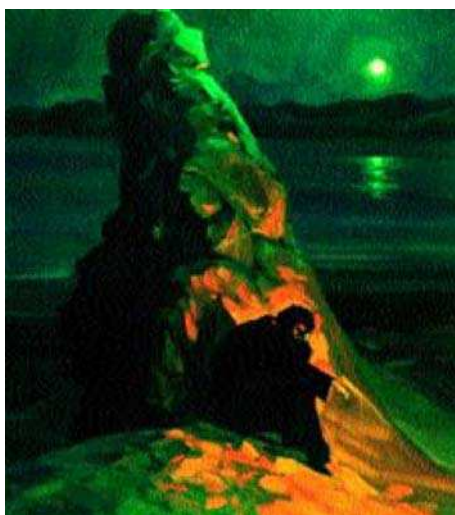
Мысль эта, как и творчество художника Никандра, может показаться спорной, но важно другое. Мы увидели художника талантливого, искреннего, имеющего свое мировоззрение и хранящего ему верность. Давно известно, что истинное искусство возникает там, где знания, опыт сливаются либо с ненавистью, либо с любовью, третьего не дано. Правильно заметил эссеист Людвиг Льюисон: «Художник – единственное существо, для которого все вокруг – откровение».

«Пророк». 1997 год. «Мишени». 1993–2000 годы. «Гетто». 1993–1996 годы. «Осень». 1998 год. «Погром». 1993–1996 годы.

«Холокост». 1993–1996 годы.

«Лог и его жена». 1996 год.

«Мессия». 1993–96 годы.

יְהוּדָה אֵלֶּיךָ

Еврей – это состояние души

Юрий Ваганов – руководитель еврейского молодежного клуба при Московском еврейском общинном центре (МЕОЦ). Ему тридцать лет. По профессии врач.

Молодежный клуб при МЕОЦ существует уже почти пять лет. Одна из основных целей этой организации – с помощью интеллектуально-развлекательных программ, популярных мероприятий привлечь как можно больше еврейской молодежи в общинный центр. Напомнить молодым людям, деды и отцы которых были ассимилированы, что они евреи.

Юрий Ваганов пришел к еврейству сам. До клуба он работал несколько лет в Сохнуте, где получил основательную «подготовку». Что-то он знал из семьи, о еврейских традициях, обычаях ему рассказывал дед. «Вся мамина линия у меня еврейская, – говорит о себе Юрий. – В клуб я пришел по зову души. Много ли участников в руководимом мной клубе? Мы никогда не вели статистики. На каждое занятие к нам обычно приходят от шестидесяти до ста человек, на юбилейные и праздничные заседания – более двухсот. Ребята порой сидят на полу. Занятия проводятся на Мясницкой, 40, в школе Куравского. Общаемся мы на русском языке. Считаю, что язык насильно выучить невозможно. Желаящие могут заняться ивритом в Образовательном центре. Мы ведь не израильтяне, мы – россияне, говорим и думаем на языке страны, в которой живем, где жили несколько поколений наших предков. Тут дело не в языке, дело в гражданстве. И в России еврей не меньше еврей, чем в Израиле или в США. Просто он говорит на другом языке. Еврей – это прежде всего состояние души и осознание себя.

У нас в клубе популярны различные конкурсы – по истории еврейского народа, чисто религиозные, по традициям, выдающимся евреям и т.д. Надо учесть, что абсолютное большинство входящих в клуб составляет светская молодежь. Побывав в клубе, приняв участие в его работе, семинарах, они узнают, открывают для себя много нового. Есть, конечно, среди нашей молодежи и такие, кто учился в ешиве, махоне, еврейских университетах. Члены клуба – в основном молодые люди от 18 лет из обычных московских светских семей. Мы им даем возможность в доступной, нередко игровой и театрализованной форме узнать то, чего они еще не знают из истории своего народа. Не считайте нас националистами, но в клуб мы принимаем только евреев.

На каждом заседании клуба его члены участвуют в двух еврейских конкурсах. Их проводит Отари Поладов. Специальный еженедельный конкурс «Если бы я был раввином» ведет раввин Борух Клейнберг.

Изучение недельной главы Торы завершается деловой игрой. Развлекательным конкурсом руководит Леонид Теплов, музыкальным – Евгений Шейкин. Три наши команды играют в «Брейн-ринге».

В молодежном клубе.

На вопрос, как относятся участники клуба к эмиграции в Израиль, Юрий Ваганов отвечает: «Работа Московского еврейского общинного центра не направлена ни против эмиграции в Израиль, ни на “вывоз” евреев куда бы то ни было. Мы – за адаптацию, создание еврейской общины здесь, в России».

Мы не задавались целью подводить итоги работы молодежного клуба. Но совершенно очевидно, что существование его при МЕОЦ не только оправданно, но и необходимо. Не обращая никого в еврейство, это противоречило бы самой сущности нашего народа, энтузиасты клуба осуществляют благородное и важное дело – они возвращают евреев к своим истокам.

Аאעיי אַ באַרעוּם עדיין

Игорь Ваншельбойм, директор Образовательного центра при МЕОЦ: «Я хочу, чтобы наш народ был образованным».

Для этого и создан Образовательный центр для еврейской молодежи. Рассказывает Игорь Ваншельбойм: «Начинать было сложно, приходилось быть директором, преподавателем иврита и переводчиком лекций по еврейским традициям с английского на русский. С момента открытия Центра (1995 год) преподавательский уровень в нем заметно повысился. Если прежде преподавателями были студенты, то сегодня – это уже опытные педагоги. Подбор кадров для нас – важнейшая задача.

Ирина Левина пришла к нам 19-летней девушкой, человек ответственный и серьезный, она сейчас преподают английский по очень хорошим и интересным методикам. Ее уроки – это нередко театр одного актера. Для более подготовленных учащихся английский преподают Роксана Садовникова. Ее ученики читают английских классиков в подлиннике, часто обсуждают на уроках еврейские темы. Компьютерные занятия ведет Олег Вайдерман. Замечу, что у нас многоуровневые молодежные курсы компьютера, английского и иврита. Например, Сергей Филиппов преподают иврит на любом уровне. Это очень опытный преподаватель, знающий не только иврит, но и арабский, испанский, другие языки».

На вопрос «Какова основная задача Центра?» И. Ваншельбойм отвечает: «Мы хотим, чтобы еврейский народ был сильным, независимым. А для этого необходимо образование. Чтобы устроиться в сегодняшней жизни, ребятам необходимы английский язык и знание компьютера. Кроме того, наш клуб “исполняет обязанности” службы знакомств. Происходит это невзначай, но результаты есть. У нас уже образовалось немало семейных пар. Это очень хорошо. У ребят складывается своя еврейская компания. Выпускники нашего Центра продолжают поддерживать с нами связь и в России, и уезжая за границу. Нередки случаи, когда мы помогаем нашим выпускникам найти работу.

Возраст слушателей – примерно от семнадцати лет, то есть к нам приходят уже после школы».

Несколько слов о семейном клубе, которым также руководит Игорь Ваншельбойм. В клубе проводятся занятия для детей с родителями. Члены клуба отмечают, что в нем царит необыкновенно добрая, домашняя атмосфера, создана большая еврейская семья. В игре-разминке участвуют дети и родители, после чего занимаются отдельно дети и отдельно родители. Родители изучают компьютер, иврит и английский язык, еврейские традиции. Дети в это время рисуют, учат язык. Часто проводятся совместные праздники, занятия, в которых принимают участие и дети, и родители. Это позволяет родителям всмотреться в своего ребенка. Дети открываются с какой-то другой стороны. И они видят своих родителей по-иному. Между детьми и родителями возникают новые отношения... Потом дети вырастают и приходят в Образовательный центр.

Основной принцип обучения детей в семейном клубе Игорь Ваншельбойм сформулировал так: «Только то усваивается в учебе, что интересно и доставляет удовольствие».

Рассказывает руководитель Дома детского творчества «Родник» Виктория Энгель:

Мы находимся в стадии создания детского клуба. Многие еврейские дети очень нуждаются во внимании и в помощи. Мы будем заниматься с детьми общеобразовательными дисциплинами, музыкой, танцами, ивритом. Возраст наших воспитанников – от семи до пятнадцати лет. Для детей постарше существуют другие организации, в частности Союз еврейских студентов. А вот для детей школьного возраста самая благодатная почва у нас. Занятия бесплатные, нас «содержат» спонсоры.

В настоящее время осуществляется набор детей. У нас уже есть около пятидесяти заявлений от родителей, многие из них посещали семейный клуб Игоря Ваншельбойма. Наш дом неотделим от семейного клуба. Основными предметами у нас будут иврит и еврейские традиции. Большое количество детей, особенно девочек, пожелали освоить икебану – искусство составления букета.

Клуб планирует начать работу в сентябре. Программой предусмотрено прежде всего развитие талантов у еврейских детей, расширение их кругозора. Уже в этом году будут проведены творческие конкурсы, которые предполагается сделать еженедельными. Победители конкурсов будут награждаться поездками в Израиль, Англию и другие страны.

Éπιπέδo Νεϊταίαιετe

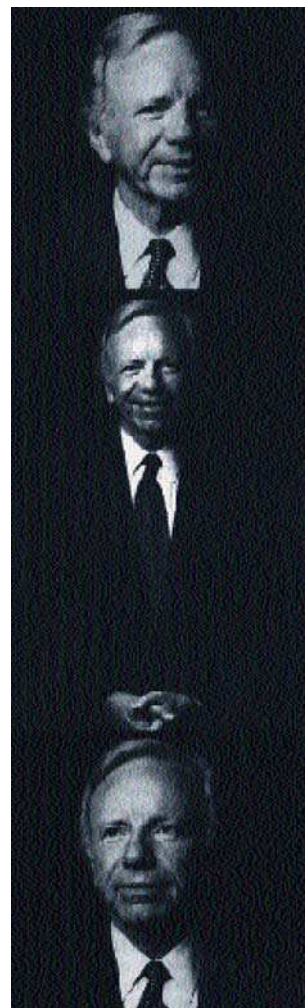
ДУША И СТАЛЬ

Аעעע Оуџе

Джо Либерман религиозен, соблюдает законы своей веры, но не молитвой единой поднялся он наверх. Одерживая победы над сильными противниками, этот человек показал, что владеет искусством тактики и идеологической гибкостью. Отныне эти качества он поставит на службу Альберту Гору. У него – данные мудрого политического деятеля, знающего, что требуется для победы.

«Я еду в штат Миссисипи, потому что там много работы, которую необходимо выполнять, и мало людей, делающих это», – писал 21-летний Джо Либерман, председатель редколлегии студенческой газеты «Йель дейли ньюс» в своей колонке 28 октября 1963 года. Либерман направлялся на Юг, чтобы принять участие в регистрации избирателей-негров для предварительных, “пробных выборов” – прелюдии к предвыборной кампании в штате Миссисипи летом 1964 года. Это было не единственное дело, к которому он имел отношение, занимая ответственный пост в газете. Его политические пристрастия не всегда были предсказуемы. Осенью того же года он защищал – надо сказать, безуспешно – право губернатора штата Джорджа Уоллеса выступить перед студенческой организацией. Особое возмущение вызывал у него расизм в штате Миссисипи. «Для меня это становится личным делом, – писал он. – Я воспринимаю эти расистские выходки, как вызов лично мне». Его друзья по Йельскому университету говорят, что в Либермане, которому Альберт Гор предложил баллотироваться в паре с ним на пост вице-президента на предстоящих президентских выборах, они узнают того самого студента, религиозного, серьезного, целеустремленного, но ни в коем случае не догматика. Один из сокурсников Либермана, юрист Ангус Макбет, вспоминает любимую метафору для определения цели своей жизни: «Катить вперед великий шар истины и добра, чтобы продвинуть его вперед хотя бы на дюйм-два».

В 1992 году Биллу Клинтону нужен был человек на роль возможного вице-президента, пользующийся достаточным влиянием и авторитетом, способный подкрепить его собственную кандидатуру на президентский пост, – и он нашел Гора. Теперь, пробыв восемь лет в тени Клинтона, Гор надеется, что Либерман сумеет сделать для него то же, что он, Гор, в свое время сделал для Клинтона. Из всех финалистов в борьбе за место кандидата в вице-президенты Либерман, по всей вероятности, с наибольшим правом может быть назван близкой Гору душой в сфере политики. Он человек умеренных взглядов, имеющий репутацию либерального политика, склонного, однако, порвать с занятой демократами позицией по таким вопросам, как расходы на оборону и нарушение законности представителями масс-медиа. Весьма деликатный, обходительный человек, он и умный, и жесткий соперник, не однажды выбивавший из игры конкурентов, занимавших интересующий его пост, когда шансов на успех у него, казалось, и не было.

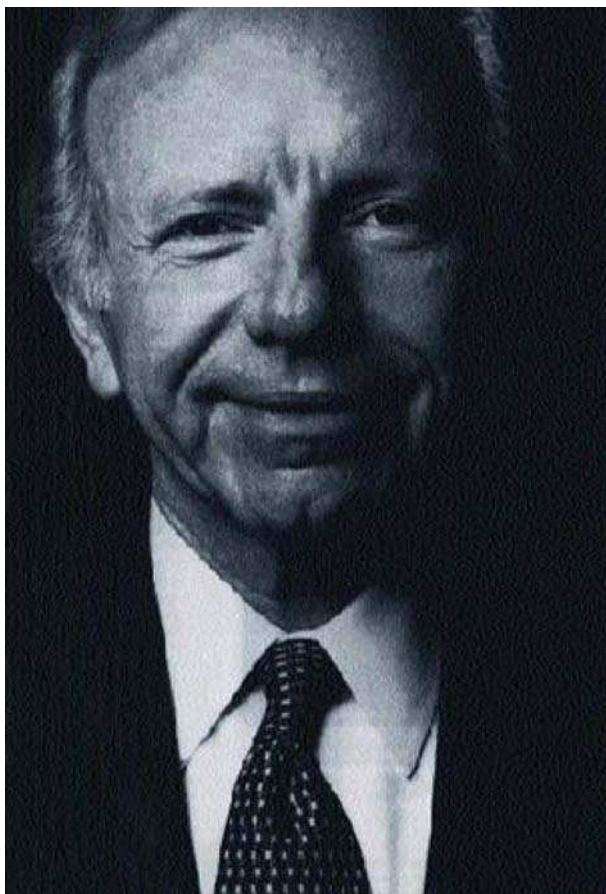

21 % i i d e a i i u o c a y a e e e , + o i a i a i d A i d i i m a r e i i a d o i a d i E e a a d i a i a o o a a d e a a a o e o a i a i a d i e e a e i m a o u c a A i d i ; 26 % a m a a a i y a a d e e e o i a a m i i a i e a i a e a a o a i o d a m i a e e e a i n e i e i a d o e e x a e i e .

Либерман понимает политическое значение религии. После четырех побед с 1982 года на выборах в Коннектикуте он с уверенностью заявил корреспонденту журнала «Ньюсуик», что его вероисповедание не будет поставлено ему в минус в сфере политики: «Я говорю не теоретически. К этой уверенности меня привела вся моя жизнь. Встречаясь с людьми, я убедился, что они не только чрезвычайно терпимы, справедливы и судят обо мне на основании моих личных качеств, но и держатся весьма уважительно. Я пришел к выводу, что соблюдение предписаний моей религии укрепило мои связи с народом». Но лишь будущее даст ответ на главный вопрос: не будут ли избиратели возражать против того, чтобы пост всего на одну ступеньку ниже президентского занял еврей, соблюдающий Субботу и каждую пятницу с заходом солнца удаляющийся от мирских дел на 24 с лишним часа. Судя по результатам опросов общественного мнения, ответ этот будет в пользу Либермана. Некоторые же стратеги опасаются, что антисемитизм, выявляемый радиолокаторами опросов, лишит Гора части голосов избирателей. «Напомню вам всего шесть слов, – сказал один из демократов: – Том Брэдли, Харви Гант, Дэвид Динкинс». Это имена кандидатов-негров, введенных в заблуждение данными аналогичных опросов.

Детство и отрочество Джозефа прошли в атмосфере духовности. Его отец Генри Либерман, владелец магазина спиртных напитков в Стамфорде, штат Коннектикут, и мать Марсия воспитывали сына в духе ортодоксальной иудейской веры. Но Либерман говорит, что «окном в Старый Свет», человеком, учившим его любить и ценить Новый Свет, была его бабушка Минни, глубоко религиозная эмигрантка из Центральной Европы, «бобе», как называл он ее на идише. В 1960 году Джо поступил в Йельский университет и уже на втором курсе вошел в состав редакции газеты «Йель дейли ньюс», являвшейся центром политической жизни в университетском городке. Друзья никогда не сомневались, что Джо сделает карьеру на политическом поприще. Он уже тогда полностью сформировался, – отмечает нью-йоркский банкир Алан Макфарланд, учившийся с Либерманом на последнем курсе юридического факультета университета. – Карты сами шли ему в руки; ему оставалось только действовать с умом».

В Нью-Хейвене Либерман встретил двух «менторов», воплощающих «инь» и «ян» (мужское и женское начала) в его политике. Сенатор Абраам Рибикоф, нанявший его в 1963 году в качестве внештатного сотрудника на летний период, был членом законодательного собрания штата, человеком с государственным кругозором. Умение этого политического деятеля поддерживать хорошие отношения с обеими партиями, которое произвело большое впечатление на Либермана, прослеживается в его нынешней политике. Но молодой человек восхищался и Джоном Бейли – классическим партийным боссом с сигарой во рту, действовавшим, как говорится, «в задней комнате». Не выпячиваясь, он железной рукой правил демократической партией. Либерман видел, что грубоватая, но энергичная политика Бейли по-своему эффективна, и сделал деятельность закулисного партийного босса темой своей диссертации.

Религиозность, не скрываемая им, только способствовала укреплению его связи с народом, считает сам Либерман.

Политическая карьера самого Либермана началась шестью годами позже, причем весьма оригинально. Ему, практикующему в Нью-Хейвене адвокату, было тогда 27 лет. Он избрал своей мишенью Эда Маркуса, лидера демократического большинства в сенате штата. Казалось, цель была ему не по зубам, да и взгляды либерального демократа Маркуса мало чем отличались от взглядов самого Либермана. В тот год студенты Йельского университета впервые получили право голосовать на выборах в местные законодательные органы. В ходе своей бурной кампании Либерман подверг студентов всесторонней обработке, стучался в каждую дверь, чтобы мобилизовать их на участие в выборах. Одержав победу над Маркусом на первичных выборах, он прошел в сенат штата, а со временем стал лидером сенатского большинства.

В университете Либерман не всегда выполнял все требования иудейской религии. Лишь женившись и создав семью, он решил стать для своих детей образцом, человеком, у которого духовная жизнь не была бы отделена от политической и профессиональной деятельности. Коллеги проявили понимание, хотя порой допускали промахи. Так, однажды в субботу Джим Сигалоф, партнер Либермана по юридической фирме в Нью-Хейвене, получив по почте важное судебное постановление, бросился к Либерману, чтобы сообщить ему об этом. Когда Либерман открыл дверь, возбужденный Сигалоф, размахивавший документом, тут же понял свою ошибку. «Джо смотрел на меня, как если бы я был Моисеем с горящим кустом, – вспоминает Сигалоф. – Он отшатнулся от меня, и я вспомнил, что была суббота».

Стараясь сохранять политическое равновесие, Либерман балансировал, но без падений и ушибов не обходилось. В 1980 году, когда неожиданно подал в отставку член

законодательного собрания штата от его избирательного округа, Либерман подумал, что у него появилась возможность продвинуться дальше на политическом поприще. Опрос, произведенный за три недели до выборов, показал, что он на 19 пунктов опережает остальных кандидатов. Но его противник от республиканской партии Ларри Денардис организовал появление в печати ряда статей с нападками на Либермана как на либерала, склонного тратить общественные средства, ни с чем не считаясь. Либерман потерпел поражение на выборах, а спустя год и в личной жизни: его оставила жена. С Бетти Хаас он познакомился в офисе Рибикофа, где оба работали летом внештатными сотрудниками. К сожалению, Бетти не поддерживала ни политических амбиций мужа, ни его возрастающего религиозного консерватизма. Во время предвыборной кампании они консультировали супружеские пары, а в 1981 году развелись сами. «У Джо было много разных интересов – религия, политика, семья, – рассказывает один из его друзей, – Бетти же была еврейкой-реформисткой».

В подавленном состоянии духа, неуверенный в своем будущем, Либерман вернулся к юридической практике. Он серьезно подумывал об уходе из политики, но решился еще на одну, последнюю, попытку. В 1982 году ему удалось победить кандидата от демократической партии на выборах главного прокурора штата. Затем последовала победа и на всеобщих выборах в штате. Наладилась и его личная жизнь. В ходе предвыборной кампании (по тем самым выборам главного прокурора штата) он познакомился с Хадассой Фрейлих Такер, родители которой лишь чудом уцелели во время Холокоста. Хадасса жила в Нью-Йорке с шестилетним сыном в разводе с мужем. «С первых же слов мы почувствовали тягу друг к другу, а к концу дня пришли к выводу, что это “любовь с первого взгляда», – писал позднее Джо. В 1988 году они поженились.

Став главным прокурором штата Коннектикут, Либерман обнаружил, что ему досталось запущенное учреждение, где сотрудники заняты неполный рабочий день. Он превратил главную прокуратуру в высокоэффективный орган, привлекавший к суду производителей красок с примесями свинца, нечестных торговцев автомобилями и руководителей предприятий, загрязняющих окружающую среду. В 1986 году, переизбранный в этой должности, Либерман задумал выдвинуть свою кандидатуру на выборах губернатора штата, которые должны были состояться в 1990 году. Сенатор от штата Массачусетс Джон Керри, его друг с университетских времен, рекомендовал ему присмотреться к Лоуэллу Уэйкеру, сенатору-республиканцу от штата Коннектикут, большому индивидуалисту и оригиналу, который собирался добиваться переизбрания в 1988 году. Либерман полагал, что Уэйкера победить невозможно. Керри, возглавлявший комитет демократической партии по организации выборов в сенат, прислал ему книгу, в которой говорилось о том, что мало кто поддерживает Уэйкера по такому вопросу, как защита окружающей среды. Уэйкер потерял много сторонников, пока разъезжал в преддверии выборов, выступая с зажигательными речами в частных организациях. Ознакомившись с этими материалами, Либерман решил включиться в предвыборную гонку.

На этот раз он выступил правее Уэйкера, представил его в виде богатенького либерала, оторвавшегося от реальности. Тем не менее Либерман получил плохие результаты в ходе предвыборной кампании, ввязавшись в спор из-за сбора средств на нее. В сентябре он присутствовал на банкете в ирландском баре в Уотербери, устроенном с целью сбора средств, где билет стоил более 500 долларов. На следующее утро в местной газете была опубликована фотография, запечатлевшая момент, когда Либерман пожимает руку известному в тех местах картежному шулеру. Выяснилось также, что владелец бара незадолго до этого признал себя виновным в нарушении правил финансирования предвыборной кампании. Организаторы кампании Уэйкера ухватились за эту историю, а

Либерман оправдывал себя тем, что «не был в курсе» таких деталей. Спустя десять лет, будучи членом сенатской комиссии по расследованию нарушений закона о финансировании кампании по выборам в сенат США, он принял аналогичное оправдание от Гора, которому было поставлено в вину посещение буддийского храма Си Лай.

Перелом в предвыборной борьбе 1988 года был достигнут, когда Картер Эскью, рекламный агент Либермана, ставший сейчас «гуру» при Горе, выступил с вошедшей в легенду карикатурой на Уэйкера, изображенного в виде спящего в берлоге медведя, из которой раздается громкий храп: «х-р-хр-хр...». «Стоит задеть его лично, он обязательно зарычит, – было написано под карикатурой, – но если речь идет о весьма важных общественных делах, он может безмятежно спать».

Либерман одержал победу, правда, большинством всего лишь в десять тысяч голосов. В сенате за Либерманом установилась репутация человека, склонного решать конфликты между обеими партиями компромиссным путем, интересующегося такими проблемами, имеющими моральный или культурный аспект, как нарушение этических норм средствами массовой информации. Занимая в военных делах умеренно консервативную для демократа позицию, Либерман добился того, что к его голосу прислушиваются в вопросах национальной обороны. Являясь членом Комитета по делам вооруженных сил, он побудил военных пересмотреть задачи этой области с учетом обстановки, создавшейся в мире после прекращения холодной войны. «В широких кругах в нем видят преемника “Скупа Джексона и Сэма Нанна”», – отметил Эндрю Крепиневиц из Центра стратегических и бюджетных оценок. В общем же позиция Либермана не столь центристская, как это принято считать. В таких вопросах, как аборт, контроль над торговлей огнестрельным оружием и окружающая среда, он целиком придерживается линии своей партии. После краткого флирта с идеей частичной приватизации системы социального обеспечения, сторонником чего был Джордж Буш, Либерман отверг ее как нежизненную (это было задолго до его включения в предвыборную кампанию).

Представлялось, что будет нелегко склонить некоторые влиятельные группы в демократической партии поддержать кандидатуру Либермана. Отдельные стратеги опасались, что это может помешать Гору привлечь на свою сторону все еще колеблющихся избирателей-демократов. Многие крупные деятели голливудской кинопромышленности выражают недовольство тем, что Либерман резко критикует показ секса и насилия в кино. Профсоюзы школьных учителей не забыли, что в свое время он предлагал ввести «ваучеры на обучение», против чего выступает Гор. Либерман выступает также за установление определенного лимита на выплату материального ущерба в гражданских исках – это восстановило против него юристов – наиболее влиятельной группы в партии. Демократы в штате Коннектикут, которые помнят Либермана как либерального сенатора в своем штате и воинствующего главного прокурора штата, в частных беседах с недовольством констатируют, что в последние годы его курс сместился к Центру.

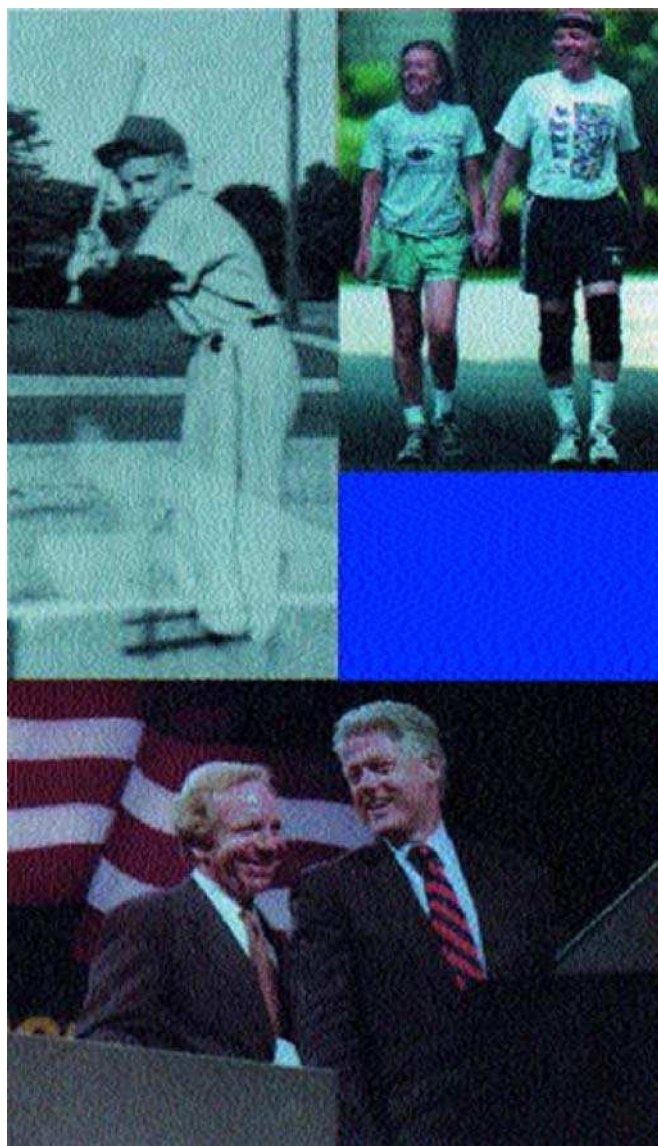
Существует мнение, что избрание Либермана может осложнить попытки Гора выставить Буша простачком, которого Большой Бизнес использует в своих интересах. С 1995 года Либерман председательствует в Совете руководства демократической партии (СРДП) – центристском мозговом тресте, который сторонится догматов либерализма и выступает за ориентацию на рынок при определении внешнеполитического курса. Подобно многим аналогичным группам, СРДП, одним из основателей которого был Гор, никогда не раскрывал источников своего финансирования. Лишь недавно в ответ на запрос журнала «Ньюсуик» СРДП огласил список своих основных жертвователей.

Время радоваться тому, что ты осталась в живых, и грозить кулаком Гитлеру.

Если учесть прошлое Хадассы, неудивительно, что она была несколько более сдержанной. Родилась Хадасса Фрейлих в Праге, в семье евреев, чудом уцелевших в Холокосте. В США девочка приехала с родителями в 1949 году. Мать ее побывала в концентрационных лагерях Освенцим и Дахау. Отец, юрист и раввин, едва не попал в число людей, отправляемых с русского фронта для рабского труда в Германию. Бабушка по матери Эсфирь, в память которой она получила свое имя (Эсфирь в переводе с иврита – Хадасса), погибла в Освенциме. Родители, поселившись в городе Гарднере, штат Массачусетс, жили в условиях относительного американского благополучия. Они внушали своей дочери чувство благодарности своей новой родине и необходимость определиться с целью в жизни. Вероятность того, что ее муж станет первым евреем вице-президентом США, потрясла Хадассу Либерман. «Сейчас я, как никогда, чувствую поступь истории, – сказала корреспонденту журнала «Ньюсуик» 52-летняя Хадасса Либерман, которую помощники Гора «натаскивают» к съезду. – Мои родители были жертвами Холокоста, а я вот – здесь!» Друзья говорят, что она хорошо подготовлена к своей новой роли. «Ведь она, дочь раввина, привыкла быть в центре внимания», – объясняет ее брат Ари. К тому же Хадасса была женой раввина. То, что ее первый брак закончился разводом (как и брак Джо Либермана), заставило ее очень внимательно отнестись к своей роли жены и матери в дальнейшем. Ее сыну Этану было шесть лет, когда она познакомилась с Джо Либерманом. У Либермана оставались сын и дочь в первом браке, и супруги позаботились о том, чтобы между обеими семьями существовали дружеские отношения.

Член «Детской лиги». (вверху слева)

Джо и Хадасса возвращаются после пробежки. (вверху справа)

Посещение президентом США Совета руководства демократической партии; Либерман принимает высокого гостя. Занимая умеренную позицию в вопросах военной политики, сенатор твердо придерживается курса своей партии в отношении аборт, контроля над торговлей оружием и охраны окружающей среды. (внизу)

Г-жа Либерман, магистр по специальности «Американское правительство и международные отношения», бывший консультант по связям с общественностью, в качестве супруги политического деятеля пользуется значительным, хотя и внешне малозаметным влиянием. «Если Джо называют совестью сената, то Хадасса – совесть семьи», – говорит ее брат Ари. Она анализирует решения мужа и часто дает ему советы. Так, она предостерегала его против открытого осуждения президента Клинтона в связи со скандалом вокруг Моника Левински, исходя при этом из принципа евреев-ортодоксов – держать язык за зубами, когда дело касается личной жизни других людей (сенатор, правда, публично резко осудил Клинтона).

Хадассе не хочется высказываться по поводу ее возможности стать второй леди в государстве, хотя говорит, что по-прежнему будет уделять внимание близким ее сердцу

проблемам, в частности охране здоровья женщин. Она уже давно и плодотворно работает в этой области, сотрудничает с одной из больниц в Иерусалиме, добиваясь, чтобы среди израильских и арабских женщин велась просветительская работа в области кардиологии.

Сейчас Хадасса намерена полностью использовать величие переживаемого момента. Когда в 1988 году ее супруг был впервые избран в сенат и его новых членов, как это принято, пригласили на осмотр здания конгресса, Хадасса, оглядев зал заседаний сената, остановилась в задумчивости. Муж спросил ее, о чем она думает. «Я мысленно грожу кулаком Гитлеру, – ответила она с тихим вызовом. – Несмотря ни на что, мы выжили!»

76% i i d i o a i i u o c a j a e e e , + o i d a e e a i c i i n o u E e a a d i a i a i a i e a e a o a e e y i e y i a a e i n a e o e d a a c i a e i i u o , 11 % d a i i a o d e a a p o a i e a e i e p n 6 % - e a e i e i o i

ЕВРЕИЗИРОВАННАЯ АМЕРИКА

Äæíí àòàí Äëòáð

Конечно, в «МакДоналдсе» можно спросить «бейгл» и получить его, но следует ли из этого, что страна согласна видеть еврея на посту вице-президента? Американские евреи приветствуют эту перспективу со смесью гордости и скептицизма

***

Будучи молодым репортером, я какое-то время в 1976 году освещал предвыборную кампанию губернатора штата Пенсильвания Милтона Шаппа, выдвинувшего свою кандидатуру от демократической партии на первичных президентских выборах. Еврей Шапп потерпел поражение с разгромным счетом. Страна тогда явно не была готова к тому, чтобы один из сынов Авраама занял столь высокий пост.

Готова ли она к этому сейчас? Может ли вероисповедание кандидата на пост вице-президента США играть какую-либо роль в гонке столь крупного масштаба, имеющей такое множество измерений, как нынешняя? Или если тандем Гор–Либерман потерпит поражение, станем ли мы оценивать все происшедшее как мотив из фильма Вуди Аллена? И, если на то пошло, давайте зададим себе вопрос: хорошо ли будет для евреев восхождение Либермана? Мы не узнаем, готова ли страна к тому, чтобы ее вице-президентом стал еврей, вплоть до самых выборов, да еще хорошо, если узнаем тогда: люди ведь не скажут правды о таких вещах при опросе общественного мнения. Пусть так, но прогнозы все равно благоприятны! Как хороший еврейский мальчик я обратился за советом к своему раввину (еще совсем недавно я, вероятно, не стал бы признаваться в этом печатно). Раввин Стивен Кушнер из синагоги «Гер Тамид» привел лучший довод в пользу оптимистов: «Те, кто проголосуют против списка, в котором стоит еврей, проголосовали бы против Гора и в любом другом случае». По мнению раввина, в тех случаях, когда евреи достигают важных политических постов, американцы уже не видят ничего особенного.

Вероятно, это так. Хотя на долю евреев приходится всего 4%, американских избирателей, в сенате США сегодня 11 евреев, т.е. больше одной десятой, причем многие из них выдвинуты от штатов Среднего Запада, где число евреев ничтожно мало. Правда, в некоторых из этих штатов избиратели не подозревали, что их кандидат – еврей.

Существующее на обоих побережьях Американского континента мнение, что Юг – это очаг антисемитизма, не подтверждается опытом евреев, выставивших свои кандидатуры в местные органы власти и в правительство штата. Страна сильно изменилась с 1916 года, когда надо было утвердить кандидатуру Луиса Брандейса, первого еврея, которого президент Вудро Вильсон назначил членом Верховного суда, а вокруг этого возникла неприличная возня.

Главная перемена произошла в сфере культуры. Сейчас почти повсюду в стране, в том числе и в таком заведении, как «МакДоналдс», которое представляет собой квинтэссенцию Америки, можно купить «бейгл» (другой вопрос – хороший ли это «бейгл»). В индустрии развлечений много евреев, и в отличие от прежних звезд и заправил киностудий они не скрывают своей национальности. Даже неевреи стали разбираться в иудаизме. Мадонна изучает каббалу, а раввин, проповедующий «кошерный секс», называет среди своих последователей Майкла Джексона (хотя, если подумать, то это не лучшая рекомендация).

Надо отметить, что ныне история евреев стала более известна, чем прежде. Весьма популярен Музей Холокоста в Вашингтоне, и неевреи хотят как можно больше узнать о величайшем преступлении XX века; эта тенденция усилится, когда люди услышат от Хадассы Либерман, чьи родители пережили ужасы Холокоста, горькую историю ее семьи... Еврейские слова и выражения, которые, казалось, уж 30 лет как вышли из употребления, снова становятся частью повседневного разговора. Недавно Джордж Буш-младший сказал Тому Брокоу, что они с отцом держали «кибиц» по вопросу о вице-президентстве. Поставленное на втором слоге ударение позабавило присутствовавших при этом евреев.

С политической точки зрения то обстоятельство, что Либерман стал кандидатом в вице-президенты в такой момент, когда Гор не слишком популярен, выгодно для него. Если в ноябре партия потеряет много голосов, этого нельзя будет поставить ему в вину. А если Гор победит, то чистенький Джо Либерман освежит атмосферу, чтобы к Гору, не дай Б-г, не пристал клинтоновский синдром распущенности и растления. В этих медицинских метафорах кроется очевидная ирония. Нацистская пропаганда постоянно твердила о грязных жидах, растлевающих невинных и чистых арийцев. Сейчас в американском еврее усматривают дезинфицирующие свойства.

Атмосфера чистоты, сопутствующая Либерману, нескрываемое критическое отношение к Клинтону в известной ситуации, связаны с его строгой нравственностью, а вовсе не с тем, что он еврей. Как бы то ни было, не исключено, что мы присутствуем при наступлении новой эпохи – эпохи филосемитизма. Возможно, что все эти умные и талантливые евреи, юристы, врачи, бухгалтеры, вызывающие у их клиентов-христиан уважение и симпатию, побудили распространить это уважение и на Либермана.

В беседах с неевреями как на Севере, так и на Юге я выдавал себя за нееврея и был удивлен тем, что услышал. Большинство участников моего ненаучного эксперимента сказали, что их не интересует, еврей или нееврей Либерман, в то же время они поставили ему в заслугу его глубокую религиозность. Возможно, им не хотелось говорить незнакомому человеку, что они испытывают по отношению к нему, что им не по душе его еврейское происхождение, но как бы то ни было, в их голосе я не услышал и намека на это. Многие, может быть, под влиянием Роберта Рубина или Алана Гриншпуна, употребили позитивные стереотипы. Один из моих собеседников сказал: «Евреи – хорошие бизнесмены, а управление страной это практически тот же бизнес, так включайте же его в правительство».

Родители Джо Генри и Марсия Либерман воспитывали в сыне религиозность, которая сейчас может послужить Горю щитом от синдрома моральной распушенности, ассоциируемой с Клинтоном.

Антисемитизм – это вирус истории, который то затухает, то возгорается вновь, и так на протяжении столетий. Даже в США миллионы людей, многие моложе сорока лет, слышали от своих вероучителей древнюю ложь об убийстве евреями Иисуса Христа. Данная статья, автор которой не скрывает свое еврейство, наверняка подаст повод для нескольких омерзительных антисемитских высказываний. Однако подлинных антисемитов в Америке в общем мало, и они остаются где-то на обочине. Разжигателей антисемитизма в Интернете на тот день, когда было объявлено о решении Гора выдвинуть своим «номером два» на предстоящих выборах еврея Либермана, было раз в десять меньше, чем тех, кто хотел говорить о Бритни Спирсе.

Скорее, больше могла поразить позитивная реакция. Христиане-евангелисты осыпали Либермана комплиментами. Политические лидеры-неевреи вели бы себя гораздо менее дружелюбно, если бы кандидат оказался нерелигиозным евреем, которого можно было бы как-то отождествить с тем, что проповедуют Голливуд и Уолл-стрит. Но этот человек поддерживает Уильяма Беннета, ведущего борьбу с индустрией развлечений.

Если же брать шире, то можно предположить, что сейчас на смену прежней враждебности на почве принадлежности к той или иной религии пришел относительно широкий водораздел – люди разделились на религиозных и атеистов. Религиозные люди тянутся друг к другу, независимо от того, какую религию они исповедуют; создается впечатление, что к человеку, претендующему на высокий пост, предъявляется единственное требование: во что-то верить, «атеистов просят не утруждать себя предложениями».

Размываются традиционные источники антисемитизма. Типичные представители старого истеблишмента – американцы англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания, которые в Америке ратовали за то, чтобы не допускать евреев и представителей других меньшинств в органы власти, – давно уже открыли евреям доступ в свои клубы и примирились с мыслью, что им придется поделиться властью. Жив еще антисемитизм в негритянской среде, этому способствуют грубые высказывания главы далласского отделения Ассоциации защиты цветного населения

(НААСП) в средствах массовой информации (после недавнего выступления по радио ему пришлось подать в отставку). Большинство же лидеров афро-американцев относятся к Либерману с искренним энтузиазмом. Одним из наиболее влиятельных людей в лагере Гора была Данна Бразил, руководитель его предвыборной кампании. Джесси Джексон публично сделал важное замечание: «Всякий раз когда падает преграда перед каким-то отдельным человеком, шире распахиваются ворота перед всеми другими американцами, у них появляется больше возможностей использовать свой шанс». В частных беседах Джексон, занимающий, по данным некоторых опросов, позицию левее Либермана, назвал решение Гора баллотироваться на пост президента в паре с Либерманом гениальной идеей.

Как это ни странно, хотя, вероятно, так оно и должно было произойти, выдвижение Либермана в кандидаты на пост вице-президента больше всего обеспокоило еврейскую общину. При этом соотношение гордости и пессимизма варьируется в зависимости от того, к какому поколению принадлежит человек. На вопрос «Хорошо ли это будет для нас?» евреи в возрасте ближе к 50–60 годам отвечают в большинстве своем положительно. Даже еврей-республиканцы гордятся сейчас Либерманом, подобно тому как наши родители и деды гордились бейсболистом Хэнком Гринбергом. Но те же самые евреи старшего поколения, сильнее страдавшие от антисемитизма, чем их дети, с большей тревогой относятся к выбору Гора, опасаясь обострения заглохшего антисемитизма. Они всегда считали, что лучше оказывать влияние исподволь, в качестве советников. Венские евреи до войны тщеславно демонстрировали свое влияние, и посмотрите, что с ними случилось, напоминают они.

Некоторых евреев смущает, что Либерман еврей ортодоксальный. Это обстоятельство вступает в противоречие с их предпочтением позиции «не привлекать внимания». Семьи, изменившие свои имена и фамилии, в которых забыли о соблюдении Субботы, прилагают усилия к тому, чтобы стирать или смягчать этнические границы, с опаской относятся к тому, что громко зазвучали имена «Хадасса» и «Изидор» (одно из имен Либермана).

Чтобы успокоить таких евреев и христианский мир, Либерману придется подтвердить, что он действительно не работает в субботу, не пользуется современными удобствами – автомобилем, компьютером и т.д. Но он допускает исключение в случаях, если это требуется для спасения человеческой жизни или во имя нужд общины. Когда это необходимо, он голосует в сенате и по субботам, а став вице-президентом, готов принимать важные решения в этот день. В частности, 20 января 2001 года выпадает на субботу. Если демократы одержат победу, Либерман в этот день принесет присягу и войдет в Белый дом.

Понадобится время, чтобы ко всему этому привыкнуть. В редакцию газеты «Нью-Йорк таймс» поступают десятки телефонных звонков от евреев, которым не нравится, что Либерман в заголовке, набранном крупным шрифтом, был назван первым евреем, включенным в список кандидатов на национальных выборах. Возможно, они предпочли бы более политкорректное выражение – «американец еврейского происхождения»? Старые предубеждения и повышенная болезненная чувствительность дают себя знать.

Но постепенно раны заживают. Скажите: почему можно сколь угодно подшучивать над протестантами англосаксонского происхождения, тогда как анекдоты о чернокожих воспринимаются как оскорбительные? Да потому что шутить на счет власть имущих считается «кошерным», допустимым. В этой «сплошной среде» евреи

переживают переходный период. Недавно Джей Лино и Давид Леттерман выступали с еврейскими анекдотами о Либермане, что еще несколько лет назад вызвало бы смятение. Разве это не прогресс?

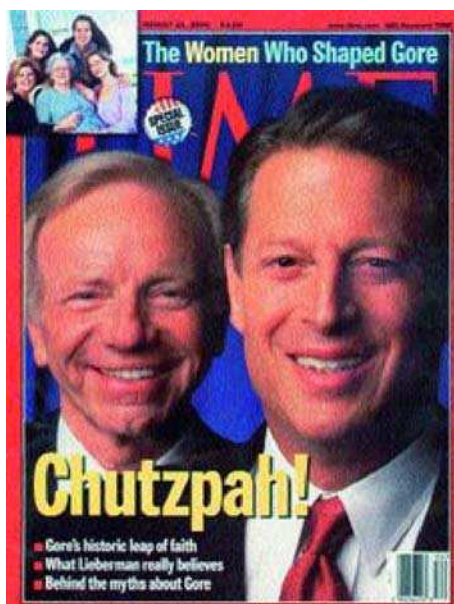
СНИМАЯ ПОКРОВ ТАЙНЫ С ИУДАИЗМА

Взлет Джозефа Либермана может изменить взгляд Америки на еврейство

חֲדָשׁ עֲבָדוֹתֵינוּ

Сенсация, сопровождающая включение Джозефа Либермана, ортодоксального еврея, в национальный избирательный список, скорее не существительное, а прилагательное: иудеи в американской общественной жизни – это хорошо известное старое. Ортодоксальные иудеи – нет.

Если бы Альберт Гор выбрал, к примеру, бывшего секретаря казначейства Роберта Рубина или сенатора Дайана Файнштайна, это вызывало бы некоторое волнение по поводу сломанного барьера. Но лишь волнение, не более того. Это не был бы настоящий барьер. В конце концов, разве вызвал много шума еврейский вопрос, когда Ричард Никсон назначил Генри Киссинджера госсекретарем?

Обложка журнала «TIME».

Нерелигиозные евреи, для которых еврейство имеет значение не более просто этнической принадлежности, самоощущения или, возможно, кровной памяти, в течение длительного времени вливались в американское общество. Джерри Сайнфилд – воплощение обычного еврея, который достаточно ясно понимает свое еврейство, но считает его настолько лишеным смысла, что оно не играет никакой роли в его жизни, – стал одним из самых популярных деятелей американской поп-культуры. Охват еврейского присутствия настолько широк, что Ирвинг Кристал однажды заметил в отношении угрожающих масштабов еврейской ассимиляции: «Проблема в том, что они не хотят нас преследовать, – они хотят вступать с нами в брак!»

Этот охват проникновения нерелигиозных евреев не распространился, однако, на ортодоксов. Ортодоксальные иудеи для общества все еще продолжают казаться эксцентричными, даже чуждыми. По иронии судьбы это культурное отторжение

распространено среди номинальных евреев, таких, как Вуди Аллен, в чьих фильмах ортодоксальные иудеи изображаются бородатými клоунами в черных шляпах.

Взгляните на Джо Либермана: без бороды, без шляпы, остроумный, словоохотливый, абсолютно современный, почти скучный. Разве это ортодокс? О, да! А поскольку это так, его появление на национальной политической сцене неизбежно приведет к снятию покрыва тайны с еврейства.

Что он предпримет, если, например, в субботу начнется война? – спрашивают оппоненты. Ответ прост: при необходимости он нарушит любую запрещающую заповедь. Еврейский закон, как уже начинают понимать его недоброжелатели, не только разрешает, но и предписывает это.

Они узнают, что раввины основывались на довольно невинном пассаже из Торы о том, как Г-сподь указывал сынам Израиля соблюдать Его предписания и жить по ним, – но не умирать за них, и это ставило сохранение жизни выше любых законов.

Понимание этого подрывает миф многовековой давности о том, что иудаизм жесток и не предусматривает прощения, находясь в плену у фарисейского ритуала, и для контраста приводивший в пример милосердие и всепрощение «дочерней» религии. Либерман не сможет свергнуть с пьедестала Шейлока, и по сей день являющегося наиболее значительной фигурой в западной культуре, для которого закон есть закон, как бы безжалостен он ни был. Видное положение Либермана, его деятельность высветят нередко не принимаемый во внимание факт, что раввинистский иудаизм является попыткой путем интерпретации и адаптации сделать крайне закостеневший закон, более приемлемым для склонных к заблуждению человеческих существ.

Наиболее знаменитый пример касается смертной казни. Упоминания о ней в Торе довольно беспорядочны. Между тем Талмуд конструирует такие сложные требования к доказательствам и такие экстраординарные меры предосторожности против несправедливого суда, что раввины называют Высший Суд Справедливости, который разбирает одно дело в 7 лет, тираническим. Другие авторитетные люди, говорится в Талмуде, утверждают, что разбирается одно дело в 70 лет.

Ожидает своего пересмотра миф о том, что традиционный иудаизм пренебрегает духовностью в пользу мелочного соблюдения закона. Помните спор, в котором участники пытались выяснить, что же все-таки будет делать вице-президент Либерман в субботу. А в субботу он отдыхает! Раввины описывают отдых в различных категориях: нельзя путешествовать, переносить вещи, писать, пользоваться телефоном и электроприборами.

Запреты кажутся выбранными произвольно. На самом деле это не так. Их цель – обеспечить изоляцию от разъедающей душу каждодневной рутины. Возвести барьеры против проникновения мирского. Создать пространство для святого времени.

Либерман со своей матерью.

Этот эффект действительно существует. Мне это известно. Я вырос в доме, очень похожем на дом Либермана. Мы тоже не использовали в субботу электроприборы. В результате во время последней субботней трапезы мы полагались лишь на свет из окон. День бледнел, и свет угасал. Когда дело доходило до чтения на иврите 23-го псалма, было настолько темно, что я не мог больше читать и вынужден был повторять слова своего отца, пока он мягко произносил их с закрытыми глазами. Это привело к тому, что каждая фраза и строчка псалма отпечатались в моей памяти навсегда. И по сей день, когда я слышу 23-й псалом, меня охватывают воспоминания об отце и семье, о покое и молитве в тихо сгущающихся сумерках.

Раввины знали, что делали. В противном случае тщательно разработанный ими образ жизни не просуществовал бы более 2000 лет. Не просуществовал бы он столько и в том случае, если бы следствием его не стала та высочайшая духовность, которую я испытал в детстве и Либерман испытывает сейчас, испытание, через которое многие американцы теперь пройдут впервые.

Вот почему включение Либермана в общенациональный избирательный список является таким важным. Оно не только подтверждает полноправное участие евреев в высочайших кругах жизни американского общества, но и свидетельствует о проникновении иудаизма в глубокие укромные уголки американского сознания.

«Time»

ПОЧЕМУ ВЫ СЮДА ПРИЕХАЛИ?

Аיִדֶּן יְעֵינֵנוּ אֵי

Когда меня в очередной раз спросили: «Почему вы сюда приехали?», у меня вдруг появилось чувство, будто я совершил недостойный поступок. И вопрос-то был задан доброжелательно. И задавала этот вопрос обаятельная молодая журналистка, пишущая о еврейской эмиграции. А я почему-то растерялся, возможно, от неожиданности и ответил чистосердечно, чего раньше не делал. Обычно отвечал в шуточной форме, примерно так: «Чтобы с вами познакомиться» или «Чтобы вам не было скучно без нас». Вариантов много, все зависит от настроения, кому отвечаешь и т. д. На этот раз вопрос застал меня врасплох, вероятно, потому, что было это в синагоге во время встречи Субботы, когда помыслы направлены уже совсем в другое русло. Но факт остается фактом – ответ прозвучал так: «Из-за антисемитизма». На что получил очередной вопрос: «А разве в Германии нет антисемитизма?»

Ну, если такой вопрос задает гражданин Германии, значит, антисемитизм есть. Но в отличие от «советского» антисемитизма, который лично я ощущал даже кожей, нынешний немецкий антисемитизм я не чувствую по двум причинам. Первая и главная причина – незнание мной немецкого языка. Вторая немаловажная причина – я говорю и не только говорю, но и думаю по-русски, поступки мои соответствуют моему образу мыслей, и поэтому для окружающих я – русский. Еврей я только для тех граждан Германии, кто по роду своей деятельности общается со мной и знает, кто я есть, но им запрещено быть антисемитами хотя бы на рабочем месте. Но все же... В связи с этим вспомнился мне один довольно-таки примечательный случай. Я со своим сыном после окончания им Grundschule (начальной школы) пришел в назначенное нам время на собеседование к директору гимназии. Нас очень любезно встретили, но скоро я понял, что директор мучительно пытается по фамилии определить нашу национальную принадлежность. То ли мы немцы, то ли евреи? Желтых звезд мы ведь не нашили. В конце концов он спросил напрямик: «Кто вы по национальности?»

В эту гимназию нас не приняли, и мы потеряли целый учебный год. Позже я узнал, что в Германии запрещено задавать вопросы относительно вашего происхождения, что это уголовно наказуемо. Но, видимо, для некоторых чиновников наступила благодатная пора: можно не скрывать своей неприязни к евреям, использовать свое служебное положение для удовлетворения низменных чувств.

В пресловутые застойные времена, когда на карте мира значились две Германии, в ФРГ был принят закон о запрете на профессию, по которому члены коммунистической партии не имели права преподавать в учебных заведениях. Вероятно, приверженцам антисемитизма в современной Германии позволено сеять «разумное, доброе, вечное».

Однако это я не понимаю по-немецки, а вот сын мой, ради которого я, собственно, и уехал из России, не только свободно говорит, но уже и мыслит на немецком языке...

Приведу пример для небольшого сравнения. Когда он учился в Gesamtschule, были одни отношения к нему со стороны сверстников. Для некоторых имело значение его

происхождение, национальность, особенно для детей поздних переселенцев. И совсем иное отношение к нему в гимназии, где он сейчас учится.

Некоторые считают, что бытовой антисемитизм, конечно, вещь неприятная, но ничего страшного в нем нет. В Америке, скажем, не любят негров. Ну и что? Они жили там, живут и будут жить. Когда же на благодатной почве, удобренной бытовым антисемитизмом, выращиваются идеи бесноватого фюрера, бытовой антисемитизм заканчивается Холокостом. Это мы уже проходили.

К тому же, к ныне существующему «местному» немецкому антисемитизму добавился многоводный мутный поток антисемитизма, который несет с собой поздний переселенец, воспитанный на антиеврейских постулатах ЦК КПСС. И что больше всего настораживает и вызывает тревогу – ни один из федеральных органов Германии не занимается нравственным воспитанием этих людей. Чиновники только обильно подкармливают их антиеврейские чувства. Приведу еще один пример. В Потсдаме на граничащих друг с другом территориях стояли и сейчас стоят здания, в которых по соседству жили поздние переселенцы и еврейские эмигранты. Переселенцы занимали пятиэтажный дом с пятью подъездами, которые были соединены между собой длинными проходными коридорами с общими туалетами и кухнями на каждом этаже, а еврейских эмигрантов поселили в трех-этажных домах с отдельными квартирами. Бытовые условия у еврейских эмигрантов оказались гораздо лучше, и такое социальное неравенство, конечно, не способствовало взаимопониманию между людьми. Было это сделано по недомыслию? Немудрено, что между нами, русскоговорящими людьми, не сложились нормальные человеческие отношения, возникли настороженность и отчужденность.

А быть может, этот вопрос – «Почему вы сюда приехали?» – задается с целью понять логику нас, евреев-эмигрантов. Что двигало каждым из нас, когда он принимал это непростое решение об эмиграции именно в Германию? Не стоит пытаться это объяснить стремлением к безбедному существованию, не надо упрощать проблему до уровня животного инстинкта. Нас спрашивают, потому что не могут понять, как это могло случиться, что после тех страшных лет мы приехали жить на родину Холокоста?

Попытаюсь объяснить это в первую очередь все-таки и себе. С молоком матери ребенок впитывает определенные жизненные установки. По меткому выражению английского писателя Джеймса Олдриджа, «Русские впитывают ненависть к евреям с молоком матери». Из рассказов моей мамы я знал, что до войны мои дедушка и бабушка жили на Украине, под Винницей, в еврейском местечке. Когда гитлеровские войска начали подходить к этим местам, бабушка ни за что не хотела уезжать оттуда. Она не верила в то, о чем писали газеты, о зверствах фашистов, об уничтожении евреев. Она говорила, что немцы – культурная нация! И всего этого не может быть! Наверное, так думать у нее были основания. Дедушка силой увез ее и этим спас жизнь ее и свою. А в моем подсознании засело: «Немцы – культурная нация». В чем я и сам убедился. И еще. Помните ли вы великого немца, канцлера ФРГ Вилли Брандта? Помните, как он в Польше перед мемориалом жертвам варшавского гетто, перед всем миром встал на колени и просил прощения за содеянное, нет, не им самим? И это тоже засело в моем подсознании. И такие, на первый взгляд, малозначащие, несущественные факты постепенно накапливаются в подкорке головного мозга и потом непроизвольно, независимо от желания, подспудно в какой-то критический момент жизни, выкристаллизовываясь, всплывают наружу и влияют на принятие кардинальных решений. Одним из таких решений и явилась моя эмиграция в Германию. Вот почему я здесь. Я поверил канцлеру Вилли Брандту, поверил в обновленную Германию.

Нынешний канцлер Германии Шредер, будучи в Польше, не считал возможным или нужным посетить этот мемориал. Не встать на колени – это повторить уже невозможно, а хотя бы подтвердить, что то прошлое больше не повторится.

Антисемитизм, шовинизм, расизм и т. д. – это же явные отклонения в психике человека. Люди, страдающие подобными недугами, должны постоянно находиться под наблюдением врачей, а не руководить государствами, как это было в Германии и СССР, когда у власти находились параноики Гитлер и Сталин, которые развязали вторую мировую войну, загубили более 50 миллионов человеческих жизней и возвели антисемитизм в кровавый инструмент государственной политики. И сообщение в прессе о расшифровке учеными человеческой ДНК, которая позволит составить полный список генов человека с последующим вторжением в его генетический код, вселяет надежду, что когда-нибудь удастся излечить человечество от мракобесия.

Áàdì àí èy, Í fò ñà àì

БОЧКА МЕДА И ЛОЖКА ДЕГТЯ

Ētī ēā Ētāēū

Баррикады 1991 года.

“Кто мог подумать, что мы все, голосовавшие за независимость Латвии, окажемся «колонистами» и нас будут унижать недоверием и оскорблениями из уст малограмотных юнцов, наученных недругами Латвии, орущими о своем «патриотизме» и чистоте расы?!”

Однажды к мудрецу пришел человек и спросил:

– Вы можете мне в двух словах сказать, что такое жизнь?

– Бочка меда, – ответил мудрец.

– Почему же она бывает так горька?

– Разве ты не можешь догадаться сам?

– Я пытался, не получается...

– Тогда скажи мне, ты в своей жизни совершал несправедливые поступки?

– А кто их не совершал?..

– Ну, вот ты и ответил на свой вопрос! – воскликнул мудрец. – Каждый несправедливый поступок человека – это ложка дегтя в сотворенную Б-гом бочку меда под названием жизнь.

– И все-таки, – не унимался человек, задавший вопрос, – наверное, есть большие ложки дегтя и маленькие ложечки, не так ли?

– Вкус у дегтя один и тот же, независимо от его количества, но от величины ложки зависит вкус всего меда.

Самая большая ложка дегтя – это неуважение к человеку другой национальности, другой веры, другой расы. Люди придумали немало ложных ориентиров и следуют им с

настойчивостью обреченных. Создатель же знает одно: есть Человек! Все, что придумали невежественные люди для его унижения, – вздор.

А теперь цитата. «Хочу проанализировать конкретные обвинения в мой адрес за разжигание национальной вражды. Для читателей газеты "Latvietis Latvija"^[1] мое имя не является чужим, так как я регулярно пишу о наболевших вопросах, которые затрагивают наш народ (т.е. латышей). Руководители большевистской революции в России были жидами. Большинство из тех, кто осуществлял расстрелы и депортацию во времена Ужасного года^[2], также принадлежали к "избранному" народу, половина подпольщиков довоенной Латвии были жидами. Враги, крикуны за права колонистов – Плинер, Жданок, Цилевич, Вульфсон, Нейланд, Клецкин, Крупников и другие – к какой нации принадлежат они? Кто руководит фабрикой грез в Голливуде?.. У. Дзенитис упрекает газету "LL" в том, что она унижает евреев, обзывая их жидами. Что это – незнание истории и латышского языка?.. Многие латышские эмигранты, вернувшиеся в Латвию, говорят: "У вас русские – то же самое, что у нас негры"... Среди цыганского народа действительно много асоциальных элементов. Многие скажут, что в их среде большое количество безработных, а разве безработных нет среди латышей? Я должен разъяснить понятие "расизм". Без расистов не существовали бы различные расы. ... 700 лет назад латыши были способным и здоровым народом, и так как они жили под немецким игмом, почти не было смешанных браков, вот почему народ смог выжить и существовать... Что же будет с последышами латышей-негров, латышей-азиатов? Ведь наш народ принадлежит к белой расе...»

Подпись под процитированными откровениями в упомянутой газете № 9 от 6–19 мая 1999 года и послужила поводом для данных заметок: Виктор Бирзе, 17 лет. Почему этот юноша указал свой возраст? На мой взгляд, он сам испугался того, что насочинил в силу своей абсолютной исторической, этической, нравственной безграмотности, и его обуял страх – вдруг накажут? Ведь в стране с демократическими институтами действует закон, запрещающий разжигать расовую ненависть, впрочем, как и употреблять символы тоталитарных режимов, в данном случае свастику, которой украшена первая страница названной газеты.

Признаюсь, прочитав «Письмо латышам» семнадцатилетнего агитатора и пропагандиста, я, недоуменно пожав плечами, стал ждать реакции общественности. Мне казалось, что эти несовместимые со здравым смыслом изыски юного любителя белой расы кого-то возмутят, взбудоражат, взволнуют, наконец. Увы! Но, люди дорогие, разве это не опаснейший симптом болезни молодого поколения? Разве эти его умозаключения не перекликаются с визгами довоенных перконкрустовцев, из рядов которых вышли палачи евреев в годы геноцида Виктор Арайс и Герберт Цукурс? Что знает современный мальчик о еврейской истории Латвии, о геноциде евреев в годы фашистского нашествия, когда солдаты вермахта и их прислужники, осененные все той же свастикой, безжалостно уничтожали детей, женщин и стариков только за то, что они родились евреями?! Слово «жид» для каждого еврея равносильно удару пули, свисту жандармской нагайки, жесточайшему оскорблению, есть такое понятие в мировой культуре – самоназвание нации, и ни один еврей на земле не согласится, чтобы его называли жидом. С этой кличкой полегли во рвы шесть миллионов невинных жертв фашизма. В свое время в Союзе писателей Латвии была организована, простите, идиотская дискуссия на эту тему, и ее участники пришли к решению, что слово «жид» в Латвии не имеет права быть. Мне известно, что редактор газеты «Диена» Сармите Элерте заверила, что эта кличка никогда не будет употреблена на страницах ее газеты, и следует этому обещанию.

Я не думаю, что при своих исключительных гуманитарных, языковых и политических способностях юноша Виктор Бирзе самостоятельно додумался до всего того, что так жалко и безграмотно изложил в своей любимой газете. Уверен, что у него были и есть учителя, добросовестно калечащие душу юноши-мальчика – тесто его неокрепшей души податливо, из него можно вылепить и пирожок с начинкой, вкусив который человек вскинет руку и воскликнет: Хайль Гитлер! Мне бы очень этого не хотелось! Я бы предпочел, чтобы Виктор оправдал свое имя и стал победителем зла, а не служил ему. Чтобы он начал серьезно изучать историю своей страны и историю мировой культуры, частью которой является история Латвии. И тогда ему открылся бы истинный мир смешения наций и рас. Он узнал бы, что нерусские корни были у прославленного автора толкового словаря русского языка Даля, что великий Лермонтов имел шотландские корни, а Фонвизин – немецкие... Что касается «латышей-негров», которых особенно опасается Виктор, то мне бы лично хотелось, чтобы латыш-негр родил гения, подобного Пушкину, почему бы нет, – ведь у гения мировой культуры предок был чистокровный негр!

Грустно, господа! Грустно, когда «пирог печет сапожник», грустно, когда юноша Виктор считает Нейланда евреем и защитником колонистов – придумали же словцо учителя Виктора! Между тем мальчик Виктор еще не писал «писем латышам», когда русский писатель Анатолий Приставкин – я тому свидетель и его книга «Тихая Балтия» – бесстрашно и самоотверженно встал на баррикады в 1991 году и призывал дать независимость Латвии. В зареве баррикад на Домской площади мы вместе разносили «Независимую балтийскую газету» Татьяны Фаст, в которой каждое слово было проникнуто страстью Свободы, равенства и братства. Кто мог подумать, что мы все, голосовавшие за независимость Латвии, окажемся «колонистами» и нас будут унижать недоверием и оскорблениями из уст малограмотных юнцов, наученных недругами Латвии, орущими о своем «патриотизме» и чистоте расы?!

Г-споди, образумится ли милая моему сердцу страна?

ПОРОДНЕННАЯ С МОРЕМ

А. Оаїїї

Этот день в Ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей был обычным рабочим днем: телефонные звонки, посетители, вопросы, просьбы...

Но молодой человек, который пришел в этот день в Ассоциацию, ни о чем не спрашивал и ничего не просил. Слегка заикаясь, он назвался Олегом и положил передо мной потертую коленкорovou папку.

Раскрыв папку, я увидел фотографию женщины в морской форме. Лицо ее показалось мне знакомым.

– Это моя бабушка, – сказал Олег. – Она давно умерла. Узницей фашистского концлагеря она была еще до нападения Германии на Советский Союз. Бабушка плавала на судах Черноморского пароходства. Но там ее уже забыли. Да и пароходства нет. Пусть ее помнят хотя бы в вашей Ассоциации.

Оставив папку, Олег ушел.

Когда схлынул поток посетителей, я стал рассматривать содержимое папки. Кроме фотографии, там оказалось несколько старых газет, а под ними – диплом капитана дальнего плавания Берты Яковлевны Рапопорт.

Так вот почему мне знакомо это лицо!

Кто же в Черноморском пароходстве, где я проработал больше пятидесяти лет, пройдя путь от судового кочегара до старшего механика океанских судов, не знал Берту Яковлевну Рапопорт, «легендарную Берту», как называли ее моряки.

Всего две женщины в Советском Союзе были обладательницами дипломов капитанов дальнего плавания – Анна Ивановна Щетинина в Дальневосточном пароходстве и Берта Яковлевна Рапопорт в Черноморском.

Я развернул пожелтевшие от времени газеты. Одна, одесская, «Большевицкое знамя», другая – «Вечерняя Москва», обе за 5 июня 1939 года. В обеих под огромными заголовками сообщалось о возвращении из фашистского плена в Одессу на пассажирском теплоходе «Армения» большой группы советских моряков. Среди них была и старший помощник капитана парохода «Катаяма» Берта Рапопорт.

1939 год... Мне было тогда всего 9 лет, но я хорошо помню очереди у кинотеатров, где показывали кинохронику, снятую Романом Карменом в пылающих городах Испании. Помню названия мест, где шли ожесточенные бои с фашистами: Уэска, Брунете, Теруэль. И огромную карту этой страны, вывешенную в Городском саду, возле которой собиралась поначалу шумная, а потом все более сдержанная толпа одесситов. И еще помню испанских детей, которых, спасая от бомбежек, привозили морем в Одессу. И мы, пионеры, стройными колоннами под звуки горнов и барабанов ходили в порт встречать маленьких испанцев у трапов судов.

«Но пассаран!» – «Они не пройдут!»

Этими обжигающими, как испанское солнце, словами одесситы выражали солидарность с отчаянно боровшимся безоружным народом, мужественно преградившим путь фашизму.

А началось там все с простой фразы: «Над всей Испанией безоблачное небо». Этот сигнал к фашистскому мятежу прозвучал в эфире 18 июля 1936 года. Мятеж возглавил генерал Франко. Ему помогали близкие соседи и единомышленники – Гитлер и Муссолини. Республиканцам – далекий Советский Союз.

Ежедневно из Одессы в Испанию уходили суда с оружием, медикаментами, продовольствием. Путь был не близок. И опасен. Возвращались не все...

Были потоплены суда Черноморского пароходства «Тимирязев», «Благоев», «Комсомол», захвачены в плен «Цюрупа», «Макс Гельц», «Постышев», «Максим Горький», «Катаяма». Моряки этих судов, став узниками франкистов, одними из первых испытали на себе, что такое фашизм.

Испытала это и Берта Яковлевна Рапопорт...

И вот теперь я держал в руках ее диплом и вспоминал наше знакомство.

Это было зимой 1949 года. Пароход «Очаков», на который я был назначен кочегаром, стоял на одесском рейде в ожидании топлива. На пароход я должен был прибыть к восьми часам утра. В порт прибежал к семи. Но море штормило, и рейдовый катер за маяк не шел. Стоя на обледеневшем причале, я со страхом думал: «Что же будет?» Тогда за опоздание на работу судили.

Вдруг ко мне подошла женщина в стеганке и берете с «крабом».

– Опаздываешь?

Я кивнул.

– Какой пароход?

– «Очаков».

– Идем со мной.

У Платоновского мола дымил буксир «Форос». Женщина подошла к сходне и крикнула вахтенному:

– Позови капитана!

Когда появился капитан, она сказала:

– Петрович, отвези парня на «Очаков». Наряд получишь потом.

Это и была Берта Яковлевна Рапопорт, в то время диспетчер портофлота.

Пока буксир, зарываясь в волны, вез меня на «Очаков», я узнал, что Берту Яковлевну уволили из пароходства. Поэтому она и работала в порту.

– Такую Берту! – сокрушался седоусый капитан «Фороса», ворочая тяжелый штурвал. – И за какие только грехи?

А «грехи» эти вскоре явились и моими «грехами». После недолгого рейса на «Очакове» уволили из пароходства и меня. В стране разворачивалась кампания по борьбе с «безродными космополитами». По мнению властей, я, как и Берта Яковлевна, был тем самым, «безродным»...

В пароходство я вернулся только после смерти Сталина, отслужив в армии. Но травма осталась на всю жизнь...

Перечитав лежавшие в папке газеты и не веря тому, что у меня в руках капитанский диплом Берты Яковлевны Рапопорт, я решил писать о ней очерк. Но что я знал? Спрашивать внука? Олег не оставил даже телефона. А отдав мне папку, больше не приходил. Искать старых моряков, которые могли рассказать о Берте Яковлевне, тоже было бесполезно. Вряд ли кто, из знавших ее, дожил до наших дней.

Я отправился на поиски ее личного дела в архив пароходства. Потом порта. И нашел!

Ксерокопии анкет и автобиографий, написанных рукой Берты Яковлевны (в советские времена такие бумаги моряки писали чуть ли не через каждый рейс, ведь все, а моряки заграничного плавания тем более, находились под постоянным контролем НКВД), дополнили папку, которую принес ее внук.

Вот, например, выдержка из автобиографии, которую ей пришлось написать после возвращения из фашистского плена: «Я, Рапопорт Берта Яковлевна, родилась в г. Одессе 15 мая 1914 года. Мой отец, Рапопорт Яков Григорьевич, всю жизнь работал столяром. Трудовой стаж 56 лет. Мать, Рапопорт Рашель Ароновна, домашняя хозяйка.

В 1922 году поступила в школу и закончила ее в 1928 году. В 1926 году в числе трех лучших пионеров была торжественно передана в комсомол.

В 1928 году поступила в Одесский морской техникум на судоводительское отделение. Закончила техникум в 1931 году и получила диплом штурмана дальнего плавания.

С 1 февраля 1932 года первая самостоятельная работа в должности 4-го помощника капитана на теплоходе «Батум-Совет». В 1933 году политотдел Черноморского пароходства перевел меня на молодежно-комсомольский теплоход «Кубань» на должность 3-го помощника капитана. В октябре 1934 года переведена на пароход «Катаяма» и по постепенному продвижению по службе там же с 5 февраля 1936 года работала старшим помощником капитана. В 1938 году, во время событий в Испании, вместе со всем экипажем парохода «Катаяма» попала в фашистский плен. Нас содержали в тюрьме города Пальма на острове Майорка. Потом в концлагере. В июне 1939 года по настоянию нашего правительства мы были освобождены из плена и вернулись на Родину...»

Вчитываясь в этот документ, отображающий дух и стиль эпохи, я представил себе жизнерадостную девушку из трудовой еврейской семьи, которую неожиданно для родителей увлекла романтика моря. Представил себе гнев отца и отчаяние матери, когда они узнали, что дочь решила уйти в море, в океан!..

Она же настояла на своем. Девушке поступить в морское учебное заведение было всегда не просто. Она поступила. И совсем уж не просто было семнадцатилетнему «штурману в юбке» вписаться в коллектив моряков, всегда скептически настроенных против «женщины в море». Она не только вписалась, но и сумела подняться по довольно крутой служебной лестнице от 4-го до старшего помощника капитана!

Ф. КР-19

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ МОРСКОГО ФЛОТА СССР

№ 2375/0

ДИПЛОМ

На основании Кодекса Торгового Мореплавания Союза ССР настоящим дипломом на звание _____

Капитана дальнего плавания

выдан на _____

Управления Одесского Морского Флота
Берте Яковлевне Рапопорт

родившемуся 15 числа Мая мес. 1914 года.

Где получила образование Окончила Одесский Морской Техникум В.Э.С.
с выдержкой и отличием в Одесской Квалификационной Комиссии
в 1931 г. на звание штурмана
дальнего плавания.

Подпись командира диплома _____

На основании каких документов выдан диплом Диплома № 681/0 выд. из Управ. Одесск. Мор. Флота в 1936 г. на звание штурмана дальнего плавания с введением о выполнении плав. ценза на звание капитана дальнего плавания. Срок зачета 23-го Октября 1945 г.

Порт Одесса

24. Октября 1945 г.

Министр Народного Комиссариата Морского Флота СССР
И. Я. Митин

Секретарь И. Я. Митин
В. Я. Рапопорт

Телефонный центр 37, т. 7600

А что такое старший помощник капитана? Моряки называют эту должность собачьей. Спит старпом урывками четыре-пять часов в сутки. Помимо двух вахт, которые он стоит с четырех утра до восьми и с четырех часов дня до восьми часов вечера, на нем лежит ответственность за работу грузового, шлюпочного, швартовного и якорного устройств, за пожарную безопасность. Старпом готовит и проводит учебно-тренировочные тревоги, руководит работой палубной команды, отвечает за прием и расход пресной воды и продовольствия, за чистоту и порядок в жилых и служебных помещениях. От его хозяйского глаза не должна укрыться ни одна мелочь – будь то небрежно подметенная палуба или неаккуратно заправленная койка в матросском кубрике. Даже плохо приготовленный поваром обед – тоже на совести старпома...

Со всеми этими непростыми обязанностями Берта Рапопорт справлялась блестяще! Подтверждение этому я нашел в газетах и журналах за 1936, 1937, 1939 годы. Оказалось, что в те годы о ней знала вся страна!

Вот что, например, писал о молодом штурмане дальнего плавания Берте Рапопорт журнал «Работница»:

«В 1936 году пароход “Катаяма” швартовался в одном из французских портов. С капитанского мостика раздалась команда:

– Отдать левый якорь!

Лоцман-француз удивленно, но с уважением смотрел на невысокую советскую девушку, командовавшую швартовкой огромного океанского парохода.

После швартовки толпа людей на берегу встретила Берту аплодисментами. Всем хотелось поближе рассмотреть смелую девушку, плававшую по морям и океанам наравне с мужчинами. Дети подносили ей букеты цветов, женщины целовали и расспрашивали о жизни в Советском Союзе.

Из Франции пароход взял курс на Англию. Прошли туманный Ла-Манш. Вот и знаменитые лондонские доки. Не успели пришвартоваться, как возле парохода собралась толпа англичан. Защелкали фотоаппараты. А на следующий день в одной из лондонских газет появилась статья: “Первая в мире женщина – моряк”. В статье со всеми подробностями описывались ее внешность, одежда, цвет глаз, волос и... маникюр. Каждый день она получала восторженные письма от лондонцев...»

Дорогу в океан Берта Рапопорт начинала на легендарном паруснике «Товарищ», учебном судне Одесского морского техникума, на нем проходили плавательскую практику многие известные впоследствии капитаны. В частности, Герой Советского Союза Александр Маринеско, командовавший в годы войны подводной лодкой «С-13», потопившей гитлеровские суда общим водоизмещением 52 884 тонны. Гитлер называл его «врагом рейха №1».

На «Товарище» Берта Рапопорт наравне с другими курсантами как заправский матрос несла вахту у руля, ставила и убирала паруса, а поднимаясь на головокругительную высоту мачт, пела от счастья.

Но главное, получив штурманский диплом, начав работать помощником капитана, недосыпая из-за ночных вахт, познав неистовую качку, зной тропиков и холод арктических морей, долгую разлуку с близкими, она не отступила от избранного пути и – стала капитаном...

А теперь о главном испытании, выпавшем на ее долю, – о фашистском плене.

Это случилось в Средиземном море 17 октября 1938 года. Советский пароход «Катаяма», принадлежащий Черноморскому морскому пароходству, приписанный к порту Одесса, шел с грузом пшеницы из Мариуполя в английский порт Ливерпуль.

Ночью недалеко от Мальты пароход внезапно осветил прожектор. На мостике «Катаямы» нес вахту второй помощник капитана. В четыре часа утра его должна была сменить Берта Яковлевна Рапопорт.

Поняв, что вспышка прожектора не случайна – Средиземное море патрулировали корабли испанских фашистов, – вахтенный помощник вызвал на мостик капитана.

Тем временем к пароходу приближался военный корабль, с него просигналили: «Немедленно остановитесь. В случае неповиновения будете расстреляны».

Капитану Т. Передерию не оставалось ничего другого, как застопорить ход. С корабля спустили шлюпку, и вскоре на борт советского парохода поднялся офицер в сопровождении вооруженных солдат.

Берта проснулась от непонятных криков и тяжелого топота сапог.

На палубе франкистский офицер допрашивал капитана:

– Куда следуете? Что в трюмах? Где судовые документы?

Капитан спокойно отвечал:

– Идем в Англию. В трюмах пшеница. Можете проверить.

Заметив Берту, он попросил:

– Принесите документы.

Когда Берта Яковлевна в форменном кителе с золотыми нашивками на рукавах снова появилась на палубе и подала франкисту документы, тот удивленно раскрыл рот:

– Кто эта женщина?

– Старший помощник, – ответил капитан.

Изумленный офицер молча начал листать бумаги...

К рассвету по приказу франкистов советский пароход взял курс на испанский остров Майорка. В ходовой рубке рядом с заступившей на вахту Бертой стоял франкистский военный моряк. Он строго следил за курсом, которым шла теперь «Катаяма».

– За что вы нас арестовали? – спросила его по-английски Берта Яковлевна. – Вы же убедились, что в трюмах у нас только пшеница.

Франкист не ответил.

С приходом в порт Пальма почти весь экипаж вместе с капитаном был отправлен в концлагерь. О том, куда их повезут, морякам объявил поднявшийся на борт парохода чернобородый фашист. Размахивая кольтom, он пригрозил:

– За побег – расстрел!

На пароходе остались Берта и пять других моряков – боцман, два матроса, машинист и кочегар.

Уходя, капитан сказал Берте:

– К вам переходят мои полномочия. Держитесь. Не поддавайтесь на провокации...

Ему не дали договорить. Солдаты начали сгонять моряков на причал, где их уже ждал крытый грузовик. Когда грузовик скрылся за воротами порта, боцман подошел к Берте Яковлевне:

– Ну вот. Теперь вы наш капитан.

Она грустно улыбнулась ему в ответ...

На следующее утро, как всегда, по команде Берты Яковлевны на кормовом флагштоке был поднят государственный флаг СССР. Спустя некоторое время к борту подъехала легковая машина, из которой выскочил чернобородый. Увидев флаг, он закричал и замахал руками, показывая, чтобы флаг немедленно спустили.

Поняв, что советские моряки не собираются выполнять его команду, он поднялся по трапу и побежал на корму с явным намерением сорвать флаг. Но там его ждала Берта Яковлевна. Тряхнув волосами, она решительно заявила:

– Пока мы остаемся на борту, вы не посмеете дотронуться до нашего флага. Палуба парохода – территория моей Родины, Союза Советских Социалистических Республик!

Злобно сверкнув глазами, фашист отступил. А вечером на причале появился уже знакомый морякам крытый грузовик. Мужчин отправили в концентрационный лагерь. Берту Яковлевну отвезли в женскую тюрьму. В тесной зловонной камере находились десять женщин, не считая Берты. Это были жены и матери республиканских бойцов, взятые франкистами в заложницы. Узнав, что их новая соседка штурман советского парохода, испанки отнеслись к ней с особым вниманием и теплотой.

Ночью ее вызвали на допрос.

– Признавайтесь, вы везли оружие для республиканцев! – заорал на нее следователь. – Ваш капитан протокол об этом уже подписал!

Берта Яковлевна засмеялась:

– Это ложь! Никто из моих товарищей такой протокол не подпишет...

От сильного удара она потеряла сознание. Очнувшись уже в камере, возле нее хлопотали испанки.

Потянулись унылые тюремные будни. Кормили отвратительно. Для мытья использовали помойное ведро. На прогулки водили редко, а Берта Яковлевна была лишена их вовсе, к ней применяли особый режим.

И она объявила голодовку.

Весть об этом облетела все камеры. Тюрьма загудела. К ней в окружении большой свиты пожаловал сам начальник тюрьмы. Он был предельно вежлив и пообещал,

что если Берта, как он ее назвал, прекратит голодовку, ей будут созданы более благоприятные условия.

– Не мне, а всем, – слабым голосом потребовала Берта Яковлевна, показав на своих соседок.

Начальник усмехнулся и вышел.

А ночью Берту Яковлевну перевезли в концентрационный лагерь.

Теперь она жила в бараке за колючей проволокой. Ее соседками по нарам были испанки, воевавшие на стороне Республики и попавшие в плен к фашистам: медсестры, телефонистки, штабные машинистки. Они быстро подружились и как могли помогали друг другу выжить в бесчеловечных условиях. Иногда она получала весточку из соседнего лагеря, где содержали моряков «Катаямы».

Но вот настал долгожданный день освобождения! Проститься с Бертой Яковлевной пришел чуть ли не весь концлагерь. Испанки даже вручили ей небольшой букет полевых цветов, собранных неизвестно где. И впервые за долгие месяцы плена она не смогла сдержать слез...

А потом была встреча с Одессой! Объятия, поцелуи. И – здесь море цветов.

День, когда Берта Яковлевна ступила на землю своего города, был самым счастливым в ее жизни...

Об участии Берты Яковлевны в Великой Отечественной войне я, к сожалению, материалов не нашел. Только прочитал в ее послужном списке: «С 23 апреля 1941 года по 10 октября 1941 года работала старшим помощником капитана на пассажирском теплоходе “Молдавия”».

В 1984 году в одесском издательстве «Маяк» вышла моя книга «Гневное море». В поисках материалов для книги мне пришлось изучить много документов о судьбе судов Черноморского пароходства, которые под непрерывными налетами фашистской авиации вывозили из осажденной Одессы женщин, стариков и детей. Многие суда тогда затонули. В один из налетов, 10 октября 1941 года, недалеко от Одессы затонул и теплоход «Молдавия». Могу себе представить, как хладнокровно и решительно действовала в эти роковые минуты старший помощник капитана Берта Яковлевна Рапопорт. И уверен, что сошла она с тонущего судна, как и капитан, последней...

Следующая запись в послужном списке: «В ноябре 1941 года откомандирована в Каспийское морское пароходство. Назначена капитаном теплохода “Туркменистан”».

Значит, войну Берта Яковлевна провела в основном на Каспии, где в условиях военного времени плавание, надо полагать, было не из легких. Но подробности этого периода ее жизни я нигде не нашел.

В ее последней автобиографии, написанной в 1947 году, когда она работала снова в Одессе, есть строка: «В октябре 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”».

О том, что происходило с Бертой Яковлевной в годы борьбы с «безродными космополитами», я уже рассказывал. Хочу только добавить. Во время захвата испанскими фашистами советского парохода «Катаяма» старший помощник капитана Берта Яковлевна Рапопорт не позволила сорвать поднятый над пароходом флаг СССР. Этот поступок мог стоить ей жизни. Но в тот момент она думала не о себе, а о чести и достоинстве своей Родины. В 1949 году, когда ее, как и тысячи других советских евреев, изгоняли с работы, Родина отвернулась от нее.

Задумываясь над развалом Черноморского пароходства, да и самого Советского Союза, я прихожу к выводу, что многое началось еще тогда, с той самой «борьбы». И касалось это не только евреев. Из Черноморского пароходства, например, были уволены высококвалифицированные специалисты – поляки, греки, болгары, родившиеся в Одессе (вспомним названия одесских улиц: Польская, Болгарская, Греческая) и не знавшие другой родины, кроме своей «великой и могучей» советской страны. Идеологических мракобесов не интересовали бесценный опыт этих людей, их высокие человеческие качества, ярко проявившиеся в Великой Отечественной войне. «Тонкошеим вождем» (так окрестил сталинских соратников Осип Мандельштам), как и фашистам, важнее всего было сохранить «чистоту расы».

Закончив работу над очерком, я пошел в порт, на тот самый причал, где зимой 1949 года впервые встретил Берту Яковлевну Рапопорт.

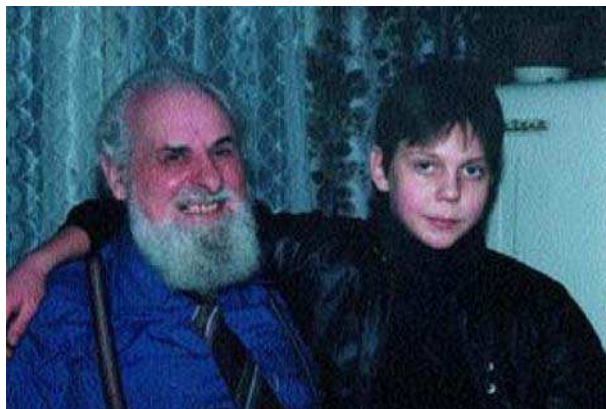
Как и тогда, море штормило и брызги волн захлестывали причал.

Я смотрел на темное от шторма море, на этот волнующий душу простор и думал, что для Берты Яковлевны все это было не просто стихией – это было ее призванием. Преданно и страстно она служила ему всю жизнь.

Необычную, трудную, прекрасную жизнь...

ОН ЖИЛ, БОЯСЬ «РАЗОБЛАЧЕНИЯ»

לֵוִי וְיִצְחָק

Леонид Симанович с внуком Кириллом. 2000 год.

Мой шестилетний внук Аль был неприятно поражен, узнав что я и его отец – евреи.

– Как ты можешь доказать это? – спросил он.

Я показал ему паспорт, и, прочитав по складам «компрометирующую» запись, Аль густо покраснел. Он уже знал, что быть евреем – плохо, и то, что дедушка и отец, которых он любит, евреи, показалось ему несправедливым. В первом классе на «умный» вопрос учительницы какой они национальности, Аль ответил:

– Я – москвич.

В классе четвертом, когда его одноклассники стали выяснять тот же вопрос, он назвался «половинкой».

Настала пора получать паспорт, и я спросил его, какую национальность он запишет в пресловутой «пятой графе», тогда она еще «работала».

– Как это «какую»? – удивился он. – Нашу, конечно! Я – еврей!

Но это было уже другое время, стесняться своей национальности стало дурным тоном. А еще недавно евреи, случалось, делали все возможное, чтобы сойти за русских. И часто это приводило к трагедиям. Так, например, случилось с участником Отечественной войны Леонидом Симановичем.

Он родился в 27-м в Смоленске в фанатически преданной большевизму семье. Отец – член ВКП(б) с 1912 года, мать – с 1924-го. Жили бедно, родители – простые рабочие, он на швейной фабрике, она на табачной. Ноябрьской ночью 1936-го в дом ворвались чужие люди, все перерыли, переломали и увели отца, обвинив его в измене Родине. Сестру Соню исключили из института, мать выгнали из партии, на фабрике не давали «выгодной» работы. В школе мальчика сторонились дети, его долго не принимали

в пионеры, а учительница немецкого языка говорила, что в классе сидит сын «врага народа». И, несмотря на все беды, в семье боготворили Сталина. Как же иначе? В своем единственном письме из Магадана отец написал: «Если меня арестовали, значит, так нужно для победы коммунизма».

Началась война. В первый же день Смоленск содрогнулся от взрывов бомб. Из города спешно эвакуировались предприятия и люди. Но мать не верила, что немцы дойдут до Смоленска, об эвакуации и слышать не хотела. А когда они все же «дошли», Леня убежал из дома. В коротких штанишках, ситцевой рубашонке, он пристал к заводскому эшелону, отправлявшемуся на восток. Не успели отъехать, немецкие самолеты начали охоту за эшелоном. Поезд останавливался, люди прятались от бомб под вагонами, бежали в лес или поле. Многие погибли, были ранены. Месяц спустя эшелон прибыл в Пензу, простоял там неделю и двинулся на Кострому. В поезде мальчика признали своим и предложили поступить в заводское ремесленное училище. Здесь, не раз услышав «жидовскую морду», он хлебнул горя, понял, каково быть евреем.

Мечтал Леня только об одном – попасть на фронт. Но оказался в ремесленном училище речного флота при заводе «Теплоход». И там, чтобы избежать издевательств, впервые назвался русским. Лишь в начале 43-го, когда ему стукнуло 16, он был зачислен воспитанником в роту инженерной разведки, занимавшуюся разминированием дорог. Старшие бережно относились к шустрому и смелому пареньку, а офицеры не раз предлагали направить его в Суворовское училище, но он отказывался.

В сентябре 44-го рота напоролась на мину, вставленную бандеровцами в дерево, лежавшее поперек дороги. Раздался взрыв, начался обстрел. Тяжело раненного Леню вынес из-под огня командир. После операции в медсанбате его отправили в глубокий тыл, в цхалтубский госпиталь, в Грузию. Но и здесь надежда снова попасть на фронт не покидала парня. Едва поднявшись, он уговорил врачей выписать его и направить в школу радистов, хотя был еще очень слаб. Закончил уже после Победы. На пересыльном пункте его назначили в Москву в распоряжение штаба Сухопутных войск. Тогда-то и пришлось Лене заполнять первую в его жизни анкету. И он в той самой пятой графе написал: «русский», а на вопрос об отце ответил: «Погиб на фронте». Анкета получилась «чистая», и демобилизованного солдата Симановича направили служить истопником в котельной хозуправления Министерства обороны. С той поры он ежегодно заполнял анкеты, как требовала его «ответственная» должность, повторяя одну и ту же ложь, и жил в постоянном страхе перед разоблачением и суровым наказанием.

Леонид Симанович в молодости. 1945 год.

Продолжая работать истопником, Леня закончил вечернюю среднюю школу, но сменить тяжелую и вредную работу, сделавшую его инвалидом, так и не рискнул. Смекалистый и активный парень мог бы сделать неплохую карьеру, но, однажды солгав, вынужден был просиживать свою жизнь в загазованном подвале.

Шел 1949 год. Однажды на танцплощадке Леня познакомился с Тамарой. Они подружились. Тамара работала медсестрой в больнице и как-то пожаловалась, что ее заставляют оговорить работавших рядом врачей-евреев, она же категорически отказывается это сделать. И Леня ей, единственной, признался, что он – еврей. В декабре они поженились, и Тамара взяла его фамилию.

Жили трудно, он зарабатывал 69 рублей в месяц, она – 34. Его не раз уговаривали перейти работать на завод: престижнее и платят лучше, но Леня отказывался, опасаясь все того же разоблачения.

Оно пришло неожиданно. Не зря говорят, сколько веревочке не виться... Настал срок смены паспорта. В документах для милиции обнаружилась неточность: в домовый книгу почему-то отчество Симановича значилось не «Ильич», а «Максимович». Ему предложили получить повторное свидетельство о рождении, благо архив Смоленска уцелел. Отчество «Ильич» копия документа подтвердила, но одновременно выяснилось, что никакой он не русский.

Из слесарей-водопроводчиков Симановича не разжаловали, вроде бы и некуда.

... Леониду Ильичу Симановичу семьдесят три. Он давно на пенсии, у него трое внуков и правнук, не дай им Б-г повторить судьбу деда и прадеда...

ВРЕМЯ ПОМНИТЬ. ВСЕГДА...

Ààèàèé Òíí àí èí

Генетическая память народа тем крепче, чем глубже уходят в историю его корни. Истории ашкеназим, к примеру, никак не меньше полутора тысячелетий. И если сопоставить этот отрезок времени с какой-нибудь сотней лет, то не таким уж далеким окажется от нас мир еврейских местечек. Знаете ли вы, в чем главная ценность времени? В том, что оно для нас, живущих, слава Б-гу, не прерывается. Оно всегда в нас и с нами. И сколько знаем мы с вами Уманских, Звенигородских, Виленских и Корсунских! А день настоящий нет-нет да и откроет нам какую-нибудь страничку давнего, словно давая понять: да, бывшее и прошлое с нами. Вот бывший биробиджанец Николай Бородулин как-то сообщил из Америки, что обучает идишу – можете себе представить! – правнука самого Шолом-Алейхема.

Владислав Цап родился и вырос в дальневосточном городке Облучье, ни обликом, ни местоположением никак не напоминающем ни Касриловку, ни Мазеповку, ни даже Хелем или Егупец. Только скажите нам, чего бы стоил добропорядочный еврей, если бы он ставил свое еврейство в зависимость от места своего проживания и «номера» века? Напомним уж кстати, что Бердичев, Балта либо Шаргород тоже не на Иордане стоят. Точно так же, как и вовсе не ближневосточный Биробиджан, где живет художник Владислав Цап.

Книги читают все, но каждый по-своему. Художник за серыми строчками видит очертания, линии, краски и живые лица. В отличие от многих читателей, он способен воссоздать свои представления в образах зримых. Тем более что улица Шолом-Алейхема в Биробиджане, как и Бердичевская улица, не только «самая большая в нашем городе», но и, если хотите, ее историческое продолжение. В общем, Владислав, никак не мог пройти мимо увиденного им в повествованиях Шолом-Алейхема и Менделе Мойхер-Сфорима. И кое-что «перевел» на язык рисунка. Иногда иллюстрируя, иногда фантазируя. «Кое-что» постепенно накапливалось и превратилось в собрание художественных произведений на еврейскую тему. И хотя сцены местечковой жизни вряд ли заставят подумать о безбедном существовании людей за чертой оседлости (скорее, совсем наоборот), в жизни той неизменно присутствовали условия, в которых евреи могли быть, были и оставались евреями. И попробуйте-ка найти сегодня в нашем Биробиджане колорит, присущий местам «компактного проживания» наших предков. Иные времена – иные нравы... Художники же не любят трафаретов и стандартов, сделавшихся ныне едва ли не символом дня настоящего. А чтобы кем-то или чем-то быть, надо выделиться. И историю свою полагается чтить. Хотя бы уже потому, что она всегда старше нас, а сами мы – ее продолжение. И во времени, и в пространстве. Потому мы и грустим о прошлом. Грустим, как о собственном детстве. Вот как написал об этом же самом наш земляк Анатолий Кобенков, автор десятка поэтических сборников:

Ì èð ààèéíèèé ì àíðá:áé..

Ì á:àèüü úé í èíñòàèü Èáí íàè:

àùáííì íèð àí. Òàì àí àúð çà:èðàèé Òàèì óü

òàì í á ðèèá ðààèé í à ñáàèè, èí òú è èíðíáí

iííèi àpò íà èàèø è íòè÷èè íà èàèø ííþò;
òài íà èàæáúé æèèáò - ááá áááá, ÷áòúðá çáí'èáòú,
òài íà èàæáòþ æèçíú- íí ÷áòúðá ííáíí à íí òðè...
òài áúá Ýòðàèì ú, Ðááíèèè, Ì áíáòáì ú, Çèàòú,
áàèááíéú, íáííæíèèè, øíðíèèè è øéíèàðè.
Èò íèóííí ó áúóáí úþ çáçáà çáí'òááøáý íáòèò,
èò íí àçíúì íáííáì - èçííèæé íàèáòèííèèò íáííè...
Ýí èááí òú èì íáðèé, Ñíèíí íííáí áááí úá ááòè,
íà ííáíçèáò í íèèòá íò áúááþùèá íá áíþòíè...
Ááé èì, Á-íííæ, íèè, ááé èì èèòááò íèááèèá ááòí,
èèèíí áòòú í áòú è èòðèíúò áóèíííá í íðý...
Áðóííí æèòúíá çáí'èá, ááá ááðáèíèíá ááòá - íá ááòá
òððáíí æèòúá ááðíááò, ááá íá ááá íííèì àpò í áíý...
Òài, ááá ááèúì íá ííáò, òài, ááá íí÷è í íðíøèíí
áíèáííýò,
òài, ááá ááì íáíèèè øíá á íðèááéèáèúííèøþ éáòííèíí
éáá
èòí óíèúøèò í áíý è èàèíé í íá Èáííáè÷ íáííí íèò
í èð ááðáèíèèò í áíòá÷æé íí èíááì è áá íèí ááá?
Èòí í íá èááèó íò èðíáò, ááá í íèýòííý ííèèè í ðèááá
èòí í íá Õíðó ðáíèðíáò, èíòíðòþ íèáçí í ðíæáè?
Èòí óéàæáò í ááòííí íá íèðèíó÷øþ éáíòíèòó á íááá
íí èíòíðíé íáí áæáú çá íí-áíòúáí ááðáèíèèì óøèè
Ýòðàèì ú, Ðááíèèè, Ì áíáòáì ú, Çèàòú -
ííýòú,
áàèááíéú, íáííæíèèè?..
Èòí çááðóííèòò íáí í íá

íðí:èòááøè í òîì, èàè øøæÿíí èáñòíèöá

ÿòíé áì èð ááðæíèèò ì áñðá:áé -

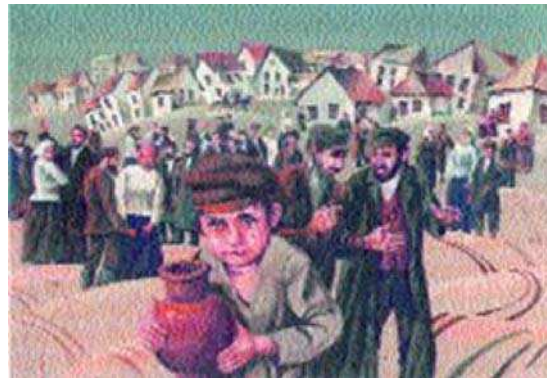
í à ðíæíó, á í ááí,

é ðíáí á?

К рассказу Шолом-Алейхема «Шалаш – лучше не надо».

«Вдруг – трррах! Крыша целиком со всей зеленью обрушилась на наши головы, а за стеной другая стена накрывается, и обе падают перед ним ниц, и какая-то коза летит прямо на нас».

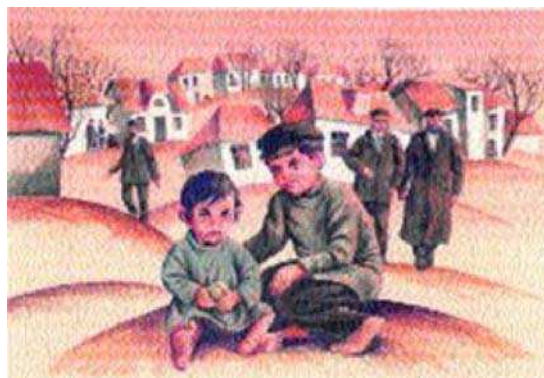

К повести Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл».

«Я зарабатываю деньги, я разношу напиток, который мой брат Эля приготавливает собственными руками».

К рассказу Шолом-Алейхема «Касриловка».

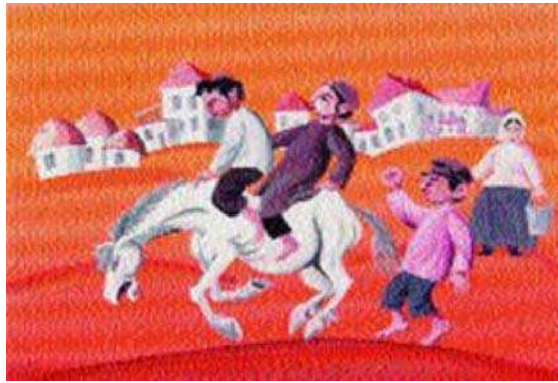

К повести Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл».

«У меня другая забота, я по целым дням таскаю на руках дочку Добцю».

«Местечко».

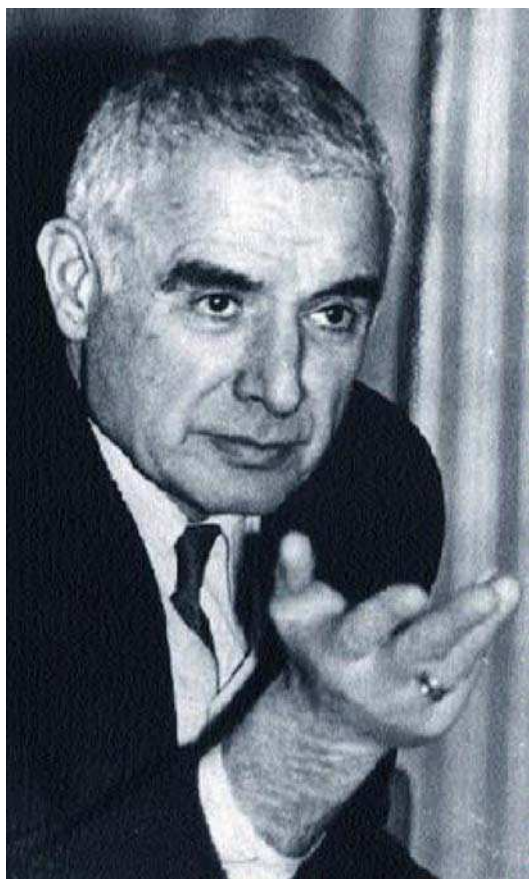

К рассказу Шолом-Алейхема «Мафусаил».

УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ

Близкие и друзья, ученики называли его коротко – «АБ». Это была как бы личная аббревиатура профессора, заслуженного деятеля искусств Аркадия Борисовича Немеровского.

Аָאָדעןאַאָ אָיעוואָד

Высокий, стройный, элегантный, он любил все красивое. И все его три жены были на редкость красивы. Расставшись с двумя из них, он до конца своих дней оставался им другом.

АБ многие годы был моим соседом по дому на улице Усиевича, мы дружили. Я хорошо знал его и в расцвете сил, творческой, мужской удачи, и на старости лет. Хотя понятие «старость» настолько с ним не сочеталось, что никто и не удивился, когда у него, 70-летнего, в браке с третьей женой родился сын.

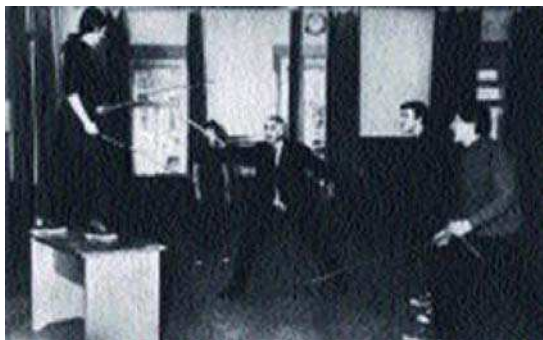
– Еврей должен жить до 120, но детей рожать не позже ста, чтобы успеть вывести их в люди, – шутил АБ, прогуливаясь с младенцем в коляске возле дома.

Но он не дожил и до 83, не успел, о чем мечтал, – «поднять» сына. Сегодня Аркадию Немеровскому исполнилось бы 90 лет.

Он родился в Киеве в интеллигентной еврейской семье, которая вскоре после революции переехала в Москву. Шестнадцатилетним по совету отца поступил на

юридический факультет МГУ и одновременно по велению сердца – в студию театра им Вахтангова, он с детства мечтал стать артистом. Юридическая карьера его не прельщала, хотя и закончил он университет с отличием.

Начинающий актер, он, однако, уже был известен в спортивных кругах, получив звание мастера спорта, стал капитаном сборной СССР по фехтованию, в 1936-м она завоевала первое место на международных соревнованиях в Турции.

Занятия по сценическому фехтованию в ГИТИСе.

Случилось так, что блестящее спортивное дарование определило творческую судьбу Аркадия Немеровского. Едва закончив школу-студию, он начал преподавать в ней сценическое фехтование. Его учениками стали Борис Захава, Рубен Симонов и многие другие мастера сцены.

Движение – важнейшая составляющая успеха фехтовальщика. А в этом, в движении, Немеровский, ловкий, грациозный, элегантный, отточен каждый жест, задействован каждый мускул, неповторим и поныне. Я изредка приходил на его тренировки, занятия, зачеты со студентами и, признаюсь, только там понял, какую гармонию способны явить собой движения человека.

Как артист АБ не оставил после себя каких-либо особо ярких, значительных ролей, разве что царя Эдипа в одноименной трагедии Софокла. Видимо, он и сам вовремя понял, что его дарования недостаточно, чтобы занять место в первых рядах вахтанговцев, зато как преподаватель сценического движения стал незаменим. Артистов, прошедших школу Немеровского, отличают свобода, раскованность, легкость, точность и удивительная элегантность движений. АБ был одинаково требователен к своим ученикам, невзирая на их маститость. Однажды Рубен Симонов, репетировавший роль Сирано де Бержерака, вскипел:

– Вы сотый раз гоняете меня в этом эпизоде! Хватит, черт побери!

АБ словно сразил его шпагой:

– Вы не добились правдивости, зритель не поверит вам...

И Симонов покорно занял исходную позицию.

Аркадий Борисович полностью разделял идею великого Мейерхольда, считавшего, что движением, пластикой на сцене актер в состоянии усилить свое воздействие на зрителя. Именно это подтолкнуло АБ к созданию школы пластической выразительности актера и актерского тренинга. Обучая студентов ГИТИСа, ВГИКа,

Щукинского и Щепкинского училищ, школы-студии МХАТа, других театральных школ, он создавал специальные упражнения, учебные мизансцены.

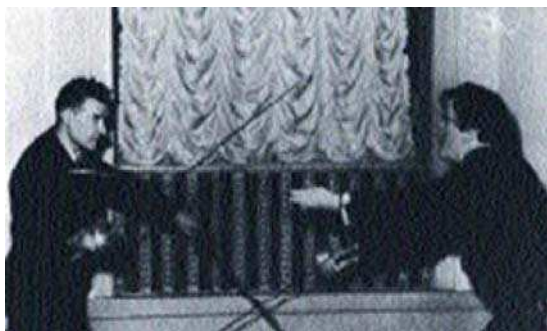
А.Немеровский с сыном.

– У АБ было несчетное количество учеников, – вспоминает художественный руководитель и главный режиссер театра им. Моссовета, народный артист РФ Павел Хомский. – Складывается впечатление, что всех нас учил он! Кого ни спросишь, кто у вас преподавал сценическое движение, фехтование, отвечают: Немеровский. Помнится, на третьем курсе ГИТИСа мы на занятиях у АБ делали этюд «Рукопашный бой». В это же время вахтанговцы репетировали «Молодую гвардию» с Юрием Любимовым в роли Олега Кошевого. Спектакль ставил Захава, а сцену рукопашного боя с немцами – АБ. И он решил, что мы со студентом Аугшпаном должны продемонстрировать вахтанговцам на сцене настоящую драку. Признаюсь, в театр мы пришли в некотором «дражементе», он усилился, когда в фойе увидели всю занятую в спектакле труппу, Николая Плотникова и других знаменитостей. Но сцену рукопашного боя мы им показали! На голом паркете, без подстраховочного мата. Пусть будут синяки! – решили мы и сработали под аплодисменты труппы...

Учениками Немеровского, которых он обучал выстраивать «пластическую выразительность образа», были Еремин, Чурикова, Козаков, Евстигнеев, Доронина, Гриценко и многие другие мастера сцены, всех не перечислить. Учиться к АБ приезжали актеры из Польши, Болгарии, Испании, США, в том числе и знаменитый Аллан Шнайдер, впоследствии руководитель Джульярдской высшей театральной школы. Сколько раз просил он Аркадия Борисовича преподавать в этой школе! Но его из страны не выпускали. У профессора был «плохой» характер: принципиальный в суждениях, он, словно рапирой, разил в глаза собеседнику правду, любому собеседнику.

Народный артист Юрий Любимов, главный режиссер Театра на Таганке, с теплотой вспоминает Немеровского, с которым вместе более 60 лет назад начал служить в театре им. Вахтангова. Он рассказал, как при обсуждении в ГИТИСе его спектакля «Добрый человек из Сезуана» Немеровский вступил в спор с руководителем кафедры, народным артистом СССР профессором И. Толчановым и другими театральными мэтрами, решившими «зарезать» спектакль, который затем оценили по

достоинству Рубен Симонов, Алексей Арбузов. С их благословения «Добрый человек» имел не только успех, но и был признан эпохальным.

А.Немеровский и М.Астангов на репетиции сцены поединка из «Гамлета» В.Шекспира.

Театр имени Евг. Вахтангова. 1957 год.

Рассказывая как-то об этом эпизоде, Аркадий Борисович заметил:

– Если умру первым я, Юрий Петрович должен будет принести мне на могилу розы.

Принес ли, не знаю, но вспоминает Немеровского Юрий Любимов с сердечностью.

Бывшая супруга Аркадия Борисовича Тамара Другова рассказывает, как чуждо было ему угодничество. Например, ему ничего не стоило публично выразить возмущение Петру Демичеву, тогда министру культуры СССР, примитивному партноменклатурщику, приписавшему однажды авторство «Марии Стюарт» Шекспиру.

Чтобы скрыть причину отказа Немеровскому в выезде в США, Екатерина Фурцева, очередной министр культуры СССР, убедила американцев, что он тяжело болен. Обеспокоенная нездоровьем Аркадия Борисовича Стелла Крамер, министр театра и кино США, позвонила Друговой в Москву, чтобы выяснить, какие прислать лекарства.

Мне же кажется, что основным мотивом, сделавшим профессора «невъездным», было то, что, не будучи сионистом, АБ, однако, открыто высказывался в поддержку евреев, стремившихся выехать в Израиль.

– Родина там, – говорил он, – где человеку хорошо, свободно живется и работается.

А.Немеровский с женой.

И все же по приглашению известного мима Марсея Марсо Немеровскому удалось выехать во Францию, где он две недели преподавал в Школе мимики и жеста, а позже и в Мадрид по приглашению Анхеля Гуттиереса Камироса, в школе которого два месяца преподавал методику и упражнения движением съехавшимся со всей страны артистам и студентам театральных школ.

Свой богатый опыт работы по сценическому движению, умению соединить в актерской работе талант и ремесло Аркадий Борисович изложил в книге-учебнике «Пластическая выразительность актера», выдержавшей два издания, в 1976 и 1988 годах, и ставшей настольной для актеров различных жанров.

БОЛЬШОЙ МАСТЕР ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

Айденъ аїаїе

В июне текущего года в рамках Кинофестиваля еврейского кино в Берлине был показан полуторачасовой документальный фильм, посвященный 110-летию Соломона Михоэлса. Создал его известный кинопублицист Изя Герштейн, живущий сейчас в Израиле.

Надо сказать, что на международных кинофестивалях документальных фильмов последних десятилетий всегда с особым интересом ожидали приезда Герштейна, этого неутомимого странника с кинокамерой. В Берлине, Оберхаузене, Брюсселе знали, что каждая очередная лента этого мастера — волнующее произведение о подлинной жизни, о самом сокровенном, истинном, необходимом людям. Многие из этих фильмов заслуженно отмечены призами.

Герштейн более сорока лет прожил на Тянь-Шане, в горах Алатау. И когда он появлялся на очередном фестивале, дочерна загорелый, крепкий, сухощавый, вспоминали старинную притчу о мудреце-отшельнике, который, спустившись с гор, говорил каждому, кого встречал на своем пути: «Имеешь сердце». Когда же его спросили, отчего он не говорит о милосердии, о терпении, о преданности, о любви, мудрец отвечал: «Лишь бы не забыли о сердце, остальное приложится... Можем ли мы обратиться к любви, если ей негде пребывать? Станем же твердо на основе сердца и поймем, что без сердца мы — шелуха погибшая».

Вот и Герштейн своим творчеством неутомимо напоминал людям о сердце. На склонах Хан-Тенгри, на берегах Иссык-Куля привыкли к страннику с кинокамерой. Неделями, месяцами жил он вместе с чабанами на пастбище, шагал по горным тропам с геологами и гляциологами, долгими вечерами вел неторопливую беседу со стариками в отдаленных поселках. Киноплёнка запечатлевала самое важное, истинное.

Мой рассказ – о зоркости и мудрости художника, наделенного даром видеть шире и глубже других. О мастере, способном не только вникнуть в суть явлений и характеров, но и создать на основе отснятого материала емкое по мысли, по высоте чувств художественное исследование, способное вызвать у зрителя новое, более объемное понимание жизни. Упомяну несколько лент Герштейна, которые невозможно забыть.

«Песня слышится и не слышится». Пронзительно печальная история об утраченных идеалах и судьбах человеческих. В одном селе семьдесят лет назад группа молодых энтузиастов-бедняков создала коммуны – во имя светлого будущего. Своим гимном коммунары избрали песню «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка». И макет паровоза служил им символом. Осталось лишь несколько коммунаров. Они едут на телеге, которую медленно тащит кляча. Могикане с потухшими глазами. Экскаватор рушит кресты на могилах. Мужичок ворует кирпичи из кладбищенской ограды и складывает в детскую коляску. А сад коммунарский поражен пустоцветом. Жуткое крушение, постигшее честные души.

«Бумеранг». Обращение к совести, к общественному разуму. В фильме запечатлена массовая гибель редчайшей птицы – розового скворца от строительных работ взрывов в горах. Тысячи всплывших рыб, убитых агрессивным вторжением человека в природу. Потоки мазута, стекающего в чистейшие воды уникального озера... Этот фильм – словно отчаянный крик.

«Там, за горами, горизонт». Гляциологи на леднике Энильчек. Конфликт среди восходителей – разное понимание нравственности, товарищества, долга. Кинопублицист не ограничивается рассказом о драматическом противоборстве в горах. Он прослеживает жизнь нескольких героев на протяжении определенного времени. В столкновении различных мировоззрений на экране возникают рельефные психологические портреты, колоритные характеры...

Встревоженное искусство содержит готовность горячо отстаивать идеалы человечности. Вера в эти идеалы придает поэтическому действию силу протеста против пресловутого мещанского «здорового смысла», против обывательского конформизма, а главное, против тотального бездушного администрирования. Эта гражданская тема так или иначе пронизывает все фильмы Герштейна. И не так уж трудно догадаться, почему вызывали номенклатурный гнев и неистовство высокопоставленных аппаратчиков картины Герштейна. Но они отвергали и запрещали, казалось бы, невинные, исполненные высокой поэзии фильмы, герои которых, люди из народа, произносят вроде бы бесхитростные, незамысловатые монологи о жизни, о простых истинах. И это можно понять. Номенклатура при всей своей духовной нищете, генетической тупости все же догадывается: прикосновение к подлинному, ясному, мудрому, высокому для нее чрезвычайно опасно.

Три упомянутые ленты были включены в ретроспекцию фильмов Герштейна в Оберхаузене как наиболее отчетливо выражающие творческое кредо художника и были удостоены премии международного фестиваля.

Изю Герштейна не раз приглашали читать лекции по кинодокументалистике в престижные учебные заведения европейских стран. Свой курс лекций мастер начинал, как правило, с таких слов:

– Наша работа все больше и больше роднится с трудом педагога, психолога, исследователя человеческих душ. Художнику-документалисту нужно всмотреться в

человека. Всмотреться в человека – это прежде всего проявить элементарное уважение к нему – объекту съемки. А чтобы это произошло, нужно по-настоящему узнать своего героя. Надо не «изучать» его и не подсматривать за ним, а жить его жизнью, полюбить его, почувствовать своими его заботы и мысли...

***

... В нашей стране наступали трудные времена. Киностудии из-за отсутствия финансирования приходили в упадок. Многие выдающиеся кинематографисты лишены были возможности снимать фильмы. Это коснулось и Герштейна. Но он еще несколько лет ожидал, что вот-вот наступит возрождение отечественного кинематографа и он вновь возьмет в руки камеру.

Один за другим уехали в Израиль все три сына Герштейна, уехал и его старший брат. Но Изя не решался на репатриацию. И все же наступил момент, когда стало отчетливо ясно: чуда не произойдет, надо жить там, где сыновья.

Четыре года назад Герштейн получил гражданство Израиля. Он поселился в Хайфе, все было благополучно и в материальном, и в моральном отношениях. Но руки Изи истосковались по кинокамере. Взор его невольно определял окружающее как объект съемки. В голове постоянно рождались сюжеты.

Однако в Израиле не было возможности осуществить эти замыслы. И неожиданный звонок из Соединенных Штатов: Герштейна просят снять ленту, посвященную 110-летию Соломона Михоэлса. Для этого необходимо было встретиться с дочерьми Михоэлса, которые живут в Тель-Авиве.

Изя загорелся этой идеей. Он обратился в созданную олимами народную любительскую студию, ему выделили съемочную, осветительную, звукозаписывающую и монтажную аппаратуру, автомобиль. Мастер работал с упоением. Он провел съемки беседы с дочерьми Михоэлса, а также документального материала. В результате получился впечатляющий полуторачасовой фильм.

А затем кинодокументалист вместе с Наталией Михоэлс-Вовси был приглашен еврейской общиной Балтимора в Соединенные Штаты. В течение двух недель Герштейн побывал во многих городах страны. Его фильм о Михоэлсе пользовался большим успехом в еврейских общинах Америки. Об этом свидетельствуют отклики в местной прессе.

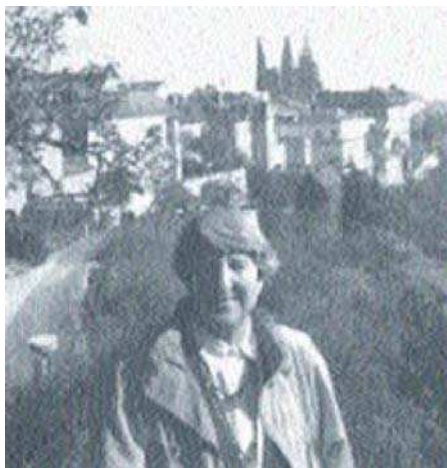
И вот – Берлинский фестиваль еврейского кино, который подтвердил, что 77-летний художник и ныне полон творческих сил, не утратил высокого мастерства. Можно надеяться, что он создаст еще немало талантливых картин.

НИКАКИХ ВОПРОСОВ

P'eeai à E'ai ne'oi

Из книги «И вновь я вспоминаю (Людские судьбы после 1933 года)»

Когда Соня Теллер, одна из переживших Аушвиц, сегодня спрашивает себя, каким образом ей удалось избежать смерти, двигаясь на запад, дожить до конца войны, ей приходит в голову мысль: «Нас никто не спрашивал, откуда мы». Она считает, что эта ситуация сохранилась и до сегодняшнего дня. «Когда меня спрашивают, где я получила аттестат зрелости или где я была во время войны, могу только сказать: в концлагере. Обычно больше вопросов не возникает, ни вопросов, ни комментариев, только смущение. Я тоже не могу дальше ничего рассказывать, мне кажется, что люди не хотят знать того, что омрачило бы их жизнь. Будь эти люди даже потомками преступников, вряд ли они смогли бы представить себя на месте жертвы. Но во мне всегда оставалось чувство, что я принадлежу к меньшинству, которое все избегают, практически забытому. Не все знают, как обращаться с этим меньшинством».

Соня Теллер. Прага, 1990 год.

«О чем я сожалею, – говорила иногда Соня, – так это о том, что только в юности занялась учебой. После третьего класса гимназии меня больше не посылали в школу». С 1941 года еврейские дети в Праге не имели права посещать школу. Но об этом никто не спрашивал, это никого не интересовало.

Соня очень любила рисовать и мечтала со временем поступить в Академию художеств. «Родители устроили меня на курсы рисования, организованные еврейской общиной в рамках образовательной программы с целью оградить нас, молодых, от улицы». Архитектор Сметана учил ее рисовать модели, и она была его лучшей ученицей, хотя и самой младшей. Но потом, когда евреям запретили ездить в трамвае, Соня не могла добираться на курсы в центр, закончилось и это образование.

Семья Шварц жила в Бельведере, красивом зеленом районе Праги с многочисленными парками. В марте 1939 года немцы, войдя в город, использовали гостиницу Шплендер, расположенную напротив их дома, под комендатуру. «Через несколько месяцев все началось, – рассказывает Соня. – Люди приходили осматривать нашу прекрасную квартиру. Мама обращала их внимание на недостатки, характерные для

старого дома, но потом она заметила, что один из посетителей весьма заинтересовался нашей квартирой. И однажды нам сказали, что мы должны в течение недели из нее выехать, оставив всю обстановку! Некоторые вещи, ковры и картины, отец все же успел отнести к друзьям».

Сонина сестра Милена, шестью годами старше ее, к тому времени уже покинула Прагу с семьей своего будущего мужа, что позволило ей эмигрировать в Англию. У Сони же и у родителей не было никаких перспектив на выезд. Еврейские семьи не имели права оставаться в окраинных районах, им всем было приказано переехать в Старый город, где еще в конце века существовало гетто. Сонину семью поселили в маленькой комнате в выдавшем виды угловом доме. Кроме них, в квартире жили другие семьи. «На маленькой печке для согревания ног мама готовила еду, с помощью этой печки поддерживалось тепло в комнате. Было тесно, неудобно, но мы могли еще быть довольными своим положением, ведь других уже начали вывозить в концлагерь. Если мы что-то имели на обед, конечно, мало, то родители говорили: "Как бы радовались депортированные, если бы имели хотя бы это"».

Соня Шварц. Прага, 1929 год.

В восемь вечера все евреи должны были покинуть улицы. «Мы не имели права посещать парки, об этом было написано на каждом углу. Молодые люди любили раньше гулять по набережной Влтавы, но теперь это было запрещено. В нашем распоряжении оставалось только красивое старое еврейское кладбище. Там мы встречались с друзьями, чтобы немного посидеть на камнях, подышать свежим воздухом».

Каждую ночь жителей гетто охватывал страх – звуки шагов и стук в дверь обычно означали эвакуацию, отправку в концлагерь. После покушения на рейхспротектора Богемии и Моравии Гейдриха просто страшно было возвращаться домой. «На всех улицах устраивали облавы. Немцы ездили на своих машинах, врываются в своих черных сапогах в квартиры евреев, без разбора крушили все, что попадалось на их

пути, а тех, кто находился дома, тут же отправляли в лагерь. Лучше было держаться подальше от дома!»

Город был охвачен страхом. В газетах ежедневно печатали списки чехов, которые подверглись аресту. «О евреях не сообщалось ничего. После разрушений и убийств в Лидице был составлен штрафной поезд из 20 тысяч евреев. Поезд назывался ААК, никогда не забуду эти буквы. Каким будет наказание, понимали все, поскольку никому не разрешалось брать какой-либо багаж. Но никто не знал, что путь лежал прямо в газовые камеры Аушвица. Двоюродная сестра моей мамы и ее двое детей были уже там. Состояние, в котором мы пребывали, я не могу описать и сейчас».

Одно событие этих недель сохранила Сониная память. «Мы были с подругой на кладбище, где еще мы могли гулять. Около восьми часов, когда мы с ней прощались, я почувствовала взгляд, от которого мне стало жутко. Впереди стоял человек в шляпе и черных сапогах, засунув руки в карманы своего плаща, и смотрел на меня пронизывающим насквозь взглядом. Я сразу поняла, что этот человек опасен, но не могла ничего сказать подруге: испуг мой был так велик, что мне могло что-то и пригрезиться. В отличие от нее, я считала себя дурнушкой. Но мужчина шел за мной по пятам. Я побежала, он тоже ускорил шаг».

Запыхавшись, Соня добралась до входной двери и даже успела забежать в подъезд, но преследователь уже настиг ее и крепко схватил за руку «Теперь ты остановишься», – сказал он угрожающе, будто гипнотизируя меня. Кто-то стал подниматься по лестнице, но я не отважилась позвать на помощь. И в тот момент, когда я почувствовала его руку на себе, я закричала. Убегая, он крикнул: «Я вернусь за тобой!»».

Мать Сони прекрасно понимала, что мог чувствовать полуробенок, находившийся в Праге вне закона, и жила вместе с дочерью в постоянном страхе, ожидая возвращения этого человека.

Соня заболела ангиной и лежала в кровати вместе с родителями, когда в два часа ночи в дверь постучали. «Это могло быть одно из двух: либо пришел он, либо принесли повестку на отъезд, они всегда это делали среди ночи. Вошел настоящий великан, на сей раз с револьвером. «Собирайся! Ты пойдешь со мной!» – приказал он мне и начал расспрашивать отца, на какие средства он живет, чем занимается, сколько у него служащих. Отец отвечал покорно, как ребенок».

Вдруг этот человек навел револьвер на Сонину маму, приказал повернуться. «Она больна, она еще ребенок. Вы же видите», – умоляла она «великана», но тот продолжал кричать: «Отвернись, еврейская свинья, или я тебя расстреляю!» Между тем отец взял себя в руки и спокойно сказал Соне: «Иди оденься, ты знаешь, где твои платья». Соня все поняла и молниеносно выскочила через комнату соседей, добежала до туалета и там заперлась. «Ни за что я не открыла бы этому человеку. Все мои мысли были о том, как спуститься через окно на 4-й этаж. Но тут я услышала крик и как упало что-то тяжелое».

Когда этот человек с револьвером бросился за Соней, отец девушки одним прыжком перемахнул через стол, открыл входную дверь и стал звать на помощь. Преследователь столкнул его с лестницы и убежал. Всего в крови, со сломанными ребрами, отца принесли домой, позволили Соне выйти из укрытия. Отчаявшийся человек может сделать такое, о чем в нормальном состоянии он не смог бы и подумать. Отец спас дочь, и сам выжил. Ночью он пошел в полицию. Там был еще один отец, который вступил

в единоборство с «великаном» и пришел жаловаться по тому же поводу. В 1942 году евреи еще могли себе это позволить, но защиту им не обеспечивали.

В свой следующий приход в Старый город немцы принесли повестки для всех его обитателей. «Это случилось не ночью, а утром, было уже светло, и все могли видеть, как мы отправились в путь с нашими сумками и рюкзаками. Было приказано собраться в 10 часов в выставочном центре, при себе разрешалось иметь не более 20 кг багажа. Все шли, как послушные овцы. А что нам оставалось делать? Никто нам не помогал!» Соня умела собирать вещи и считала, что все самое необходимое лежит в ее рюкзаке.

«Три дня мы спали на голом полу в залах выставочного центра – так нас вводили в новую жизнь. Потом каждого вызывали и присваивали ему номер. ААТ 337, 338, 339 – это были папа, мама и я. Нам предстояло пройти мимо стола, где у нас отнимали последнее. У меня – золотые сережки с незабудками из голубых камней, подарок бабушки при моем рождении. Их вырвали с такой силой, что мочки моих ушей долго не заживали. Дальше наш путь лежал на вокзал через весь город, опять же днем.

Евреям пришлось самим составлять поезда. Мой двоюродный брат ездил из города в город, помогая отправлять людей. Нас он нашел в уже почти закрытом вагоне и передал нам часы. Мы были потом единственными обладателями часов в Терезине».

До этого времени «транспортировка» была для Сони понятием, о котором она очень мало знала. Сердце ее сжималось от страха, а после покушения на Гейдриха ее не покидала мысль, что лучше бы скорее покинуть Прагу, чтобы преследователь не мог ее найти. И вот теперь она узнала, что означает быть отправленной в лагерь.

По прибытии в Терезин мужчин и женщин разделили. Соне повезло, ее не оторвали от матери, как многих других детей. В переполненном бараке она спала рядом с ней на соломенной подстилке. Иногда они встречали отца на территории лагеря между бараками. До восьми вечера это допускалось. У Сони появился друг из молодых людей ее возраста. Обоим удалось выжить, и он написал для нее дневник-воспоминания в форме писем об этих трех ужасных годах в Терезине. К описанию он добавил картины газовых печей, оба видели их собственными глазами в Аушвице.

Чтобы оказать какую-то поддержку детям, которые находились в лагере без родителей, еврейское руководство основало в специально отведенном здании, напротив фашистской комендатуры, «детский дом». Соня нашла там для себя место среди 20 других девочек в деревянном чулане на 3 человек. Днем молодежь работала за пределами «крепости» на полях. «Это была очень хорошая работа. Во-первых, мы работали на свежем воздухе, во-вторых, чаще других могли добыть что-нибудь поесть: редиску и помидоры на поле и огурцы в парниках.

Соня со своей матерью, сестрой, бабушкой и тетей. 1935 год.

Мы были молоды и осмеливались проносить на территорию лагеря что-нибудь съестное для родных. Много проносить было рискованно. Когда надзиратель отворачивался, можно было незаметно спрятать огурец в рукав и несколько картофелин в брючины, но в лагерных воротах проверка была очень строгой. Если при обыске что-то находили, это означало высылку в маленькую крепость за пределы лагеря. Там людей вешали или отправляли в Аушвиц. "Шмон в воротах" – эта весть молниеносно распространялась в наших рядах. Мы еще успевали быстро выбросить все. Но яблоки, морковь, помидоры, которые удавалось протащить, если случайно не было проверки, помогали поддержать силы нам и родителям».

Когда девочки после долгого рабочего дня падали на нары, чтобы немного отдохнуть, клопы и блохи превращали ночь в пытку. Утром просыпались с опухшими руками, ногами, лицами и, несмотря на это бедствие, смеялись друг над другом. Помощницы в отделении у девочек и их руководительница фрау Роза делали все, чтобы психологически поддержать своих воспитанников. Они заботились о чистоте и порядке, демонстрировали на собственном примере этические основы совместной жизни, где даже сложности в отношениях между родителями и детьми легко могли вывести из равновесия. Любая форма распространения знаний была запрещена нацистами. Эсэсовцы появлялись очень часто, искали книги, карандаши, бумагу, рисунки. Но люди предупреждали друг друга о проверках, а контролеры не задерживались в детских комнатах, боясь заразных болезней.

Попозже вечером все же начинались занятия с детьми. Учителями были известные чешские музыканты, художники–интеллигенты, вывезенные в Терезин. В подвале «общежития» для девочек дирижер Рафаэль Шехтер тайно репетировал со всеми желающими «Реквием» Верди. Потом все расходились по комнатам и продолжали напевать дальше со своими подругами. Так Соня узнала все арии. Нужда забывалась. Дети чувствовали необходимость выразить свои страхи и переживания в рисунках и сочинениях.

Франта Басс, мальчик 14 лет, который погиб в Аушвице, написал в Терезине стихотворение:

Ńää i äë,

íí ííëíí õřç

*Ì àéáí ùèèé ðáááí íé,
íí òí òí ò èè ðáááí íé,
éðàñè àíé, èàè áóò íí,
èááò íí àí òí àí
Èí àáà áóò íí ù ðàññááò óò,
ýò íá ðáááí èà
óèá í á áóááò á æ è áí ò,
íí òí ðáò.*

Три года провела Соня в Терезине. «Мы все время боялись; кого-то постоянно куда-то отправляли. Воспитатели говорили детям, что их увозят в другой лагерь. Но они сами уже знали, что дальнейшая дорога означала смерть, – это было трудно скрыть. 18 октября 1944 года поезд увез родителей Сони. Девочку оставили: «Я работала там, где еще требовались руки. Но когда родителей увозили, я хотела уехать с ними и записалась добровольно».

Сонин отец тоже выполнял важную для войны работу в Терезине, что долго защищало его от отправки. В Праге он трудился в деревообрабатывающей промышленности, был там начальником строительного двора, работающего на вермахт. «Но в 1944 году уже не имело значения, может или не может человек что-либо делать. Один за другим уходили транспорты с людьми. В Терезине осталась только небольшая группа, но ее скоро поразил тиф. Многие старики умерли, но молодежь старалась выжить. У некоторых были друзья на кухне, кто-то имел возможность организовать что-нибудь из еды, и когда в "общежитие" девочек приносили очередной пакет, его делили на всех. Так мы помогали друг другу выжить, пока нас не выслали».

При транспортировке в открытые вагоны для скота загоняли тех, кто еще мог стоять, и днями там стояли даже мертвые. Сонин отец несколько раз падал в обморок в углу. Соня и мама сидели скорчившись, прижавшись спинами друг к другу, и слышали только голоса: «Этот Шварц опять потерял сознание». Вагон был запломбирован, никто не мог выйти. Как долго все это длилось, Соня сейчас не может сказать, во всяком случае, много дней.

«Целую ночь мы стояли в Дрездене. В стене около меня была дырка, в которую я видела поезда, пронесившиеся мимо нас. Они везли раненых с фронта, много молодых людей. Я видела их, слышала их стоны. Потом был вой сирен, взрывались бомбы. Мы продолжали стоять».

Сониной подруге из Терезина пришлось пережить еще более страшное по дороге в Аушвиц. Какой-то эсэсовец то и дело стрелял по вагону, одному их общему знакомому пуля попала между глаз и попала еще в кого-то сзади. «Он ослеп, но пережил этот стоячий поезд!» Когда Соня видит энергичного человека лет 80 в его ухоженной квартире в Дюссельдорфе, в которой он ведет активную духовную жизнь, она понимает, что является одной из немногих, способных оценить, каких усилий это ему стоит.

Наконец поезд с Соней и ее родителями достиг цели – Аушвица, куда поезда приходили обычно ночью. Дверь распахнули: «Всем выйти! Быстро! Все оставить!» Под грозными криками несколько килограммов багажа из Терезина потеряли какое-либо значение. Подгоняемые страхом, заключенные высыпали на платформу. Никто не знал, что перрон означал границу между жизнью и смертью.

У Сони было какое-то предчувствие, которое осталось единственным воспоминанием. При отделении женщин от мужчин ей удалось вытащить отца из толпы и подвести его к растерянной матери, чтобы они могли попрощаться, поцеловать друг друга. Сама она скоро оказалась на другой стороне перрона, откуда увидела маму в последний раз. «Она искала меня глазами, но не находила меня. Я попыталась помахать ей, но видела только ищущий взгляд отчаявшейся женщины».

На этом Сонины воспоминания заканчиваются. Она вспоминает себя только ночью, когда их освободили из Аушвица, на том же пути. «И в последний день, когда мы ждали поезда, который должен был увезти нас отсюда, мы сидели всю ночь под открытым небом. Перед нашими глазами стояли картины горящих печей. Крематорий находился недалеко от вокзала, ночью красное пламя было особенно ярко. Мы дышали дымом, от которого шел ужасный запах». Когда поезд отошел, Соня поняла, что нет ничего страшнее Аушвица. Но этот кошмар, страшный сон никогда не забывается.

Как долго он длился, Соня точно не знает, «время как будто стерлось из памяти. Может быть, две недели? Они были так страшны, что я не могу их вспомнить». Из сообщений выживших в дальнейшем стало ясно следующее. Поезд 18.10.1944 доставил 1500 заключенных из Терезина в Аушвиц. На вокзале отобрали 60 мужчин и 320 женщин, остальных отправили в газовые камеры. Приблизительно через неделю поезд с 2000 женщин был направлен из Аушвица в Трахенберг (неподалеку от Бреслау), оттуда 1000 женщин отправили в Курцбах. Сониных родителей не было в числе работоспособных, их доставили прямо с перрона на смерть.

«Селекция» – это слово наводило ужас в бараке, где люди ютились по шесть и семь человек на одних нарах. «Мы не знали, что на самом деле произошло и были очень напуганы. Сначала мы сидели совершенно раздетые. Несколько раз в день приходила комиссия, отбирала самых худых. Их уводили.

В 6 утра мы должны были покинуть бараки для уборки. Раздетых нас выгоняли в темноту холодной ноябрьской ночи. Там мужчины с хлыстами и ремнями пересчитывали нас. Несколько часов мы должны были выстоять, и горе тому, кто падал! Мы видели, как голая цыганка из соседнего лагеря бежит до изнеможения вокруг барака, подгоняемая ударами хлыста.

Около 10 часов мы возвращались в бараки, и снова надо было стоять, ожидать отбора. «Они ищут, им опять нужна кровь», – эта весть распространялась быстрее молнии». Все должны были выстраиваться друг за другом, опять же голыми. Сколько их было, Соня не знает, она помнит только, что становилась всегда посередине. «Я радовалась, что была худой, что была не очень красивой и не очень приметной, я не становилась ни вперед, ни назад».

Врачи вели обманную игру, требуя крови. «Они обещали всем, кто сдавал кровь, двойную порцию хлеба. Ты... ты... и ты, так выбирали добровольцев. Их мы никогда больше не видели». О том, что творилось за стенами барака, они не знали. «Мы

не знали, что происходит вокруг нас, и все же какие-то вести проникали. Тогда-то у меня открылись глаза, я поняла, что произошло с моими родителями».

Росла боязнь перед собственной смертью. «Немецкие надзиратели были непредсказуемы. "Карос" тоже часто нас избивали. Лагерная полиция, состоявшая из самих заключенных, пользовалась огромной властью. Многие из этих надзирателей были не лучше немецких охранников, только оружия у них не было». Позже Соня узнала, что ее кузена, который был одним из них, голыми руками убили его же товарищи по несчастью. «Что он им сделал, мы никогда не узнаем».

Как-то женщинам из Сониного барака выдали тужурки, только наполовину прикрывавшие их наготу. У Сони было еще шелковое платье, доставшееся от кого-то из умерших. С двумя левыми деревянными башмаками это было ее единственной одеждой для транспортировки в трудовой лагерь в Курцбах, это все, что она могла взять с собой для работы в лесу в зимние холода. «Когда поезд привез нас в этот лагерь, мы подумали: будь, что будет, главное, Аушвиц – позади!».

Шестьсот женщин, прибывших в Курцбах, не могли считать себя людьми и в этом «трудовом лагере». «С головами, побритыми наголо, в жалких смешных лохмотьях на тощих, как жерди, туловищах мы были похожи на пугала, а никак не на людей». По утрам, выбираясь из хлева, где они ютились, шагая на работу, Соня засовывала под тужурку солому из матраса, чтобы немного согреться.

«Гетто Терезин». 1990 год.

Жизненно важным для них был вопрос, будут они идти в одну шеренгу или в две. «Когда надсмотрщики сопровождали одну колонну, их отношение было более или менее сносное, контролируя же две группы, они просто устраивали состязание, стараясь показать друг другу, на что каждый способен, некоторые были просто воплощением зла. Особенно мы боялись двух женщин – Грету и Эльзу. У всех были палки и пистолеты. Надзиратель Франц старался заботиться, когда мы оставались одни, о 14-летней девочке, потерявшей в лагере мать и целыми днями плакавшей. Тайно он давал ей иногда яблоки, но, если кто-то из охранников это замечал, он тут же убегал в хвост колонны, подгонять отставших. Все мы были хромыми "верблюдами" и могли разве что ковылять, изнемогая в наших деревянных башмаках».

Женщины впятером или вшестером поднимали тяжелые бревна и несли их на своих плечах. Приходилось проделывать путь до 10 километров, чтобы доставить их на

место. «Мне снились эти бревна, тяжелые даже для того, чтобы их поднять и взвалить на плечи. А ведь их нужно было нести много километров, не останавливаясь, по кривой дороге, а на ногах два деревянных башмака, причем оба не по размеру. Я была не столь практична, не стремилась занять более удобное место, где тяжесть бревна не так ощущалась бы. Я всегда попадала в конец или начало, где нагрузка была велика. На обратном пути через снег и ночь я размышляла, как сделать так, чтобы оказаться в середине. Может быть, я была не столь настойчива, но мне удалось сохранить определенное достоинство, что представлялось очень важным».

Соня страдала от задетого человеческого достоинства женщин, которые во время обеда вступали в борьбу за лишнюю ложку супа. «Чтобы получить еще каплю, женщины оттаскивали друг друга за последние волосы. Раздавался буквально звериный рев. Я стояла в стороне и не могла смотреть на происходящее, я воспринимала его как оскорбление человечества. Это был предел, больше бороться я не могла. И все же я выжила. Остатки жидкого супа, которые этим женщинам доставались, не могли восстановить их силы, хотя и казались счастьем».

Почти у всех женщин выпадали зубы. Соня пыталась каждый вечер закрепить шатающиеся зубы в деснах, чтобы они хоть немного еще продержались. У нее это получалось, возможно, благодаря юности или огурцам и помидорам, которые удавалось украсть.

Но никто не смог пережить этот лагерь без видимых повреждений. Сонины спина не была приспособлена для таких тяжестей, и все ее тело покрылось нарывами. Ее доставили в санитарную часть. Это был такой же барак, что и тот, куда их приводили по вечерам, но в нем было что-то похожее на кровати. Тужурку Соня отдала подруге: «ведь она должна была работать на улице, а я лежала внутри». Это ее поведение в условиях, в которых уже было невыносимо что-либо отдавать, явилось Сониным спасением.

Женщины из основного лагеря могли раз в день навещать больных. В один из таких дней подруга вернула Соне тужурку и сообщила: «Мы покидаем лагерь, русские идут! Говорят, что все, кто останется в бараке, будут расстреляны. Выбирайся отсюда и идем с нами!» Соня еле-еле приподнялась: «Я не могу идти», – сказала она. «Ты пойдешь, хоть ползком, но ты выйдешь отсюда!» – закончила подруга, которой уже самой надо было поторапливаться.

«Я очень устала и боролась с собой. Сознание победило, с большим трудом я встала и оделась. Но, когда подошла к двери, она оказалась закрытой снаружи. Под угрозой опасности возросла моя сообразительность. В углу стояли ведро и швабра. Я взяла их в одну руку, а другой стала барабанить в дверь. Надсмотрщик открыл: “Что такое?” – закричал он. “Я уборщица, мне надо выйти отсюда”, – крикнула я в свою очередь. Меня выпустили». Это было 22 января 1945 года. О дате сообщают исследователи судеб жертв поезда EQ. «Курцбах эвакуировали, а около 50 женщин, больных тифом или дизентерией, расстреляли». Там были все, кто остался в больничном бараке. Соня вместе с остальными шагала в «марше смерти», целью выживших был город Берген-Бельзен.

«Прежде чем выпустить нас из лагеря, комендант, который был не такой злой, как надзиратели, приказал сварить весь имевшийся картофель и раздать каждой по 4-5 картофелин. Мы должны были тут же их съесть, чтобы потом нести оборудование, которое комендант хотел спасти от русских. Надсмотрщики подгоняли нас, и кусок

застревал у меня в горле. Было ясно, что в ближайшие дни мы ничего не получим, но я отдала свою картошку тем, кто мог быстро глотать».

Потом они долго шли. Дни и ночи. Каждый шаг вызывал у Сони дикие боли. «Мы шли и шли, и все время сыпал снег, мы, конечно, ничего не ели и не знали, как долго еще идти, и куда ведет нас эта дорога. Чтобы выйти из строя, надо было получить разрешение, а отходить далеко не разрешалось. Впервые я спала на ходу, любая другая попытка отдохнуть означала смерть».

Караван остановился в темноте перед чем-то, напоминавшим сарай. Каким-то образом сквозь блеск снега удалось разглядеть открытые ворота. «Тут же началась суматоха, все устремились вперед, это было похоже на вырвавшихся из-под контроля лошадей. Вокруг нас, среди нас, повсюду – женщины, повсюду – люди. Нужно было попытаться найти безопасное место, где бы никто не наступил тебе на голову».

Когда Соня отыскивала себе такой угол и все утихло, с сеновала с диким криком свалилась группа женщин. «Это были венгерки, которые так долго пробыли в Аушвице, что забыли всякие правила совместной жизни, выработанные еще в Терезине. Они отобрали у нас одеяла, тужурки, платья и хлеб, который мы только что получили. Я все крепко прижала к себе, и они не справились со мной. У других все было украдено».

В этом сарае Соне снова пришлось принимать решение. Сначала распространился слух, что русские близко, потом комендант отдал приказ двигаться быстрее. Кто хотел остаться, должен был сам думать, что с ним может произойти, но никто не мог знать, что ждет их на этапе. «Ты все равно не сможешь идти дальше, упадешь в снег, ничего хуже уже случиться не может», – подумала Соня и осталась.

Приблизительно 35 женщин, которые не могли больше передвигаться и решили остаться, заперли в сарае. Через несколько дней они услышали, как дверь снова открыли. Пришла очередная партия заключенных. На сей раз всем приказали отправляться дальше, но предоставили несколько телег самым слабым.

Женщины Курцбаха еще более сплотились за это время. Энергичная Эльфи, всего на год старше Сони, взяла на себя руководство группой. После остановки в школе группа смогла отстать от колонны смертников. Но как передвигаться без документов? За время пребывания в лагере Эльфи научилась рисовать. Вместе с подругой Евой она отправилась прямо к бургомистру и объяснила, что они – это группа иностранных работниц, каких в этой местности было много. Тот вознамерился их арестовать и расстрелять. Но Эльфи добилась от него направления на близлежащую фабрику. Приказ бургомистра был тем документом, который женщины предъявляли во время многочисленных остановок на улицах. «Это был общий для всех документ, и в нем не говорилось, что мы – еврейки из концлагеря!».

Фабрика по разливу супа из котла по консервным банкам была подлинным счастьем для изголодавшихся женщин. Уже на следующее утро супа не было. Но сирены, оповещавшие об авианалете, заставили женщин покинуть фабрику, вскоре разрушенную. Документ потерял силу!

В пустовавшем крестьянском доме Соня и ее подруги нашли очередной приют, где смогли немного подкрепиться и отдохнуть. «Решили даже зарезать курицу, которую мне поручили поймать. Я всегда была осторожна, и это поручение мне не понравилось. Курица хлопала крыльями и кудахтала так, что на шум явился полицейский. Ему мы

показались подозрительными, он потребовал документы, чего мы больше всего боялись. Наше чешское происхождение он распознал быстро, а из-за отсутствия документов принял за шпионок. Мы находились в центре фронта, что было тяжело вдвойне. Последовало: ”Убирайтесь отсюда через четверть часа, или я вас расстреляю!”»

Женщины вновь оказались на улице, их путь лежал в Лигниц, где еще должен был сохраняться «порядок», ничего хорошего, как и «право», при немецком руководстве евреям не предвещавший. Они нашли еще один дом, хозяева которого позволили им немного отдохнуть и даже покормили. И в тот момент, когда решено было продолжить путь, вошел человек и объявил: «У меня есть приказ отвести вас всех к военному врачу». Выяснилось, что это любящая авантюры Эльфи навела его на след группы. Вместе с подругой она снова пошла своеобразным путем. Они выдали себя за медсестер, и врач из лазарета пригласил их к себе домой. Потом они намеревались догнать остальных. Находиться близ немецкого лазарета для чешских женщин было небезопасно, их могли обвинить в шпионаже. Узнав, что в Лигнице вместе с французскими военнопленными принудительно работают чешские женщины, группа отправилась туда. «Мы надели на наши бритые головы тюрбаны и платки, найденные на хуторе, чтобы нас приняли за членов рабочей бригады. Нам оставалось только объяснить, что в неразберихе наша группа осталась за линией фронта без документов и денег. Нас разместили в школе.

С наступлением ночи выключился свет. Чехи сделали это специально, чтобы бежать именно этой ночью. Поскольку мы только что прибыли, нас посчитали саботажниками. Явился штурмбанфюрер с пистолетом в одной руке и свечой в другой, приказал нам встать к стене и начал угрожать расстрелом. Тогда полуодетая Эльфи подошла к нему, взяла под руку и вывела за дверь, чтобы там разобраться. Мы остались дрожать в темноте. Потом Эльфи вернулась и сказала: ”Все в порядке, я его убедил”. Соня была уверена, что без вмешательства этой по-детски чистой, бесстрашной личности их всех бы расстреляли.

Георг Теллер с матерью. 1927 год.

И снова Эльфи помогла женщинам. Она объявила их «привилегированными чешками из немецкого протектората Богемии и Моравии», что давало им право жить под

одной крышей с немцами. «С платками на еще голых головах мы работали день и ночь в траншеях и на кухне. Это было достаточно опасно, так как в нас легко могли узнать узниц концлагеря. И было просто невероятно, что никто не спросил, почему мы так закутаны. Хотя в это время вопросов уже не задавали!»

Эльфи спасала группу не раз, «но в конце концов мы по ее же милости чуть не погибли». Она связалась с комендантом, слухи о ней и Еве дошли до высшего начальства, и оттуда пришло распоряжение: либо комендант, либо обе девушки должны исчезнуть. Эльфи и Еву перевели в другую деревню, но слухи о них быстро доходили до остальных.

«Однажды все кончилось. Когда обе женщины прогуливались с немецкими офицерами, их остановили полицейские. Первым было подозрение в шпионаже, чего они никак не могли опровергнуть. Решение сознаться, что они чешские еврейки, лишь ухудшило их положение». Они оказались в тюрьме.

Полиция знала, откуда они явились, так что через два дня пришли за остальными. «20 апреля, в день рождения Гитлера, нас вызвали на переключку. По порядку назвали всех семерых. Это был конец света. Нас снова схватили».

В тюрьме встретились вся девятка. Надсмотрщики объяснили им ситуацию: «Хорошая жизнь наконец-то кончилась, свиньи!» Ничто не говорило о том, что война и угроза жизни скоро останутся позади. Правда, кто-то из следователей сказал одному заключенному: «Фюрер умер!» «На следующий день нас увезли. На вокзале были приспущены флаги. Поезд привез нас в лагерь Метцдорф. И кто же нас там встретил? Герда и Ильза – надзирательницы из Курцбаха!» Но были и другие знакомые лица: друзья из Терезина, пережившие Аушвиц, тоже добрались до этого лагеря. Они поселились в разрушенной фабрике, им даже выдали по тарелке супа. А потом опять началась работа.

«Вернувшись с наступлением темноты, увидели наших надзирателей, убегающих на телегах. Штурмбанфюреры, бросив одежду, покидали фабрику, прихватив свое имущество. Издалека доносился гул русских танков. Мы решили, что с нами уже больше ничего не случится. Мне казалось, что настал самый счастливый день в моей жизни, и я тут же уснула». Утром заключенные узнали, что с ними могло произойти. «Бургормистр Варнсдорфа собрал нас у себя во дворе и сообщил, что у него есть приказ после ухода СС взорвать заминированную фабрику. Ему доложили, что в ней находятся женщины из Аушвица. Пожалел ли он нас или хотел обезопасить самого себя, но приказ не был выполнен. Это означало конец нашей тяжелой жизни».

Вскоре, 8 мая 1945 года, русские вошли в деревню. В честь праздника Победы они зарезали свинью и поделились едой с освобожденными. «Когда отзвучал "Интернационал", я вдруг поняла, что свободна, что мне не нужно больше бороться за свою жизнь – мы выжили! Но потом пришли слезы: у меня нет больше родителей, у меня никого больше нет. Почему я одна выжила, и что теперь ценится? Первые месяцы после освобождения были самыми тяжелыми для меня!»

Соня сидела среди своих освободителей, которым она могла доверять так же мало, как и другим людям до этого. «Русские обещали вывезти нас в Прагу или туда, где была наша родина. Но они не пришли, и мы, женщины, решили не ждать их, отправились пешком через горы. У нас на семерых был один велосипед, да еще детская коляска, которую я толкала перед собой. Одна из нас осталась, впоследствии мы узнали, что она вышла замуж за русского».

Сониной целью была Прага, из которой ее увезли 6 лет назад. Сойдя с поезда, она поняла, что не знает, куда ей идти. «Никого из знакомых не было!» В их квартире уже давно жили другие люди. И чем она могла доказать, что является дочерью хозяев, о которых не осталось никаких записей. «Никто не знал, кто я, а у меня не было никаких документов».

Денег, чтобы где-нибудь переночевать, у Сони тоже не было, она пошла в еврейскую общину. «Там я снова получила номер, съела тарелку супа и уснула на полу, подстелив себе мешок с соломой. Что они еще могли сделать со всеми вернувшимися, которых никто не знал, у которых не было пристанища?» Соня пыталась что-либо сделать на свой страх и риск. «Я бегала в поисках хоть кого-нибудь из знакомых. Или в этом мире уже никого не осталось, кто мог бы меня узнать?»

Перед одним домом она остановилась, вспоминая, что здесь жила супружеская пара, бывавшая раньше в их доме. В то время эта женщина казалась Соне пожилой. Она была еврейкой, но жила в так называемом привилегированном (смешанном) браке. «Я позвонила. Дверь открыли, они были дома и тотчас меня узнали. У меня подкосились ноги – меня узнали! Я поняла, что не нахожусь больше в пустом пространстве, я – опять я!»

Они нашли кузину матери, которая тоже жила в смешанном браке, она и приютила Соню. Но девушке очень хотелось разыскать свою самую близкую родственницу, быть может, выжившую, – свою сестру. Из последнего сообщения о ней, чудом просочившемся в Терезин, она знала, что ее сестра не поехала в Англию со своим женихом и его семьей, а осталась одна и через Францию из Италии добралась до Швейцарии, хотя это и было очень рискованно. Там она и осела. Но где? Этого Соня не знала.

«Каждый день я ходила к соответствующим властям. Мне дали разрешение на швейцарскую визу, но достать паспорт было сложно. И как добраться до Швейцарии? Поезда не ходили. Однажды я остановилась на Вацлавской площади около машины с буквой S – признаком Швейцарии. Через два часа пришел водитель, и я попросила его взять меня с собой, но он только спросил: "В Швецию?"»

Потом Соня ежедневно ходила в Красный Крест, надеясь дожидаться грузовика, привозившего лекарства из Женевы. Возможно, он захватил бы ее с собой. Ее путь из дома маминой кузины проходил мимо здания, где размещалось радио. И однажды что-то подсказало ей, что надо бы и туда зайти. «Мысль, будто молния, промелькнула в моей голове. Как же я раньше до этого не додумалась? На мой вопрос, не может ли он мне чем-нибудь помочь, мужчина в окошке, выслушав мою историю, ответил: "Девушка, дорогая, вам повезло. Сегодня вечером мы передадим в Швейцарию имена людей, которые ищут родственников. Вот вам бумага и карандаш, напишите, что вы хотите сообщить"». Соня написала свои имя и адрес.

Последнюю весточку от родителей и сестры Милена Шварц получила из Терезина. В 1944 году Швейцария с трудом спасла два поезда, шедших оттуда. У людей из этих поездов Милена пыталась что-либо узнать о своих близких. В тот вечер она сидела с блокнотом и ручкой у радиоприемника своего соседа в Цюрихе, где работала в чешском консульстве. «Когда она услышала мое имя, ручка выпала у нее из рук, она не могла ничего записать. Записали другие и передали ей. Так я получила телеграмму с адресом сестры».

15 августа заканчивался срок действия визы, которую Соня получила в Праге. В тот же день она пересекла швейцарскую границу вместе с каким-то «сомнительным типом», с которым сестра договорилась в консульстве. «Когда мы приехали в Цюрих, моя сестра с будущим мужем отправилась в Берн, чтобы продлить мою визу. После шести лет разлуки должна была наконец состояться их свадьба». Соня чувствовала себя счастливой. «Я была в Швейцарии, на свободе, вместе с сестрой!»

Но муж сестры тут же увез свою молодую жену в Лондон, и Соня осталась в комнате сестры в Цюрихе наедине со своим страхом. «Я боялась выйти на улицу, не говоря уж о том, чтобы зайти в ресторан пообедать, не воспользовалась и билетом на фильм "Последний шанс". Меня охватывала паника, когда я оказывалась среди людей, и мне казалось, что надо куда-то бежать». Но как и в начале преследований и травли, закончившихся изгнанием из школы в Праге, Соня нашла смысл дальнейшей жизни в рисовании. Муж сестры попросил одного из своих знакомых разрешить ей рисовать в его студии два раза в неделю. Так появилась цель, которую надо было достичь, чтобы выразить с помощью искусства то, что лежало у нее на сердце.

В тот период Соня всем была обязана меценатам, найти которых было очень важно. Ее пригласила в гости пожилая пара в Цюрихе. Их дочери ее возраста уже носили длинные вечерние платья. Казалось, все ужасы, пережитые Соней, это лишь ее собственный мир. Через какое-то время Милена забрала ее в Англию, где девушке пришлось привыкать к матери ее мужа, его старой тете и брату. Они жили в одном доме и ели за одним столом. У нее возникло множество проблем. «Милене и раньше было тяжело, а теперь еще появилась я. Мне было не легче, так как я все делала неправильно».

И снова на помощь пришло искусство. Получая от мужа Милены 5 фунтов стерлингов в неделю, она смогла посещать школу искусств в Кемберуэле. «В первые годы после войны в этой школе преподавали известнейшие английские мастера, которые позже разошлись по академиям. Под их влиянием, в творческой атмосфере я чувствовала себя "заново родившейся", снова чувствовала твердую почву под ногами, мое развитие продолжалось. Я работала, как одержимая. Некоторые мои картины в конце года были представлены на выставке, одна удостоилась премии. Я почувствовала себя художницей. Но тут сестра, стремившаяся заменить мне маму, вырвала меня из этой среды».

Жизнь эмигранта была сопряжена с определенными финансовыми трудностями, в связи с чем родственники, испытывая постоянный страх, настояли на том, чтобы Соня получила практическое образование, научилась шить и кроить. Переход в другую школу был печальным событием. Позже ей удалось найти работу в качестве модельера, но доверяли ей только технические рисунки; творческий импульс угасал, а вместе с ним и радость жизни. «Я чувствовала себя больной, меня часто тошнило, а врачи не могли найти причины этого». В таком состоянии Соня познакомилась в лингвистическом клубе со своим будущим мужем Георгом Теллером.

У Георга и Сони были общие культурные истоки. Георг родился в Вене, бывшей столице Габсбургской империи, которая до 1918 года была «прообразом единой Европы», соединив в себе несколько стран. Теллеры уже несколько веков жили в Австрии. «В то время произошло какое-то событие, – рассказывает Георг Теллер, – превратившее барона фон Функа, предка моей матери, в рыцаря. Он был капитаном линкора австрийского флота под командованием известного адмирала Тегетоффа. Моя мама была весьма эмансипированной; она получила аттестат зрелости, продолжала свое образование, будучи уже замужем, работала и была очень деловой. Все это помогло ей во время эмиграции спасти жизнь всей семье. Отец увлекался альпинизмом, был председателем

клуба альпинистов в Дунайском районе, где он облазил многие вершины. Иногда он брал меня с собой. Во времена монархии он был членом австрийской социал-демократической партии. Любил музыку, особенно великие оперы начала века.

В венском кафе, где он встречался с клиентами фирмы, основанной им вместе с другом, он часто дискутировал об искусстве и политике».

До прихода Гитлера Теллеры были «нормальной венской семьей». Годы с 1934-го и до аншлюсса, когда парламент и демократия в Австрии перестали существовать и было образовано сословное, корпоративное, государство по примеру Италии, предсказывали скорые перемены. Георг видел, как в школе антисемитизм, который поначалу был еще скрытым, вдруг стал откровенным.

«Наш учитель религии, раввин с белой бородой, приходил в школу раз в неделю; он проходил во время перемены через двор, потом поднимался по лестнице к классной комнате. И вот наступил день, когда все началось: стоявшие во дворе и в коридоре ученики встретили его смехом и гулом, оплевали, согнали вниз. Я не мог понять, как этот несчастный человек мог после всего этого давать урок, но у него была семья и нужно было зарабатывать на жизнь. Это был мой первый взгляд в будущее: достойный, добрый пожилой человек был высмеян, оплеван.

Вместе со штурмовиками и эсэсовцами появился страх, главная черта жизни при диктатуре. Непрерывно звучали пропагандистские лозунги. Люди должны были думать, как им выскользнуть из затягивающейся петли, спасти семью. Не каждый был участником движения Сопротивления, и я не знаю, что бы я делал, если бы оказался на другой стороне».

Для шестнадцатилетних школы были закрыты уже через несколько недель. Тогда его мать начала действовать. Прежде всего она попыталась забрать сына с улицы и поручить его заботам своего знакомого, который по заданию одного голландского квакера основал благотворительную организацию для евреев, не принадлежавших к религиозной общине. «В Австрии, как и в Германии, многие евреи в начале века крестились, затем то же самое сделали их дети, в противном случае им был недоступен ряд профессий. Но после принятия закона о национальностях их снова стали считать евреями. Мы пытались взять шефство над этой группой».

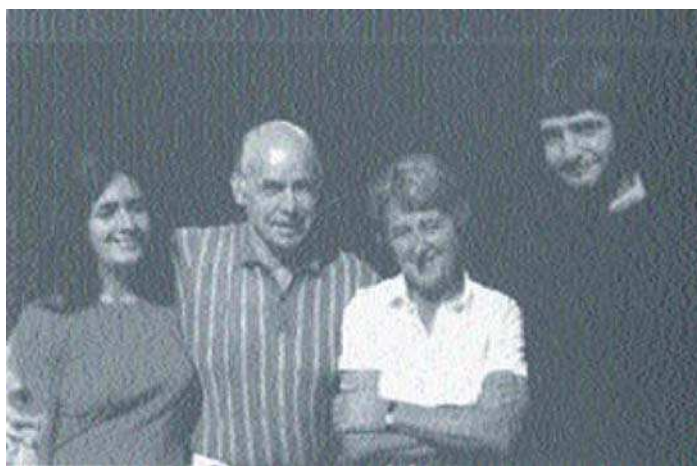
Как срочны были все эти меры, показало 9 ноября 1938 года. «Мой отец и я были дома, когда раздался стук в дверь. Уже тогда следовало бояться, но если бы мы не открыли, выломали бы дверь. Группа молодых штурмовиков ввалилась в квартиру, и нас увели обоих. На следующий день повели на работу. Нацисты не знали, что им делать с тысячами схваченных, и кто-то предложил использовать их на мытье асфальта на тротуаре. Нам выдали ведра и щетки, ползая на коленях, мы стали мыть асфальт. Люди останавливались, смотрели, некоторые веселились, другие плевались и уходили».

Когда Георг увидел, что их с отцом разделили по разным группам, он, не задумываясь, решил бежать. Ему было 16 лет. «Люди более старшего возраста не могли осилить такое. Отца продержали в казарме еще 3 дня под надзором. Его, к счастью, не отправили в концлагерь, но он совсем пал духом».

Жизнь в Австрии кончилась, это ему было ясно, а вместе с этим исчезла и его воля к жизни. Потребовалась вся энергия матери, чтобы найти для сына, а потом и для себя возможность уехать. В последнюю минуту, за три дня до начала мировой войны, ей

удалось вызвать и мужа в Англию. «Он с трудом прижился, все было чуждым для него, языком он не мог овладеть. Это был конец его мира, нашего мира, неопикуемой венской среды, частью которой он был».

Георг первым покинул Вену. После ареста 30 тысяч евреев в «хрустальную ночь» он был вывезен вместе с другими детьми из Германии и Австрии в Англию, единственную страну, которая тогда принимала евреев. «Три–четыре месяца мы жили на побережье в английских летних домиках. Там не было отопления, все было по-спартански, но для нас, мальчишек, эта жизнь была полна приключений».

Семья Теллер. Дюссельдорф, 1980 год.

В марте матери Георга удалось получить место домработницы в английской семье около Ливерпуля, и она смогла забрать сына к себе. «Все женщины, которые имели счастье приехать в Англию, были служанками. Эта единственная работа позволяла им получить визу». Аранка Теллер умела отлично печь диетические пироги, специализировалась она на питании для раковых больных. Она работала у известного врача по онкологическим заболеваниям профессора Фрейнда, ездила по всей Европе, чтобы помочь больным своей диетой. Среди них были больные из английской королевской семьи, которые и помогли ей с визой. Одна пациентка из Франции рассказала ей о семье одного квакера, которая уже помогла многим людям. Она записала их адрес и отправила им письмо, когда выхода у нее уже не было. После отъезда Георга и пришел ответ от миссис Валлис из Ливерпуля с приглашением служить у нее домработницей.

«Целый год я могла жить в этой семье. Валлисы были аскетами. Ему было 80 лет, ей – 78. Они спали на сколоченной из простых досок кровати и ели почти исключительно сладкий крем. При этом они держали трех поваров, бесчисленное количество горничных и шестерых садовников, всего 36 служащих. Вот один из примеров их человечности, запомнившийся мне. Каждое воскресенье в дом приходил какой-то рабочий, которого поили чаем, затем посылали наверх мыться. Через некоторое время я заинтересовалась, кто такой этот человек. Выяснилось, что он вор, который однажды обокрал их большой дом. Госпожа Валлис навещала его в тюрьме и узнала, что он безработный. После освобождения он жил в страшной нужде, и она предложила ему приходить каждое воскресенье к ней домой».

После этого Георг уже не удивился, когда она, прежде чем дать ему рекомендацию для получения работы, попросила его снять обувь и носки, чтобы проверить его ноги. В рекомендации было написано: «Особенно чист».

К сожалению, Георг смог получить место лишь на несколько месяцев, хотя он и был единственным мужчиной среди 40 женщин. После окончания войны в Польше Англия занялась своей обороной, а мужчины, как правило, были уже призваны. Когда немцы вошли в Голландию, Бельгию и Францию, возникла угроза оккупации Англии. Из страха перед пятой колонной стали проводить мероприятия, вызванные только паникой. «Немцы и австрийцы, нацисты и антифашисты, а также еврейские эмигранты – все были интернированы на остров Мен. Мы с отцом оказались в их числе. Условия в бывших пансионах на озере за колючей проволокой мне, молодому человеку, было легче перенести; кроме того, мне все там было интересно и поучительно. Среди нас были профессора, которые открыли различные курсы; я стал заниматься стенографией. Это время явилось для англичан самым тяжелым кризисом, битвой за Британию, которую Гитлер "почти выиграл". Об этом мы еще ничего не знали, но в мои 18 лет я понимал одно, если придут немцы, мы погибнем». Но несмотря на опасность, по настоянию депутатов парламента еврейских эмигрантов из лагерей для интернированных освободили. Георг смог вернуться на работу в текстильной промышленности. Закончив учебу на вечерних курсах заочно, он получил диплом инженера. В 1949 году они встретились с Соней, а в 1951-м поженились.

Это было счастье, что Георг вошел в Сонину жизнь и смог защитить ее теми средствами, которые предоставили ему англичане. Пока врачи пытались определить причину ее болезненности, она сама пришла к выводу: «Это, должно быть, нервы, которые показывают, что во мне что-то надломилось». Этой мыслью она поделилась со своим австрийским терапевтом, и тот послал ее к психиатру.

«Наконец я пришла к заведующему психиатрическим отделением больницы. Он сидел за большим письменным столом, набирая номер по телефону. Меня сразу же сковал страх. Жестом он показал на стул, продолжая уверенно разговаривать по телефону. Потом он бросил на меня пронизывающий взгляд и спросил, не прерывая разговора: "Как обстоят дела с вашей сексуальной жизнью?". Соня тут же отреагировала: «Спасибо, очень хорошо». Встала и вышла.

«Этот врач не для меня», – сказала она своему терапевту, который направил ее к другому психоаналитику. Но все дело было в том, что этот врач занимался частной практикой, и каждое его посещение стоило больших денег. «Ему я доверяю, и могу рассказать все», – заявила Соня после первого же визита.

Георг был уверен, что психоанализ должен облегчить последствия тяжелых переживаний, которые он сознательно разделил со своей женой. Но пять фунтов, а именно столько стоил один сеанс, длившийся 45 минут, были как раз теми деньгами, которые нужны были каждому в неделю на еду. «И тут мне помогла подруга детства из Вены, Хэнси Кеннеди. После нашей эмиграции в Англию мы никогда не прерывали связь. Эту самую юную эмигрантку Анна Фрейд взяла в свою клинику ухаживать за детьми, пострадавшими во время войны. Она считалась детским психиатром. Основную часть работы в своей клинике Анна Фрейд выполняла, не получая никакой платы, ее сотрудники также трудились по собственной инициативе и бесплатно. Хэнси Кеннеди знала, что каждый член Лондонского психиатрического общества взял на себя обязательство лечить одного пациента, которому это было необходимо в связи с его состоянием, бесплатно». Соня, как никто другой, подходила под это условие.

Таким образом, доктор Тышлер, польский иммигрант, пользовавшийся доверием Сони, стал ее психиатром. «Это был удивительный человек, и он помог мне». В течение четырех лет еженедельные четырехчасовые сеансы не казались ей

обременительными. А вскоре заявила о себе дочь Моника, а позже и сын Ники. Сеансы прекратились, и началась счастливая жизнь матери. Физические симптомы исчезли уже через несколько месяцев. «Он очищал мою прошлую жизнь, как лук, и с каждым новым слоем возникали новые проблемы. Но я верила в благоприятный конец. Я все смогла бы преодолеть, если бы существовал иммунитет против каждого воспоминания. Но иммунитета у меня не было». Обследования у доверенного врача в немецком посольстве, когда выяснялись детали для получения пенсии из фонда восстановления жизненного уровня, активизировали травматические переживания. Психиатр помог ей ответить на многочисленные вопросы, погружение в которые было невыносимо для всех, кто пережил то, что невозможно описать.

«За это врачи требовали от своих пациентов высокую плату, Тышлер же не хотел брать с меня ни пфеннига». Теллерам было ясно, что он должен получить хотя бы часть тех денег, которые им выделил фонд.

Продолжительная дружба с Хэнси Кеннеди и ее семьей помогла Теллерам послать детей в детский сад Анны Фрейд, где и Соня могла получить советы по их воспитанию. Научной работой Анны Фрейд и ее помощников в те годы было сравнение поведения «нормальных» детей и детей, переживших Терезин и взятых ею в Англию под свое покровительство. «Хэнси Кеннеди, которой Анна Фрейд в дальнейшем передала руководство клиникой, я обязана анализом, как своим собственным, так и своих детей», – с благодарностью говорит Соня сейчас, находясь в Германии, где проблема жертв Холокоста еще и сегодня воспринимается тяжелее, чем в окрестностях Лондона.

Предложение занять интересную руководящую должность в представительстве американской фирмы в Германии было для Георга «громом среди ясного неба». «У меня были трудности в связи с прошлым моей жены. Как раз в Англии она обрела смысл жизни. Подобно другим эмигрантам, мы говорили со всеми по-английски. И мы, люди старшего поколения, до сих пор сохранили акцент». Но Соня не хотела быть препятствием для мужа.

«Из-за меня муж не мог принять решение, это должна была сделать я. Мне хотелось доказать себе, что будущее не должно пошатнуться из-за прошлого, хотя мысль о возвращении в Германию была для меня тяжела еще перед самым отъездом. Америка могла стать для меня страной будущего, но ехать из Англии на Восток означало для меня дорогу в пасть льва». Когда же Соня увидела, как фирма заинтересована в ее муже, она сказала детям: «Мы переезжаем в Германию!» Она считала, что обещанное детям нужно выполнять. Монике было 8, а Нику – 5 лет.

«С детьми все было в порядке», сначала английская начальная школа в Дюссельдорфе, затем немецкая гимназия. Директор гимназии имени Теодора Флиднера, в которой училась Моника, была членом христианско-еврейского общества. Она относилась к Соне по-матерински, когда та приходила со своими проблемами. В обмене между гимназией и молодым Израилем активно участвовали и школьники. Во время войны 1973 года Моника с группой ребят работала в одном израильском кибуце на сборе цитрусовых.

Ники прекрасно чувствовал себя в гимназии имени Макса Планка. «После войны антисемитизм в Германии не ощущался, – вспоминает Георг. – Это было время, когда каждый был семитофилом». Но Соню настораживал менталитет, «когда все говорили шепотом». Она не знала, каковы мысли окружающих на самом деле, никто не был открыт, ни слова понимания, сочувствия, отречения от страшного прошлого.

В своей квартире она наслаждалась комфортом, которого было гораздо больше, чем в Лондоне. Там ей приходилось таскать ведра с углем из подвала, и это с поврежденным на принудительных работах позвоночником. Прошла не одна неделя, прежде чем она первый раз села в трамвай. «Однажды в трамвай вошел солдат в униформе, в сапогах и фуражке. Я вся сжалась от страха и думала только о побеге, как и раньше при виде немецкой формы».

Однажды в отсутствие Георга Соня вызвала такси, чтобы ехать в синагогу. Когда она вернулась домой, ее охватил страх: «О Б-же, таксист теперь знает, где я живу, что я еврейка, иначе зачем бы мне было ехать в синагогу!» Всю ночь она провела без сна, ожидая, что кто-то вломится в ее квартиру или по меньшей мере разобьет стекла.

Она умела сама анализировать свое поведение и решила пойти к психиатру. «Я думала, что получу облегчение. Но из этого ничего не вышло. После нескольких сеансов, когда врач узнал кое-что из моего прошлого, у меня создалось впечатление, что ему стало жутко. Я чувствовала то, что потом установила точно: люди не хотят знать ничего подобного, они отключаются, когда должны услышать такое. Совет не заниматься больше этими вещами, по-моему, выражал его личное желание».

Однако вскоре Соне снова пришлось отправиться к психиатру, доверенному врачу, который должен был установить, не следует ли ей уменьшить пенсию. «Это выглядит, как обычное дело, через которое приходится пройти, чтобы не оказаться в убытке», – считал Георг, но для Сони даже час обследования был равносильен гибели. «Врач безжалостно выпрашивал меня о самых жутких деталях, в конце концов я действительно заболела. Ужасные сны, тошноты, испуг – все снова. Еще не узнав о рецидиве болезни, психиатр отослал заключение о том, что мне намного лучше и пенсию мою можно сократить». Много лет и в дальнейшем этот «допрос» сказывался на здоровье Сони.

С самого начала супругам предлагалось общаться с единомышленниками. Имелась в виду, конечно, еврейская община, потом это было Общество христианско-еврейского сотрудничества, которое объединяло дюссельдорфцев, пытающихся восстановить грубо оборванные нити дружбы немцев с евреями. «Этих людей не нужно было спрашивать, чем они занимались раньше, не нужно было бояться, что кто-то из них служил в СС». Но они никогда не задавали Соне вопроса, который часто возникал в английском и американском клубах: «Как можешь ты сейчас жить в Германии?» И Соня могла ответить: «Могу и счастлива. Я приспособилась». То, что слышалось в этих вопросах, было ей понятно: «Нам не нужно вдаваться в подробности». Соне самой было унижительно говорить о прошлом, но было больно, когда другие не хотели подпускать ее к себе.

«Даже те, кто знают, что мы евреи, через что прошла моя жена, не спрашивают, как это было, – говорит Георг. – Если тебе не задают вопросов, начать самому рассказывать невозможно. Люди должны проявлять какой-то интерес». Соня утверждает: «К нам относятся так же, как и к другим: плохо ли, хорошо ли, нам не на что жаловаться. Но мне чего-то не хватает, иногда сочувствия, понимания, знания о прошлом».

При этом страдания, связанные с прошлым, – излюбленная тема людей ее поколения. В теннисном клубе, во время игры в бридж, в других местах часто говорят о войне и побегах. Соня неохотно упоминает название своего родного города, Праги. Воспоминания о нем у многих самые приятные, а для Сони это всегда боль. «Люди раньше были разделены на два лагеря». Но и сейчас никто не хочет задуматься над

жизнью маленькой еврейской девочки, изгнанной из занятого немцами района, не имевшей возможности даже ходить в школу.

Как-то во время небольшого обеда, устроенного Соней, одна немецкая супружеская пара, с которой Теллеры играли в бридж в одном международном клубе, начала рассказывать о том, как люди голодали в Германии во время войны. Когда Соня внесла десерт, дама сказала, что о таком они даже мечтать не могли. «То, что для вас было голодной диетой, этот кукурузный хлеб и эти супы, для меня в Аушвице было лакомством!» – возразила Соня. Затем последовали воспоминания гостя о голоде во французском плену, где для их перевоспитания им показывали фильмы со скелетами из Аушвица, которым они еще могли «позавидовать». Оправившись от первого шока, Георг и Соня попытались объяснить этим людям, что за преисподняя этот Аушвиц, но ответом была фраза: «У каждого свой ад!» И после этого они улыбались, играя в бридж.

Георг критически относился к тому, что средства массовой информации наводнены рассказами о сжигании людей. И сам он прекрасно понимал, почему люди выключают эти программы. Наверно, нет уже такого человека, который не соприкасался бы с этим. Однако информация обрабатывается часто поверхностно, не пробуждая человеческого участия. По крайней мере, в дальнейшем это никак не проявляется. Может быть, некоторые просто сдерживаются, поскольку им становится неудобно, другие сознательно не хотят в это вникать, для них данной темы нет вовсе!

Иначе складываются для Георга и Сони отношения с поколением их детей. У них есть свои друзья, своя гордость. Ник не стал бы принимать гостей матери, для которых не существует жертв Аушвица, не стал бы проводить из-за них ночи без сна. Моника замужем за немцем, для него национал-социализм – «слабоумие». Он не может себе представить, что люди были способны на такое. Георг пытается объяснить ему, как диктатура изменяет людей с помощью страха. А Соня считает: «Я бы тоже ни слова не сказала, боялась бы за семью».

Поколение родителей, которые это пережили, ничего не рассказывало своим детям, о прошлом просто умалчивали. Поэтому молодежь часто не знает, как вести себя, сталкиваясь с отдельными судьбами. Даже в семье это нелегко понять. То, что за вопросом должно следовать сочувствие, сопереживание, что слова будоражат мысли, о которых еще никто и не догадывается, молодые должны узнавать, только ощутив боль тех, кого это коснулось. Уже одно воспоминание, связанное с немецким отношением к этой проблеме, может привести к взрыву. Кто-то может подумать, что имеют в виду именно его, и просто отказаться от разговора.

«Человеку, преодолевшему боль, это не свойственно, – сдержанно, по-английски, говорит Георг. – Но если кто-то, будучи немцем, чувствует себя обиженным этим, он тут же соотносит себя, не задумываясь, с теми немцами, которые были преступниками». До этого момента Соня ничего не говорила о своих переживаниях. Но только не для того, чтобы помочь умолчать об этой части истории тем, кто очень хочет, чтобы не вступали с ними в дискуссию. «У немцев своя история, с которой они должны жить. Это подобно тому, как человек не уходит из семьи, даже если он покончил жизнь самоубийством, – считает Георг. – Люди должны больше заниматься этой проблемой, так как, не осудив преступление, мы станем наследниками именно этой части истории».

Георга Теллера часто спрашивают: «Почему после всех этих тяжелых переживаний вы живете в Германии?» Его личный ответ: необходимо разяснять прошлое, чтобы принять его продолжение в любой форме. Являясь членом правления

христианско-еврейского общества, он работает со своими друзьями из обеих конфессий и ведущими деятелями культуры этого города.

Георг считает, что каждый может и должен вносить свой вклад согласно его возможностям. «Я рад, что могу участвовать в этом деле, что больше не чувствую себя в Германии чужим».

После открытия границы с Чехословакией Георг и Соня посетили до сих пор реально существующие следы ее прошлого. Еще тяжелее, чем открыть дверь дома, где она родилась, было посетить чешский дом на окраине Старого города. Люди, которым она привезла посылку из Германии, знали судьбу Сони. «Они жаловались на последние военные годы, которые я уже не пережила в Праге. Но стоило мне упомянуть, где я была в это время, как женщина начала причитать с новой силой. Терезин и Аушвиц так и не слетели с моих губ». С ужасом Соня осознавала то, что знала: «Для них это просто не существовало».

Многие чешские сограждане очень хорошо сумели приспособиться – «пошвейковски». Эти двое до сих пор считали, что при Гитлере было и что-то положительное, например порядок и спокойствие на улицах. «В тот момент я чувствовала то же, что уже испытала однажды! Эта женщина напомнила мне нашу домоуправительницу в гетто в Старом городе. Когда нас переселили туда в маленькую комнатку, мы смогли взять с собой совсем немного мебели, в том числе небольшой шкаф с красивым гобеленом на двери. Накануне нашей отправки, вечером, она зашла попрощаться. Очень сожалела по поводу нашего вынужденного отъезда, поглядывая на шкаф с гобеленами, и я уже знала, что на следующий день она придет, чтобы его забрать».

И еще один образ вызвали в Сониной памяти эти пожилые пражане, стремившиеся к порядку. Это был один полицейский в маленькой деревне, где она провела свои лучшие каникулы, когда еврейские семьи уже нигде не принимали. Там у ее дяди был небольшой трактир, где по вечерам за большим столом собирались односельчане. У него была также лицензия, позволявшая ему варить пиво, он содержал магазинчик и кегельбан. Сюда в свободные вечера заходил один полицейский, чтобы выпить свою кружку пива и сыграть на кегельбане.

Дядя был женат на нееврейке и жил в привилегированном браке. «Это был уродливый калека, но удивительный человек. Вместе со своими двумя сыновьями он сделал мои каникулы удивительными. На телеге, которую он одолжил на день у своего соседа, чтобы купить продукты, мы привезли с вокзала еврейских детей-сирот, которых он взял к себе на месяц из еврейских общин».

Эта идиллия завершилась трагедией уже после отъезда Сони. Тот самый полицейский, постоянно сидевший в дядином трактире, однажды увидел дядю после восьми часов вечера, что было запрещено, в его собственном дворе да еще без еврейской звезды на одежде. По доносу этого полицейского дядю на следующий день арестовали и отправили в Аушвиц.

Оба его сына тоже попали в Терезин и Аушвиц. Младшему, эпилептику, не позволили жить долго. А старший, пережив Аушвиц, вернулся к матери. Когда Соня и Георг вместе с ним посетили его родительский дом в деревне, они нашли там все, как и прежде, но в еще более печальном виде, а одна старая крестьянка вспомнила, как Соня еще с бритой головой в 1945 году искала здесь своего дядю.

Георг и Соня посетили также и Терезин. Маленький гарнизонный город выглядел серо, как и все деревни и городки этой местности. «За 40 лет там ничего не изменилось. На здании, где мы остановились, была прикреплена табличка с едва различимым чешским текстом, приблизительно такого содержания: «В этом доме жили сотни пленных, которые пробовали петь "Реквием" Верди под управлением дирижера Шехтера и тем самым облегчили себе жизнь». Ни о евреях, ни об узниках концлагеря не было и речи». В так называемой маленькой крепости, которая всегда была тюрьмой, расположился музей. Коммунистический режим создал там памятник чешскому сопротивлению, но нигде не упоминалось, что остатки крепости стали лагерем, в который были брошены 60 тысяч евреев только за то, что они были евреями, не имевшими возможности оказать какое бы то ни было сопротивление.

Георг и Соня шли вдоль казарм, уже стемнело, и Соня узнала ту, которую она никогда не забудет. Через одни из двух больших ворот она хотела попасть во двор, но сторож закрыл их и снова появился, когда она подошла ко вторым, где произошло то же самое. Соня была уверена, что именно в этой казарме их собрали перед отправлением в Аушвиц. «Это был шлюз, названный так, потому что через него пропускали дальше, в Аушвиц».

В октябре 1944 года Соня находилась там с родителями, ожидая поезда. «Вагоны не пришли ни в первый, ни на второй, ни на седьмой день. И тогда мы сказали: они не придут, для евреев у них нет больше вагонов, они нужны для отправки на фронт. Но потом они пришли».

Георг сомневался, что Соня узнала место. «Там не было видно никаких рельсов». Но потом они обнаружили часть рельсов, которые остались, и снова увидели табличку с надписью на чешском языке: «Здесь проделали свой последний путь десятки тысяч заключенных». Но то, что это были евреи, опять же не сообщалось.

Неужели в странах бывшего Восточного блока, арендовавших антифашизм, умолчали о евреях? Этот вопрос должен задать себе западный посетитель, которому приписывают фашизм. Георг Теллер, который уже 40 лет служит христианско-еврейскому взаимопониманию, думает над тем, какие проблемы еще нужно решить в объединенной Германии. Разъяснение и взаимопонимание остаются для Георга и Сони делом их жизни, и примирению служит их протянутая рука.

Ī ādāāā nī āi āvēīā ē ī āāēēāāōēy

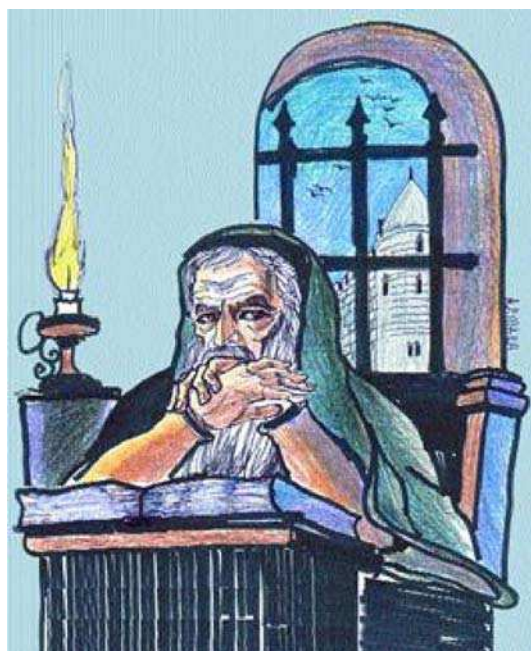
Ī ēī ū Āūīūēēīīē

ОТЕНБУРГСКИЙ РАВВИН

И אדעוין עיני אי

Окончание.

Начало в № 7 (99), 8 (100)

Глава девятая

КРОВАВАЯ МЕСТЬ

Проломив ворота, они с шумом ворвались внутрь гетто. В окнах домов появились испуганные лица евреев, страх застыл в их глазах. То, что они увидели, вызвало у них ужас: это было нападение на гетто.

Все дома гетто были окружены, в них начались обыски, причину которых никому не объясняли. Спустя три часа наконец было найдено то, что искали – рабби Меир, который спокойно спал на одном из постоянных дворов. Закованного в цепи, его повели к городскому голове, графу Мейнгарду фон Герцу.

– Почему ты бежал из Ротенбурга? – спросил граф у рабби.

Ничего не скрывая, беглец рассказал свою историю. Он объяснил, что при всем своем желании выполнить приказ императора ему не удалось собрать даже части суммы, которую от него требовали. И чтобы спастись от монаршего гнева, он не нашел для себя другого выхода, кроме побега.

Граф был человеком великодушным. В доме его находили пристанище ученые и мудрецы, художники и поэты. Он был умен и обладал добрым сердцем. Правдивые объяснения рабби пробудили в нем чувство сострадания к незаслуженно гонимому

незаурядному человеку. Ему не надо было доказывать, что в течение нескольких месяцев невозможно было собрать ту огромную сумму, о которой шла речь. Однако помочь рабби Меиру он был не в силах: предоставив ему свободу, он навлек бы на себя гнев императора. Граф постарался хотя бы облегчить несчастному условия заключения и прежде всего распорядился снять с него цепи.

На следующий день реб Моше отпустили на свободу, не найдя причин, чтобы держать его в тюрьме. Веселый и довольный вышел он на улицу, поднял глаза к небу и произнес слова благодарности Б-гу за то, что спас его. Не представляя себе, какая опасность нависла над его дорогим хозяином, он побежал к постоялому двору, где остановился рабби Меир, рассказать ему о том, что с ним случилось, и о встрече с выкрестом Кнеппе.

Кровь застыла в его жилах, когда он узнал, что рабби, как преступника, отвели в тюрьму. Минуту он стоял, пораженный, с раскрытым ртом, затем разрыдался. «Я виноват в том, что произошло, — горько сетовал он. — Не расхаживал бы я по улицам, этот злодей не узнал бы, что рабби находится в городе».

Охваченный отчаянием, реб Моше качался из стороны в сторону, заламывая руки и не переставая плакать. В какой-то момент он перестал качаться, вытер слезы — в голове его возникла ужасная мысль. Взгляд старого слуги остановился на блестящем стальном ноже, лежавшем на столе. Быстрым движением он схватил этот нож и засунул его во внутренний карман своего плаща, выпрямился, его лицо приобрело жесткое и гневное выражение, в глазах блеснул странный огонь. «Грязный выкрест должен заплатить за это жизнью, а там — будь что будет! — сказал он самому себе. — Не успокоюсь, пока не всажу нож в грудь предателю. А после этого, может быть, удастся освободить рабби».

Приняв решение, старик немного успокоился. Теперь надо было ждать случая, когда можно будет осуществить задуманное.

В этот же день Ошер и его жена Сара прибыли в Браманц. Их путь отнюдь не был усеян розами. Им, как и рабби, пришлось преодолеть многочисленные препятствия, но с Б-жьей помощью они все-таки добрались до цели. Они вошли в ворота еврейского гетто города с сердцами, бьющимися от радости. Как счастлив будет отец увидеть дорогих ему людей, любимую дочь и зятя! Они еще не знали, какое ужасное разочарование ждет их здесь.

Был поздний вечер, вокруг темень и тишина. Ставни всех домов гетто были закрыты, заперты. Усталые путники подошли к первому дому и постучали в дверь. Через минуту на пороге дома появилась пожилая испуганная женщина. При виде евреев она не проявила беспокойства, но, узнав, что они ищут рабби Меира из Ротенбурга, закричала:

— Того, который чуть не обрушил на наши головы большую беду?! Уходите, оставьте мой дом!

Ошеломленные Ошер и Сара остались у двери, с шумом захлопнувшейся перед ними. Они молча с недоумением смотрели друг на друга. Что это? Какую беду мог отец навлечь на местных евреев? Они догадывались, что произошло что-то чрезвычайное.

Оказавшись на улице чужого города, они постучались в двери еще нескольких домов, но всюду им отвечали так же резко, враждебно. Молодые супруги не знали, что делать. Воображение рисовало им самые ужасные картины.

Наконец они встретили старого еврея, который возвращался из бейс а-мидраша. Этот человек сжалился над ними, рассказал им о том, что произошло с рабби Меиром, объяснил, почему евреи гетто так агрессивны по отношению к ним: каждый звук внушает им страх, что граф жестоко накажет их за то, что они приняли у себя государственного преступника.

– Вот почему никто не позволит вам переступить порог его дома, все боятся, что вы такие же беженцы. Не судите их строго, поймите, ведь только этой неприятности нам недоставало.

Ошер и Сара долго молчали, потрясенные рассказом старика.

– Расскажи нам, пожалуйста, как был арестован наш рабби, – попросил Ошер доброго человека.

Тот с подробностями описал им, как это происходило.

Уже стало светать, за стенами гетто послышались голоса, свист и брань. Голоса, шум все приближались. Сонные евреи выглядывали в окна, скоро узкие улицы гетто заполнили его испуганные полуодетые обитатели.

– Опять нападение на гетто! – закричал кто-то. – Сюда идет толпа резать и бить нас за то, что мы спрятали рабби из Ротенбурга!

Женщины и дети плакали, причитали. Из-за стен гетто раздавались сильные удары в ворота и крики:

– Открывайте! В городе случилось убийство! Два еврея убили друг друга! Откройте ворота, получите их тела!

Немного успокоившиеся евреи быстро открыли тяжелые железные ворота. Огромная толпа христиан ворвалась внутрь. Двое из них внесли двух убитых евреев, из которых на землю все еще текла кровь. Те, кто несли трупы, сообщили:

– Они в схватке закололи друг друга ножами. Возьмите их, похороните.

Пришлось дать несколько монет в руки вожаков толпы, чтобы те утихомирили и повернули людей домой. За ними заперли ворота и внесли тела в ближайший дом. Никто из евреев, собравшихся вокруг них, не мог опознать погибших. Вдруг установившуюся тишину прорезал вопль. Все повернули головы к незнакомым людям, мужчине и женщине, с ужасом смотревшим на эти два тела. Это были Ошер и Сара, которые узнали в трупах реб Моше, верного слугу рабби Меира, и выкреста Кнеппе. Супруги с грустью смотрели на бедного реб Моше, рука его еще сжимала нож с запекшейся кровью.

Преданный слуга отомстил, как задумал, за своего хозяина. Приняв решение положить конец жизни выкреста, он вышел в город, долго ходил по улицам, пока не встретил ненавистного предателя. И Кнеппе его узнал.

– Эй, слуга, – окликнул он его, – я еще не закончил работу! И Ошер получит свое, его посадят в тюрьму! Тогда Сара будет моя, захочет она или не захочет!

И без того кипевший от гнева и ненависти старик дал выкресту звонкую горячую пощечину. Кнеппе опешил, но пришел в себя и нанес противнику удар кулаком. Через несколько секунд оба катались по земле, удары сыпались с одной и другой стороны. То выкрест брал верх, то старик. Собравшаяся вокруг них толпа с удовольствием следила за боем, подбадривая криками дерущихся. В какой-то момент реб Моше сумел вытащить нож из кармана плаща и с силой воткнуть его в грудь Кнеппе. Фонтан горячей крови брызнул из сердца выкреста. Но и он успел собрать остатки сил и ударить реб Моше тяжелым камнем по голове. Оба испустили дух одновременно.

Глава десятая

СИЛА ДУХА

Таким образом реб Моше отомстил предателю Кнеппе за рабби Меира и освободил от него евреев, знавших выкреста, испытавших на себе грязные доносы. Однако смерть злодея не принесла облегчения рабби Меиру. Никаких изменений к лучшему в его положении не произошло. Он оставался в тюрьме, где время тянулось монотонно, долго. Оторванный от света дня, от родных и близких, от святых книг, рабби надеялся на Отца небесного, который спасет его от беды, как спасал от всех прежних бед. В Нем он находил отраду и утешение, благодаря чему не впадал в отчаяние.

Ошер и его жена всеми средствами пытались помочь рабби. Они посетили графа Браманца, просили освободить отца Сары, объяснили ему причины его бегства. Граф, у которого под бархатом, расшитым золотом, стучало сердце отзывчивого человека, все хорошо понимал, но не в его власти было удовлетворить их просьбы. Только император мог освободить узника. Но если не в силах графа было освободить рабби, он делал все, чтобы облегчить ему тяжесть жизни в тюрьме. По его приказу начальник тюрьмы разрешал Ошеру и Саре посещать рабби и подолгу с ним разговаривать. Для одинокого человека, брошенного в темное подземелье, это было величайшим благом.

Между Ошером и графом завязалась дружба, еврей имел право свободно приходить во дворец. Ошер удостоился уважения графа как человек, способный глубоко вникать в проблемы, которые они вместе обсуждали.

Прошло несколько месяцев. Евреи Браманца, так недружелюбно встретившие Ошера и его жену совсем недавно, теперь при всяком удобном случае пытались с ними помириться, воздать им должный почет.

Однажды, когда Ошер явился во дворец, его пригласили в библиотеку и там сообщили о прибывшем от императора письме, содержащем приказ перевести рабби из Браманца в тюрьму Эгзасгейма в Эльзасе.

– Я сделал для вас все, что мог, – очень учтиво и с сожалением сказал ему граф, – не жалел усилий и старался для вас и вашего тестя. Однако сейчас рабби полностью выходит из-под моего подчинения, и вам следует ехать в Энзисгейм. Дай вам Г-сподь понравиться местным властям, пусть они отнесутся к рабби Меиру, как к нему относился я.

Ошер поблагодарил графа от всего сердца и выразил ему признательность за все хорошее, что он сделал для его семьи. Из дворца он вышел мрачный и озабоченный. «В Энзисгейм, – думал он с грустью, – отправляют приговоренных к длительному заключению. Там содержат самых опасных преступников, у которых нет надежды увидеть когда-нибудь свет дня».

С такими мрачными новостями и мыслями Ошер вернулся на постоянный двор, к Саре. Выслушав мужа, женщина залилась слезами и обратилась к Ошеру со словами:

– Дело очень серьезное. Необходимо сейчас же поехать по всем еврейским общинам и рассказать нашим братьям, сынам Израиля, обо всех бедах и испытаниях, которые выпали на долю отца. Надеюсь, что они не позволят отцу остаться в тюрьме до конца его жизни. Еврейские сердца ответят на призыв и, я уверена, евреи постараются собрать деньги, чтобы выкупить отца из неволи. Думаю, обычай выкупать пленных, принятый у нашего народа, еще сохранился.

Ошер согласился с женой и решил немедленно отправиться в путь.

Все дальнейшее происходило, как предполагала Сара. Повсюду главы общин принимали Ошера с большим почетом. Каждая община жертвовала выше ее возможностей. Главы общин и раввины описывали перед собраниями своих прихожан положение, в котором оказался рабби Меир, увенчанный короной Торы и германского еврейства. Несчастье, обрушившееся на уважаемого рабби, вызывало большое сочувствие у евреев, пробуждало в их сердцах чувство единства. Старики и молодые люди щедрой рукой делали свои взносы.

Ошер убедился в том, что он может собрать сумму, необходимую для выкупа тестя, и отправился в Ратвильд, к императору, который в то время находился там. В Ратвильде он сумел познакомиться с влиятельными людьми, и те помогли ему получить аудиенцию у императора.

Одевшись как можно лучше, Ошер отправился в императорский дворец. Прежде чем предстать перед императором, он вознес молитву Всевышнему. Император принял его милостиво и дал понять, что готов отпустить рабби, если евреи смогут собрать для его выкупа огромную сумму. В любом случае, даже если не удастся принести всю сумму, он отдаст приказ облегчить, насколько это возможно, условия содержания рабби в тюрьме. Для обсуждения деталей он отослал Ошера к главному министру.

С чувством глубокой признательности Ошер вышел от императора. Один из подчиненных главного министра провел его в большой светлый зал, где хранилось много всяких бумаг и папок. В этом зале была сосредоточена власть над Германией, отсюда тянулись нити внутренней и внешней политики государства. Здесь рождались документы по управлению борьбой императора с непокорными рыцарями.

Открылась дверь, и на пороге появился высокий и стройный седой человек, это был главный министр. Он обвел всех взглядом, увидел Ошера и сказал:

– А, это ты тот молодой человек по имени Ошер! Садись, пожалуйста, и расскажи мне про условия выкупа.

Ошер поклонился и сел на указанное ему место. Министр спросил, нет ли у рабби Меира жалоб на тюремное начальство.

– Мы, с нашей стороны, – заявил он, – делаем все от нас зависящее, чтобы облегчить жизнь в тюрьме уважаемого раввина.

– Нет никаких причин жаловаться, – заверил министра Ошер со всем почтением – Евреи Германии шлют свои благословения и благодарность Его Величеству и министрам за помощь, оказываемую моему тестю. Но мы верим, что сможем заплатить самую большую цену за его освобождение. Пусть милостивый господин определит, какой должна быть необходимая сумма, и мы постараемся ее собрать как можно скорее.

– Так вот, – начал главный министр, – мы знаем, что рабби Меир пользуется у вас большим уважением и вы не позволите ему томиться в заключении. Жизнь в тюрьме, молодой человек, совсем не легка, даже при всех послаблениях, которых там можно добиться. Если евреи действительно намерены выкупить рабби, это вызывает у нас понимание и удовлетворение. Мы охотно окажем вам подобную милость. Для его выкупа вам потребуется двадцать тысяч серебряных марок. Если найдете эту сумму за три месяца, ваш раввин выйдет на свободу.

После этих слов главный министр встал, показывая, что беседа окончена.

Радостный, полный надежд, покинул Ошер дворец главного министра. Он был уверен, что еврейское население Германии не смирится с тем, что великий рабби остается в тюрьме, и сумеет собрать пугающе большую сумму, чтобы освободить его.

Проникнутый этой надеждой, Ошер поспешил в Эльзас сообщить тестю, что день его освобождения близок. Он легко добился разрешения на свидание с рабби Меиром.

Условия в тюрьме Энзисгейма оказались несравненно более тяжелыми, чем в Браманце, они были ужасными. Со всех сторон тюрьму окружал глубокий и широкий ров с водой, попасть в нее можно было лишь через узкий железный подъемный мост. Заключенные были лишены какой-либо возможности видеть хотя бы иногда окружающий мир. С большим страхом Ошер перебрался по мосту к мрачному зданию тюрьмы.

«В этом темном жутком месте, – думал он с грустью, – погребена жизнь Гаона Израиля». Однако его поддерживало сознание, что остается немного времени до освобождения рабби. С такими мыслями он появился в камере своего тестя.

Рабби Меир очень постарел, белая борода обрамляла его осунувшееся бледное лицо. Он выглядел как человек, подвергаемый мукам на большом священном жертвеннике беды. Даже тем, кто не знал этого узника, одного из великих раввинов Германии, было видно, что он не похож на других заключенных этой тюрьмы. Каждый проникался чувством глубокого уважения к нему.

Рабби Меир крепко обнял своего зятя, несколько минут они оба стояли молча, с глазами, полными слез. Начальник тюрьмы, присутствовавший при этой встрече, тоже не мог сдержать слез. Каменное сердце тюремщика ощутило, что должен чувствовать невинный человек, против воли оторванный от семьи и своих книг, брошенный в мрачную и холодную тюремную камеру.

Придя немного в себя от волнения, Ошер веселым голосом поспешил сообщить дорогому тестю:

– Наконец я принес тебе радостную весть, ты скоро выйдешь на свободу. Я был у императора и его главного министра, они согласились освободить тебя за двадцать тысяч серебряных марок. Эту сумму обещали мне собрать еврейские общины Германии, хотя это и выше их сил.

К удивлению Ошера, рабби принял эту весть с полным равнодушием. Он погрузился в размышления, шагая взад и вперед по камере, было очевидно, что внутри него совершается трудная работа. Наконец он остановился рядом с зятем и решительно заявил:

– Нет, мой дорогой и любимый зять, я не имею права принять эту жертву. Она действительно выше сил моих братьев, сынов Израиля. При всем своем стремлении к свободе и свету жизни, к семье и моим святым книгам я не могу пойти на это. Если бы это произошло, если бы власти увидели, что евреи выкупают раввинов-узников за такие большие деньги, они каждый понедельник и четверг хватили бы по одному такому раввину, чтобы выжать все возможное из еврейского населения. Представь себе, какую катастрофу это повлечет за собой для наших братьев. Никто не будет уверен, что ночью его не вытащат из дома и не бросят в тюремный колодезь. Нет, я не могу согласиться с этим. Однако передай общинам мою искреннюю благодарность за их готовность освободить меня любой ценой. Скажи им, что я предпочитаю навсегда остаться узником, чем подвергнуться и без того угнетенных и преследуемых братьев новым бедствиям. Только одна просьба у меня к тебе, дорогой зять! Попытайся повлиять на императора, чтобы мне разрешили перевезти сюда из Ротенбурга мои книги и позволили отвечать на письма всем тем, кто будет обращаться ко мне с вопросами. Это все, о чем я прошу. Теперь вернись домой, передай горячий привет моей единственной дочери, и да поможет тебе Б-г во всех твоих делах.

Глава одиннадцатая

ВЕЧНЫЙ УЗНИК

Ошер знал, что бесполезно убеждать тестя поступить иначе. Рабби Меир хорошо все взвешивает, прежде чем принять решение, и когда оно принято, ничто на свете не заставит его отступить. Со скорбью в сердце он попрощался с дорогим ему несчастным узником, получил от него благословение на дорогу и заторопился домой, к Саре.

Взвесив все обстоятельства, Ошер пришел к выводу, что у него нет возможности выполнить просьбу рабби Меира. Рассчитывавший на выкуп, но не получивший его, император обрушит свой гнев на Ошера, который был косвенным виновником этого. Он вспомнил о старом намерении бежать с Сарой в Испанию. Вот и настал час осуществить тот план.

Сара согласилась с Ошером, что нет у них другого выхода, кроме бегства из Германии. Рано утром они покинули Браманц, не столкнувшись с какими-либо трудностями при пересечении границы, и Ошер вознес благодарственную молитву Б-гу. Оттуда они повернули на юг, в великолепную страну Испанию, которая тогда была подобна райскому саду для евреев.

Еврейский народ чувствовал себя в этой стране свободно. Он не знал тех преследований и погромов, которые стали частью судьбы евреев Германии. Евреи занимали высокие посты в государстве, в их руках была сосредоточена львиная доля торговли. Были они зажиточны и счастливы.

В Испании Ошера и его жену принимали очень тепло. Им выказывали любовь и преданность как всякому еврею, спасшемуся из германского гетто. В конце концов они прибыли в город Тулитула, где жил рабби Шломо, друг юности рабби Меира. Там они нашли крышу над головой и отдых от долгой дороги. Очень скоро Ошер удостоился большого уважения со стороны евреев города. Рабби Шломо представил его главам общины, рассказал о величии отца Сары рабби Меира. Ближе узнав Ошера, все оценили его знания и мудрость, было решено назначить его раввином общины.

Прошло совсем немного времени, а имя рабби Ошера, знатока Торы, приобрело известность по всей Испании. К нему стало стекаться множество учеников из всей страны. Как когда-то дом его тестя рабби Меира в Ротенбурге, дом рабби Ошера в Тулитуле был всегда полон молодых людей, изучавших Талмуд. Рабби Ошер жил в покое и тишине, писал свои великие труды, в частности «Гаошри».

Счастье Сары, которая черпала полной ложкой от величия своего мужа, наслаждалась благополучием и покоем, было бы безграничным, если бы в глубине ее сердца не горела и не болела незаживающая рана. Постоянно перед ее глазами возникал образ старого одинокого отца, запертого в германской тюрьме.

Однажды в приятный летний день у прекрасного дома рабби Ошера остановился усталый, измученный прохожий. Лицо его, покрытое слоем пыли, свидетельствовало о том, что он преодолел долгий и тяжелый путь. Осведомившись, здесь ли живет рабби Ошер, человек попросил:

– Пожалуйста, сообщите рабби, что еврей из Германии принес ему привет от самого близкого и дорогого ему человека.

– Перед тобой дверь в комнату рабби, – показал слуга на одну из дверей, – его дом всегда открыт для всех, к нему можно войти без предупреждения.

Рабби Ошер сидел в окружении своих учеников, которые слушали урок Талмуда. Рабби сразу узнал в путнике еврея из Германии и поспешил к нему навстречу, протянул ему руку.

– Я ученик и посланец вашего тестя, нашего рабби Меира, – сказал гость. – Это он послал меня сюда, передать от него привет.

Рабби Ошер сразу же повел его в комнату жены.

– Сара! – звал он взволнованным голосом. – Подай лучшее угощение нашему гостю. Он прибыл из Германии и принес привет от отца.

Глаза Сары засветились радостью. Она немедленно распорядилась подать к столу все лучшее, что было в доме.

Рабби Ошер и Сара с нетерпением ждали, пока путник утолит свой голод и передохнет, после чего расскажет, как живет рабби Меир.

Закончив трапезу и благословив еду, ученик рабби Меира начал свой рассказ:

– Сразу после вашего ухода в Испанию все общины узнали об участии рабби Меира. Мы боялись, как бы император не перенес свой гнев на рабби, не наказал бы его жестоко. Однако не может никогда человек понять слабым умом Высшее Провидение. Чудеса, настоящие чудеса открыл Г-сподь нашему рабби. Пролилась вдруг милость императора на вашего отца, и он велел тюремным властям предоставить ему всякие привилегии и послабления. Огромная библиотека рабби по указанию императора была перевезена из Ротенбурга в тюрьму. Нет слов, чтобы описать радость узника, когда он получил свои книги. Он был счастлив, как младенец, увидевший мать после разлуки, с нежностью стирал с них пыль, осевшую за долгие годы, покрывал поцелуями их страницы. Ему была отведена просторная комната, полная света и воздуха, чтобы он мог спокойно заниматься Торой. Наконец, он получил разрешение отправлять ответы всем обращающимся к нему с вопросами, а также обучать Торе определенное число учеников. Чести быть его учеником удостоился и я. Узнав, что мне по делам предстоит отправиться в Испанию, он очень этому обрадовался и просил меня заехать к вам и принести от него сердечный привет.

Рабби Ошер и Сара выслушали эту весть с огромной радостью. Но они не узнали, что после того как этот еврей покинул Германию, в жизни рабби Меира произошли большие изменения к худшему.

Война с рыцарями разгоралась все сильнее, вся Германия была похожа на одно поле битвы, где брат убивал брата. Всеобщее бедствие ухудшило и условия жизни в тюрьме, и рабби Меира лишили всех его привилегий. Наказания тела и души становились тяжелее с каждым днем, его жизнь угасала, как свеча, наконец его чистая душа покинула измученное тело.

Но и после смерти не оставил его горький жребий. Рабби Меира не разрешили похоронить по еврейскому обряду, пока евреи не заплатят большого выкупа. Условия выкупа были таковы, что невозможно было их выполнить.

Четырнадцать лет тело рабби Меира лежало в тюрьме в ожидании места последнего покая. Он был узником и при жизни, и в смерти. В летописях немного таких святых, как рабби Меир.

Только четырнадцать лет спустя богатый еврей из Франкфурта Александр Зискинд смог получить тело рабби Меира и похоронить его на еврейском кладбище в Вормсе со всеми почестями, достойными его.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Дорогие друзья!

У меня давно появилось желание написать вам. Последним толчком послужил рассказ А. Козака «Абраша и Даша», опубликованный в августовском номере журнала «Лехаим».

В связи с этим хочу вкратце рассказать историю своей семьи. Я родилась в ассимилированной семье, отец – русский, мать – еврейка. И русские, и еврейские дедушки и бабушки умерли до моего рождения. Еврейкой я себя не ощущала, хотя мне часто напоминали о моей национальности – слишком характерна моя внешность. Мама стеснялась своего еврейства и, когда я поступала в институт, посоветовала мне изменить в анкете ее имя, отчество и фамилию. А вот русский отец рассказывал мне о добрых отношениях, существовавших между моим русским дедом и его еврейскими соседями, о том, как в 20-е годы во время нападения на евреев разных банд (моя родня жила на Украине, недалеко от Днепропетровска) мой русский дед прятал у себя в погребе несколько еврейских семей. И брак моих родителей в 1936 году не вызвал шока ни у русской, ни у еврейской родни.

И муж мой был русским, хотя в нем есть часть и еврейской крови. Но наши дети оказались евреями. Старшая дочь замужем за человеком, который тоже ощущает себя евреем, хотя в нем только часть еврейской крови. В семье он не получил еврейского воспитания, но когда мы все собираемся на праздник Пейсах, именно он, надев кипу, ведет пасхальный Сейдер, читает вслух Агоду. Маленькие внуки тоже знают о своем еврействе – им об этом рассказывали родители.

Моя другая взрослая дочь поменяла свою русскую фамилию на еврейскую фамилию бабушки, которую она уже не застала. В канун праздника Пейсах она приходит к своему русскому начальнику и объясняет ему, что завтра она не сможет прийти на работу, потому что этот день для нее священный.

Один из моих сыновей заканчивает еврейскую школу и собирается поступать в Еврейский университет. Младший уже два раза отдыхал в лагере «Ган Исроэл». В школе он всем давно объявил, что он – еврей, по своей же внешности вполне мог сойти за русского.

Самый старший сын тоже не отрекается от своих корней.

В пятницу вечером мы зажигаем субботние свечи, я произношу благословение. Халу, как правило, пеку сама. И еще много традиционных еврейских блюд я умею готовить. Знаю и пою традиционные еврейские песни, немного знаю иврит.

В годовщины смерти моих родных я прихожу в синагогу, чтобы прочесть поминальную молитву.

У меня хранятся фотографии моих дедушки и бабушки, а также прадедушки и прабабушки конца XIX века. Разглядывая с детьми эти старые снимки, мы чувствуем связь поколений, которая отнюдь не утрачена и будет продолжаться дальше.

Ваш журнал я читаю очень внимательно и с интересом, даю его читать своим близким и знакомым, в том числе неевреям, чтобы и они больше узнали о жизни евреев, их историю.

Желаю благополучия и успехов сотрудникам редакции журнала «Лехаим», а также спонсорам, не жалеющим средств на обеспечение полноценной жизни еврейской общины, особенно отдыха детей.

Èðèí à Ñíèíàíàí èèíàí

Ì ìíèàí

Необходимо уравнивание высказываний

Журнал «Лехаим» позволяет читателям знакомиться с мнением разных людей. Эти мнения, естественно, бывают противоречивы, и хорошо, что редакция не стремится сглаживать эти противоречия, уходить от них.

Однако я хочу коснуться другого вопроса – меры уравнивания высказываний в журнале.

Поясняю, что я имею в виду. В 5-м номере журнала (май, 2000) было помещено обращение раввина к читателям, в котором сообщалось, что Б-г предлагал, «как сказано нашими мудрецами... Тору... другим народам» (прежде чем предложить ее евреям), но те испугались налагаемых обязанностей. «Так жить мы не сможем», – заявили они все. (Поразительно, насколько высоко развито было чувство ответственности у отказавшихся. – Л. Д.) И далее сообщается, что только мы, евреи,.. без всяких обсуждений и т. д.

Все это довольно сильно смахивает на высказывания «Ребе Сталина»:

«Мы, большевики, люди особого склада, мы... мы...»

Я вовсе не призываю установить пределы комплиментарных самооценок. Но было бы замечательно, если бы редакция, предоставляя возможность публикации еврейско-большевистских самовосхвалений, публиковала бы и полярные самооценки, до момента поступления дифирамбов от других народов, да и после наступления такого момента.

В первую очередь можно поместить в журнале отрывки из Шолом-Алейхема, публикации других, в том числе современных еврейских писателей, которых 99 % наших читателей не знает. Быть может, для развития критического еврейского самосознания было бы полезно публиковать выдержки из печально известной «Исповеди», оставшейся в памяти евреев старшего поколения (автор – еврей Исай Тобольский), либо, скажем, обзоры криминальной хроники израильской печати.

Добавлю немного. Ознакомление с еврейскими обычаями, традициями, праздниками и пр., чему уделяет много места журнал, оправдано, поскольку сближает евреев, пусть даже в малом.

Но хотелось бы соблюдать большую уравнированность при публикации статей на религиозные темы. Как математик я допускаю существование Б-га. Но как еврей должен сказать, что Б-гу было угодно, чтобы вера в Него утонула в морях еврейской, и не

только еврейской, крови. Кто-либо берет на себя смелость объяснить пролитую кровь невинных детей, упоминая при этом Всемогущего? Много евреев моего возраста (пенсионного) думают таким же образом.

Ñ óààæáí èáí

Ëáá Äáî ðééí,

Ñáðàò íá

Уважаемые читатели!

Перед вами два письма, авторы которых, как нам кажется, по-разному относятся к своему еврейству, национальному самосознанию. Редакция решила не комментировать эти письма, а предложить это сделать вам, читателям. Мы предвидим, что мнения, как пишет г-н Дворкин, будут противоречивыми. В заключение дискуссии, если она состоится, мы предполагаем подвести ее итог и добавить немного от себя.

Ðáááéóëÿ

АВТОИНТЕРВЬЮ

Б.Е. Ефимов

Уважаемые читатели журнала «Лехаим»! Вы знаете, что на страницах этого замечательного журнала время от времени публиковались и мои очерки о разных людях, которых я лично знал и о ком, на мой взгляд, стоило вспомнить и рассказать.

На сей раз редакция журнала предложила мне написать о себе самом. Догадываюсь, что это связано с моей приближающейся круглой датой...

Такое предложение для меня, естественно, чрезвычайно приятно и лестно. И я искренно благодарен за него Боруху Горину и Мусе Иосифовне Вигдорович.

Думается мне, что в данном случае уместна будет традиционная форма интервью.

Но, чтобы никого не утруждать, я решил взять эту задачу на себя. Итак, я сам себе задаю вопросы и сам на них отвечаю.

Редакция «Лехаима» поздравляет старейшину авторского коллектива журнала, известного художника и писателя **Б.Е. Ефимова с его 100-летием.**

Дорогой Борис Ефимович!

Мы желаем Вам во втором столетии здоровья, сохранить на нынешнем уровне свой ясный, светлый, оригинальный ум и феноменальную работоспособность, в которой мы весьма заинтересованы, по меньшей мере до 180, а там видно будет...

Скажите, Борис Ефимович, правда ли, что вам в недалеком будущем исполнится СТО лет?

Чистая правда. Только я предпочел бы выразиться более осторожно – **ВОЗМОЖНО**, исполнится. Наше время, как известно, непредсказуемо и чревато... неожиданностями.

Ну, будем надеяться, что все будет хорошо. А назовите, пожалуйста, точную дату.

28 сентября текущего года.

И как вы к этому относитесь?

С удивлением. Но приходится считаться с фактом.

А чем вы объясняете такое в общем незаурядное долголетие?

Понятия не имею. Сам весьма озадачен.

Скажите, Борис Ефимович, а в вашей семье были долгожители?

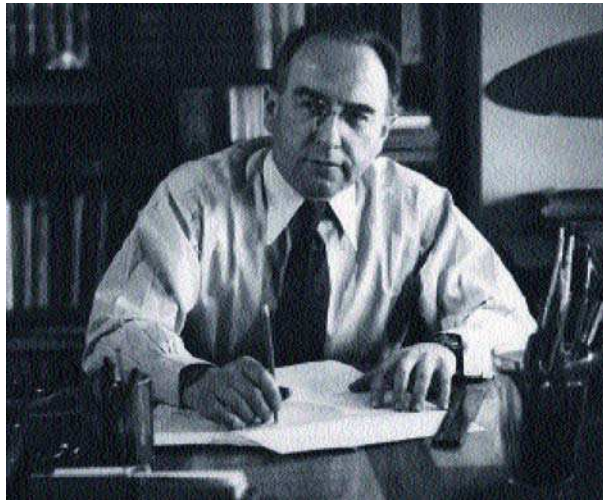
Были. Отец умер в 1945 году 85 лет от роду. Мать прожила 89 лет. А вот брату моему Михаилу (он был старше меня на два с половиной года) судьба отпустила короткую жизнь – в годы сталинского террора он был репрессирован и расстрелян в возрасте немногим больше сорока.

А как же вы уцелели? Ведь по неписанным законам того страшного времени вслед за арестованным отправляли в тюрьму, в ссылку, а то и расстреливали его ближайших родственников.

Да. Как правило, так и было. Подобная участь предстояла, несомненно, и мне. Но я остался на свободе, хотя клеймо брата «врага народа» лежало на мне 16 лет, вплоть до посмертной реабилитации Михаила в 1954 году.

А чем вы объясняете, что не были арестованы вслед за братом? Просто повезло?

Ну, нет. Какое тут везение? Объясняется все тем, что Тот, кто, как писал Александр Твардовский, «...для всех нас был одним судеб вершителем земным», сказал по поводу меня «Нэ трогать». И меня не тронули.

Был когда-то и помоложе...

А почему, по вашему мнению, он так сказал? Пожалел?

Что вы? Сказал, конечно, не по доброте, не из гуманности, не из жалости. Известно, что от подобных чувств Отец народов был абсолютно свободен. Но он был, как мы его между собой именовали, «Хозяин». И хозяйством его была вся наша огромная страна. В этом его «хозяйстве» ему был, видимо, нужен и опытный карикатурист. А мои рисунки, по-видимому, нравились, и рассматривал он их весьма внимательно, в чем я не раз имел возможность убедиться. Приведу, в частности, такой пример. Дело было в 1937 году. Меня как-то вызвал к себе в редакцию «Правды» небезызвестный Мехлис, одна из самых зловещих фигур той поры. Произошел следующий разговор:

– Ефимов! Я должен вам передать, что ОН сказал.

Спрашивать, кто такой ОН, не было надобности. У меня екнуло сердце и невольно вырвалось:

– Что-нибудь неприятное, Лев Захарович?

На это Мехлис строго и наставительно ответил:

– Когда ОН говорит, это всегда приятно. Приятно для д е л а! Понимаете?

– Да, да, Лев Захарович, – заторопился я. – Конечно, конечно...

– Так вот. ОН обратил внимание, что, когда вы изображаете японских милитаристов-самураев, то обязательно рисуете их с огромными зубами, торчащими изо рта. ОН сказал, что этого не надо делать. Это оскорбляет национальное достоинство каждого японца.

– Хорошо, Лев Захарович. Понял. Зубов больше не будет.

Я поднялся с места, полагая, что разговор закончен. Но Мехлис жестом задержал меня и принялся подробно втолковывать (явно со слов «Хозяина»), какое важное значение имеет в газете политическая карикатура наравне с любой политической статьей, беседой, интервью, как ответственно надо подходить к ее содержанию и исполнению.

Есть еще более разительный пример в этом плане, который я не могу не упомянуть, хотя он довольно широко известен. Дело было уже после войны, в 1947 году. Сталин передал мне через А.А. Жданова поручение нарисовать карикатуру на генерала Эйзенхауэра, причем довольно подробно описал ее сюжет, а сделанный мной рисунок собственноручно отредактировал. И даже счел нужным в этой связи поговорить со мной по телефону...

Борис Ефимов в наши дни.

Борис Ефимович, все это «дела давно минувших дней». А какова ваша деятельность в настоящее время? В печати ваших карикатур что-то не видно.

И неудивительно, я их больше не рисую. Почти полностью переключился на литературный труд. Пишу очерки и воспоминания о событиях, которых «свидетелем Господь меня поставил». Не так давно в издательстве «АГРАФ» вышла книга «Мой век», а сейчас в издательстве «ВАГРИУС» подготовлено к печати и, возможно, через месяц-другой выйдет в свет значительно более расширенное мое сочинение под названием «Десять десятилетий». Своими воспоминаниями, впечатлениями и размышлениями делюсь нередко и по телевидению. В общем, я вроде, как теперь принято говорить, «востребован» и очень это ценю.

Борис Ефимович, вернемся, однако, к вашей круглой дате. Как вы собираетесь ее отметить?

Никак не собираюсь. Не хочу даже думать об этом. И, честно говоря, не совсем понимаю, почему вокруг достижения человеком того или иного возраста нужно обязательно развернуть какую-то суету и шумиху. В чем дело? Разве возраст сам по себе большая заслуга человека? Что за подвиг он этим совершил? Тем, что дожил до таких-то или таких-то лет? Ну, и пусть радуется на здоровье. А за что, собственно, его превозносить?

Таков, Борис Ефимович, исконный и добрый обычай. Не слишком ли вы прибедняетесь? Не позерство ли это?

Не знаю, не знаю. Может быть... Я просто исхожу из здравого смысла.

Ну, дело ваше. Но поздравления вы согласны принимать?

Придется. И заранее за них благодарен.

Вар. Еремеев

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ СЕНТЯБРЯ 2000-го года

2 СЕНТЯБРЯ

65 лет со дня рождения актера театра и кино, народного артиста РСФСР, исполнителя многочисленных ролей в московском театре «Современник», телеролей Графа в «Женитьбе Фигаро», Лопатина в «Из записок Лопатина», Городничего в «Ревизоре», Джорджа в «Кто боится Вирджинии Вульф», Германа в «Тане», Игоря в «Дневном поезде», киноролей Сидорина в «Гараже», Дедушкина в «Гонках по вертикали», Президента в «Небесах обетованных» и др., автора эпиграмм и сатирических стихотворений **Валентина Иосифовича Гафта** (р. 1935, Москва).

130 лет со дня смерти артиста балета, балетмейстера, педагога, скрипача, постановщика балетов «Коппелия», «Конек-горбунок», «Ручей» и др., создателя системы записи танца (стенохореографии) **Артюра Сен-Лиона** (наст. фамилия Мишель; 1821 – 1870, Париж).

3 СЕНТЯБРЯ

90 лет со дня рождения юриста, главного судьи Верховного апелляционного суда США **Дэвида Базелона** (1910, Суперьор, США – 1993, Вашингтон, Коламбия).

130 лет со дня рождения дирижера, композитора, народного артиста СССР, профессора, дирижера Большого театра, автора музыкальной хроники «Джон Рид» **Льва Петровича Штейнберга** (1870, Екатеринослав – 1945, Москва).

5 СЕНТЯБРЯ

95 лет со дня рождения писателя, философа, считавшего человека «ошибкой», «тупиком» эволюции природы, корреспондента в Испании в период гражданской войны, автора книги «Испанское завещание», романов «Слепящая тьма», «Воры в ночи» и др. **Артура Кёстлера** (1905, Будапешт – 1983, Лондон).

40 лет со дня смерти экономиста, академика АН СССР, автора трудов в области денежного обращения и кредита, теории и истории экономических кризисов **Иосифа Адольфовича Трахтенберга** (1883, Мелитополь – 1960, Москва).

6 СЕНТЯБРЯ

20 лет со дня смерти режиссера, последователя системы Станиславского, основателя нью-йоркского театра Групп-Тиэтр, постановщика спектаклей «Дом Конелли», «В ожидании Лефти», «Проснись и пой», «Золотой мальчик», «Любовь под вязами», «Осенний сад» и др. **Харолда Клермена** (1901– 1980, Нью-Йорк).

7 СЕНТЯБРЯ

60 лет со дня смерти металловеда, члена-корреспондента АН СССР, создателя уральской научной школы металлургов, автора трудов по термической обработке и легированию стали **Сергея Самойловича Штейнберга** (1872 – 1940, Москва).

8 СЕНТЯБРЯ

75 лет со дня рождения актера, снимавшегося в фильмах «Самое маленькое зрелище на земле», «Карлтон Браун – дипломат», «Все в порядке, Джек!», «Нагая правда», «Мышь, которая рычала», «Алиса в стране чудес», «Розовая пантера», «Выстрел во мраке» и др., **Питера Селлерса** (1925, Саутси, Англия – 1980, Лондон).

9 СЕНТЯБРЯ

110 лет со дня рождения психолога, разработчика концепции личности на основе понятия «поля» как единства личности и ее окружения, одного из основоположников экспериментального исследования мотивации и психологии групп («групповая динамика») **Курта Левина** (1890, Могильно, Германия – 1947, Ньютонвайл, США).

11 СЕНТЯБРЯ

175 лет со дня рождения музыкального критика, профессора музыки Венского университета, теоретика музыкального формализма, автора трудов о музыкально-прекрасном, «Современная опера» и др. **Эдуарда Ганслика** (1825, Прага – 1904, Вена).

13 СЕНТЯБРЯ

75 лет со дня рождения джазового музыканта, певца, лауреата премии «Гремми» 1982 года **Мелвина Торме** (р. 1925, Чикаго).

14 СЕНТЯБРЯ

80 лет со дня смерти историка русской литературы и общественной мысли, библиографа, автора трудов о К. С. Аксакове, В. Г. Белинском, Н. В. Гоголе, И. А. Гончарове, составителя многотомных биографических и библиографических словарей по русской литературе, редактора литературного отдела Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, профессора Высших женских (Бестужевских) курсов и Психоневрологического института, председателя Литературного фонда России, организатора и первого директора Российской книжной палаты **Семена Афанасьевича Венгерова** (1855, Лубны Полтавской губ. – 1920, Петроград).

80 лет со дня рождения экономиста, исследователя в области экономико-математического моделирования, лауреата Нобелевской премии по экономике 1980 года **Лоренса Клейна** (р. 1920, Омаха, США).

16 СЕНТЯБРЯ

110 лет со дня рождения актера, снимавшегося в фильмах «С утра до полуночи», «Голем, как он пришел в мир» («Прислужник раввина»), «Старый закон» («Борух»), «Процесс», «Третий человек» и др., **Эрнста Дойча** (1890 – 1969).

19 СЕНТЯБРЯ

70 лет со дня рождения физика-теоретика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по кинетике разреженной плазмы, нелинейной теории распространения радиоволн в ионосфере **Александра Викторовича Гуревича** (р. 1930, Москва).

5 лет со дня смерти физика, профессора Бирмингемского и Оксфордского университетов, члена Британского Королевского общества, одного из разработчиков американской атомной бомбы **эзра Рудольфа Пейрлса** (1907, Берлин – 1995, Лондон).

20 СЕНТЯБРЯ

15 лет со дня смерти философа и логика, разработчика концепции «контекстуального натурализма», автора трудов по логике и методологии науки

«Введение в логически научный метод», «Структуры науки» и др. **Эрнеста Нагеля** (1901, Нове Место, Австро-Венгрия – 1985, Нью-Йорк).

40 лет со дня смерти артистки балета, театра и кино, исполнительницы поставленного для нее М. М. Фокиным на музыку А. К. Глазунова танца Саломеи, ведущих партий в балетах «Болеро», «Персефона» и др., основательницы и руководительницы собственной труппы **Иды Львовны Рубинштейн** (1885, Петербург – 1960, Ванс, Франция).

21 СЕНТЯБРЯ

65 лет со дня рождения математика, академика РАН, автора трудов по эргодической теории, динамическим системам, статистической физике, теории вероятностей **Якова Григорьевича Синаия** (р. 1935, Москва).

80 лет со дня рождения композитора, народного артиста СССР, автора песен «Калина красная», «Русское поле», «Журавли», «Сыновья», «Для тебя» и др., музыки к фильмам «Женщины», «Бегущая по волнам», «Новые приключения неуловимых», «Корона Российской империи» и др., драматическим спектаклям, лауреата Государственной премии СССР **Яна Абрамовича Френкеля** (1920, Киев – 1989, Москва).

22 СЕНТЯБРЯ

105 лет со дня рождения актера, выступавшего в нью-йоркском еврейском театре, снявшегося в фильмах «Лицо со шрамом», «Я – беглый каторжник», «Повесть о Луи Пастере» (премия «Оскар» за лучшую мужскую роль и МКФ в Венеции), «Жизнь Эмиля Золя», «Хуарес», «Ангел на моем плече», «Крадущийся незнакомец»,

«Последний рассерженный человек» и др., **Пола Муни** (наст. имя и фамилия Фредерик Майер Вайзенфройнд; 1895, Лемберг, Австрия – 1967, Монтесито, США).

115 лет со дня рождения режиссера, актера, сценариста, писателя, постановщика фильмов «Слепые мужья», «Дьявольская отмычка», «Глупые жены», «Карусель», «Алчность», «Веселая вдова», «Свадебный марш», «Королева Келли», снявшегося в фильмах «Алиби», «Гибралтар», «Великая иллюзия», «Сансет бульвар» и др., **Эриха фон Штрогейма** (1885, Вена – 1957, Марипа, Франция).

24 СЕНТЯБРЯ

85 лет со дня рождения поэтессы, прозаика, переводчика, драматурга, автора поэм «Зима этого года», «Зоя», «Твоя победа», поэтических сборников «Памяти храбрых», «Ленинские горы», «Синий час», «Четверть века» и др., мемуарной прозы, лауреата Государственной премии СССР **Маргариты Иосифовны Алигер** (1915, Одесса – 1992, Москва).

25 СЕНТЯБРЯ

80 лет со дня смерти предпринимателя, главы банка «Кун, Леб и Ко.», железнодорожного «короля» Америки, благотворителя, содержавшего кафедру социальных наук в Колумбийском университете Нью-Йорка, нью-йоркские зоологические сады и художественный музей, одного из организаторов Американского еврейского комитета **Якова Шиффа** (1847, Франкфурт-на-Майне – 1920, Нью-Йорк).

26 СЕНТЯБРЯ

10 лет со дня смерти писателя, автора романов «Равнодушные», «Римлянка», «Презрение», «Скука», «Рай», «Обманутые ожидания», «Маскарад», «Неповиновение», «Супружеская любовь», «Приспособленец», «Чочара», «Я и он» и

др., эссе, пьес, путевых очерков, **Альберто Моравиа** (наст. фамилия Пинкерле; 1907 – 1990, Рим).

27 СЕНТЯБРЯ

55 лет со дня рождения физика-теоретика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по квантовой теории поля и статистической физике, развившего топологические методы в теории элементарных частиц, **Александра Марковича Полякова** (р. 1945, Москва).

28 СЕНТЯБРЯ

85 лет со дня рождения казненной в США в тюрьме Синг-Синг (вместе со своим мужем Юлиусом) по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза **Этель Розенберг** (1915 – 1953, Нью-Йорк).

29 СЕНТЯБРЯ

110 лет со дня рождения химика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по химии гидридов, хлоридов и оксидов металлов, создателя методов производства безводного хлорида алюминия из глин и синтеза пероксида натрия, лауреата Государственной премии СССР **Исаака Абрамовича Казарновского** (1890, Николаев – 1981, Москва).

110 лет со дня рождения скрипача, педагога, профессора Московской консерватории, засл. деятеля искусств РСФСР, создателя скрипичной школы, учениками которой были Э. Гилельс, Э. Грач, Л. Коган, И. Безродный, Ю. Ситковецкий, М. Фихтенгольц, члена жюри Международного конкурса им. Изаи в Брюсселе **Абрама Ильича Ямпольского** (1890, Екатеринослав – 1956, Москва).

30 СЕНТЯБРЯ

105 лет со дня рождения режиссера, постановщика фильмов «Два арабских рыцаря» (премия «Оскар»), «На западном фронте без перемен» (премия «Оскар»), «Прогулка под солнцем», «Первая полоса», «Дождь», «О мышах и людях», «Триумфальная арка», «Отверженные» и др. **Льюиса Майлстоуна** (наст. имя и фамилия Лев Мильштейн;

1895, Чисинау, Россия – 1980, Калифорния).

1904-2000

Памяти коллеги, учителя и друга Арона Вульфовича Каплана

Умер профессор Каплан, богатый человек, капитал которого исчислялся не миллионами рублей, а мудростью и талантом, благородством и человеколюбием, неподдельной культурой и интеллигентностью, щедростью души и широтой мышления, не требовавший и не просивший ничего взамен от общества или окружавших его многочисленных пациентов, коллег, учеников.

Его жизнь была посвящена медицине, стремлению избавить человека от страданий, боли, инвалидности, а порой и сохранить ему жизнь.

Он дарил своим коллегам и ученикам новые методы лечения, новые инструменты и эффективные современные технологии.

В годы военных событий, на которых в качестве врача бывал проф. Каплан, позволили ему вернуть в строй свыше миллиона раненых, среди которых были маршалы (Рокоссовский и Еременко, Жуков и Василевский) и рядовые солдаты. Лечились у проф. Каплана и видные ученые (академик Вовси, Ландау и многие другие) и простые люди. Ко всем своим пациентам он относился одинаково ровно и уважительно. Различными могли быть лишь методы лечения в зависимости от тяжести ранения или болезни.

К нему с почтением относились его всемирно известные кол-леги – академики С.С. Юдин,

Б.В. Петровский, А.А. Вишневский и др.

Главной заботой педагога, ученого и талантливого врача А.В. Каплана было научить молодых коллег правильно клинически мыслить, своевременно оказывать эффективную помощь, стремиться к полному восстановлению утраченных функций организма больных и раненых.

Он был предан стране, где работал и жил, своему еврейскому народу, чьим сыном всегда себя считал и принадлежностью к которому гордился, оставаясь при этом истинным интернационалистом.

Пережив тяжелейший 1953 год – год «дела врачей», А.В. Каплан сохранил свое национальное достоинство и отказался вступить в антиссионистский комитет, когда многие наши единоверцы сделали это, боясь повредить своей карьере.

